НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛАРУСИ
Институт социологии

Л. И. Науменко, Т. В. Водолажская

ЭТНИЧЕСКАЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ В ВОСПРИЯТИИ НАСЕЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ БЕЛАРУСИ

Минск
«Белорусская наука»
2006

УДК 323.1(476)
ББК 66.5(4Беи)
Н34

Рецензенты:

доктор политических наук *В. В. Бущик*,
доктор философских наук *Р. А. Смирнова*

Смирнова Рекомендована к изданию
Ученым Советом Института социологии НАН Беларуси

Науменко, Л. И.

Н34 Этническая и гражданская принадлежность в восприятии населения современной Беларуси / Л. И. Науменко, Т. В. Водолажская. — Минск : Белорус. наука, 2006. — 183 с.

ISBN 985-08-0784-9.

В монографии на богатом фактическом материале анализируются феномены этнического и гражданского самосознания жителей республики. Раскрывается содержание представлений об этнической и гражданской принадлежности. Рассматриваются чувства, адресованные нашими соотечественниками своей этничности и современному белорусскому государству. Исследуется социально-демографическая и региональная специфика этнической и гражданской идентификации.

Книга адресована специалистам в области социологии и психологии, занимающимся проблемами этнического и гражданского сознания, а также всем, кто интересуется социокультурными процессами, происходящими в современном белорусском обществе.

УДК 323.1(476)
ББК 66.5(4Беи)

ISBN 985-08-0784-9

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга об отношении наших соотечественников к своей этнической и гражданской принадлежности, об их представлениях и чувствах, адресованных этничности, гражданству и современному белорусскому государству, о социально-демографической и региональной специфике этнической и гражданской идентификации и их динамике.

По итогам последней переписи населения Беларуси[1], в 1999 г. впервые за послевоенный период (с 1959 по 1989 гг.) зафиксирован рост удельного веса белорусов в национальной структуре населения республики. При этом общая численность населения сократилась с 10 152 тыс. чел. (1989 г.) до 10 045 тыс. чел. (1999 г.), и продолжает сокращаться до настоящего времени.

При сравнении итогов двух последних переписей, в 1999 г. удельный вес жителей республики, назвавших себя белорусами, составил 81,2% (от общей численности населения РБ). Согласно материалам переписи 1989 г., этот показатель был равен 77,9%. Численность белорусов в национальной структуре населения возросла и по абсолютным показателям с 7 905 тыс. чел. (1989 г.) до 8 159 тыс. чел. (1999 г.). Последней переписью также зафиксирован рост доли белорусов, считающих родным белорусский язык.

---

[1] Национальный состав населения Республики Беларусь и распространенность языков. Итоги переписи населения Республики Беларусь 1999 года. Статистический сборник. Том 1. — Минск, Информстат Минстата РБ, 2001. 452 с.; Национальный состав населения Республики Беларусь, его демографические характеристики и образовательный уровень. Итоги переписи населения Республики Беларусь 1999 года. Статистический сборник. Т. 2.— Минск: Информстат Минстата РБ, 2001.— 498 с.

Таких, по итогам переписи 1999 г., оказалось 85,6%, а по данным 1989 г. их было 80,2%.

По мнению отечественных историков и этнологов, среди основных причин этих изменений, выделяются: миграционные процессы, а также усиление консолидационных тенденций, расширение этнотрансформационных процессов[2], рост национального самосознания белорусов[3], вызванный возникновением суверенного белорусского государства.

В этой связи представляется чрезвычайно важным определить не только то, насколько устойчивы и необратимы зафиксированные последней переписью тенденции, но и исследовать специфику, содержание, состояние национального самосознания населения республики, диагностировать характер, ход и динамику его изменений, определить причины и факторы, обусловливающие его развитие. Именно это и определило задачи наших исследований.

Основной целью при подготовке этой монографии являлось стремление обобщить и представить результаты ряда проведенных авторами в нашей республике в последние годы (с 2000 по 2004 гг.) исследований базовых феноменов и механизмов самосознания населения республики.

Комплекс рассмотренных в книге проблем охватывает анализ различных апектов социального восприятия этничности и гражданства жителями современной Беларуси. Особое внимание в монографии уделено анализу особенностей и динамики этнической и гражданской идентификации белорусов, а также механизмам их изменения, которые рассматриваются сквозь призму смены

---

[2] *Каспяровіч Г.* Беларусы // Веды. — 15 кастрычніка 2001 г. — № 19 (123). — С. 4—5; *Каспяровіч Г. І.* Этнічнае развіцце беларусаў у навейшы час // Беларусы. Т. 4: Вытокі і этнічнае развіцце / В. К. Бандарчык, В. М. Бялявіна, Г. І. Каспяровіч і інш. — Мн.: Бел. навука, 2001. — С. 280—425.

[3] *Смалянчук А.* Беларусь за 100 гадоў: змяненні нацыянальнай структуры насельніцтва (1897—1999) // Мінулае Гродзеншчыны. Вып. 7. — Гродна, 2000. С. 3—18; *Смалянчук А.* Нацыянальная структура насельніцтва Беларусі ў XX ст. // Беларусь у XX стагоддзі. Вып. 1. — Мн.: Водолей, 2002. — С. 157—167.

поколений. Это позволяет как выявить содержание и направленность этих изменений, так и определить тенденции их развития в будущем. Помимо этого в книге последовательно анализируются содержательно-смысловая и эмоционально-ценностная стороны восприятия населением республики своих этнической и гражданской принадлежностей. Это реализовано с помощью анализа содержания представлений наших соотечественников о своих этничности и гражданстве, а также представлений о чувствах, адресованных этничности и белорусскому государству.

Книга состоит из семи глав. В первой главе монографии восстановлен социально-исторический контекст актуализации проблем этничности и гражданства в процессе трансформации социальной идентичности в постперестроечный период. Рассмотрены различные исследовательские подходы к проблеме кризиса социальной идентичности в постсоветском обществе. Определена роль этничности в его преодолении или усугублении.

Во второй главе особое внимание уделяется феномену изменяющейся социальной идентичности в современном обществе. Анализируются место и значение этнической и гражданской идентификаций в системе составляющих социальной идентичности, а также рассматривается их связь с территориальной, советской, европейской и др. идентификациями; с этническими и гражданскими установками, дана характеристика их социально-демографической и региональной специфике.

В третьей главе рассматривается влияние фактора смены поколений на восприятие этничности и гражданства. В ней анализируются особенности этнической и гражданской идентификаций трех поколений белорусов, содержание их представлений о своей этнической и гражданской принадлежности, а также их чувства, адресованные этничности и Беларуси.

В четвертой главе подробно раскрывается содержание представлений белорусов о значении своей этнической принадлежности. Выделяются ведущие категории в восприятии этничности.

В пятой главе анализируются представления жителей Беларуси о понятии «гражданин». Их содержание раскрывается через выявление взаимосвязи с такими составляющими гражданского самосознания, как установки по отношению к предпочитаемому гражданству и к своей стране, гражданская идентификация и др.

Шестая глава посвящена анализу представлений о чувствах, адресованных населением республики этничности и современному белорусскому государству. В ней рассмотрено содержание данных представлений, проанализированы распространенность чувств разной направленности, характер взаимосвязи между двумя группами (этнических и гражданских) чувств. Выявлены наиболее представительные типы сочетания чувств, адресованных этничности и современному белорусскому государству, определены социально-демографические портреты их носителей.

В седьмой главе рассматриваются тенденции возможных изменений гражданской идентификации в будущем, в контексте проблемы становления гражданской общности в Беларуси. Содержание и тенденции этих изменений анализируются сквозь призму смены поколений.

Книга также содержит приложения, в которых по каждой из глав в форме таблиц представлены основные материалы исследований.

Пользуясь возможностью, авторы выражают свою признательность директору Института социологии НАН Беларуси, доктору социологических наук Георгию Михайловичу Евелькину за неизменный интерес к нашим исследованиям и их поддержку на всех этапах проведения.

Особая благодарность за участие и помощь в организации сложного, трудоемкого социологического опроса — заведующей центром оперативных исследований и социального прогнозирования, доктору философских наук, Розалии Андреевне Смирновой.

Наша искренняя признательность за вдохновляющее сотрудничество — заведующей сектором оперативных исследований, кандидату социологических наук, безвременно погибшей в 2005 г. Инне Михайловне Чибиревой,

с кем неоднократно детально обсуждались модель выборки этнопсихологического исследования, возможности и трудности реализации опроса.

Мы особенно благодарны за исключительно полезное и результативное сотрудничество научному сотруднику сектора математической обработки нашего института — Елене Михайловне Бородачевой, осуществлявшей не только расчет модели выборки, кропотливую работу по организации ввода и контроля данных, но и разработавшей оригинальную специальную программу оцифровки текстовых материалов исследования.

Мы также глубоко благодарны всем, кто оказался волею судьбы причастен к нашим исследованиям, выступая в роли респондентов, бескорыстно уделив участию в анкетировании значительную долю своего личного времени.

Авторы будут признательны за любые замечания и предложения относительно содержания данной книги. С отзывами о книге можно обратиться по e-mail: Ludmila_n@List.ru, или ta-ta@tut.by.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследуемой проблемы обусловлена, с одной стороны, социально-политическими преобразованиями в современной Беларуси, повлекшими за собою изменения в социальном самовосприятии ее жителей, ставших в одночасье из представителей советского народа гражданами нового суверенного государства. Произошедшие перемены начала 90-х годов двадцатого столетия стали одной из причин изменений в национальном самосознании населения нашей республики. Об этом наиболее убедительно и красноречиво свидетельствуют материалы последней (1999 г.) национальной переписи населения Беларуси[4].

С другой стороны, актуальность данной проблемы определяется острым дефицитом социально-психологических и социологических знаний, необходимых для оценки сложившейся сегодня в Беларуси этнокультурной ситуации, для анализа специфики современных этнонациональных и этноконфессиональных процессов. А также насущной потребностью в изучении роли социально-психологических факторов в развитии этих процессов, в исследовании механизмов формирования гражданской общности, укрепления общегражданской идентификации и становления белорусской национальной идентичности, диагностики состояния и динамики этнического и гражданского самосознания населения нашей страны и многое другое.

---

[4] Национальный состав населения Республики Беларусь и распространенность языков. Итоги переписи населения Республики Беларусь 1999 года. Статистический сборник. Т. 1. — Минск: Информстат Минстата РБ, 2001. — 452 с.

Следует констатировать, что сложные междисциплинарные проблемы этничности и этнического самосознания жителей современной Беларуси, до настоящего времени чаще рассматриваются в работах отечественных историков, этнологов, демографов, культурологов, чем психологов и социологов. Нельзя не отметить, что конкретные этносоциологические и, тем более, этнопсихологические исследования, являются в Беларуси достаточно редкими, если не сказать, единичными. Как правило, они проводятся с использованием разных методологических подходов, с реализацией опросов на несопоставимых выборках, что делает и их данные также трудно сопоставимыми между собой. В итоге из результатов этих опросов[5], проведенных в разные годы (в большинстве случаев только в отдельных регионах), сложно воспроизвести цельное видение этноконфессиональной ситуации в республике, как и трудно, сформировать единое представление о состоянии этнического самосознания ее населения.

На сегодняшний день наиболее перспективным представляется зарождение научного интереса к проблематике белорусской национальной идентичности, тесно связанной с формированием современного имиджа Беларуси и национального Мы-образа белорусов. Но и это направление многообещающих исследований пока еще только находится в стадии своего становления.

Все это определило обращение к данной проблематике, исходя из ее сегодняшней актуальности и недостаточной разработанности в отечественной психологии и социологии.

В этой связи представляется важным исследовать содержание и состояние базовых феноменов и механизмов этнического и гражданского самосознания населения республики, диагностировать характер их изменений, определить основные факторы, обусловливающие их развитие.

---

[5] Наиболее исследованными на сегодняшний день оказались регионы пограничья (особенно Белорусско-Польского (прежде всего, Гродненская область), в меньшей мере регионы Белорусско-Российского (Гомельская и Витебская области)).

Исследования выполнены в рамках парадигмы психологии социального познания. Согласно ей, социальное познание — «это познание социального мира обыденным человеком, ... познание им повседневной реальности своей собственной жизни». Своей задачей психология социального познания ставит «раскрыть механизмы, посредством которых человек осознает себя частью той социальной реальности, в которой он живет и действует, а также всю совокупность социальных факторов, которые обусловливают эти процессы. Иными словами, это вопрос о том, как человек строит образ социального мира или «конструирует» социальный мир»[6]. К кругу объектов социального познания относятся другой человек, группы и более широкие социальные общности (нации, этнические группы и общности, профессии, партии и др.), организации, различные социальные институты, область межгрупповых отношений, а также взаимодействия в различных социальных «средах», в том числе языковой среде, как символической репрезентации окружающего мира и др.

Теоретико-методологической основой при разработке программ и инструментария этих исследований выступали основные положения психологии социального познания (Г. М. Андреева, 2000), посвященные психологическим механизмам (прежде всего, социальной категоризации и идентификации) формирования группового самосознания (в том числе, самосознания больших социальных общностей и групп):

А) положения широко известной в социальной психологии теории социальной идентичности (Г. Тэджфел, 1971; Дж. Тэрнер, 1975; В. Дуаз, 1973), раскрывающей психологические механизмы формирования чувства идентичности индивида с группой, межгруппового поведения. А также теории социальной самокатегоризации (Дж. Тэрнер, 1985; П. Оукс, 1987), исследующей когнитивные процессы самоопределения индивида в качестве члена группы (в том числе, этнического и др. самоопределения), обосновывающей существование группы как особой целостности.

---

[6] *Андреева Г. М.* Психология социального познания. — М.: Аспект Пресс, 2000. — С. 6.

Б) теоретические положения, посвященные проблеме формирования и взаимоотношений больших социальных общностей и групп (Б. Ф. Поршнев, 1966; С. Л. Франк, 1929), а также психологии межгрупповых отношений, (В. С. Агеев, Г. М. Андреева, 1981; В. С. Агеев, 1983, 1990; И. Р. Сушков, 1999, 2002; Шихирев П. Н., 1992, 1999; и др.), позволяющие рассматривать группы как единые и целостные субъекты межгруппового взаимодействия и восприятия.

В) результаты социально-психологических исследований, выполненных в парадигме психологии межгрупповых (включая межэтнические) отношений (В. С. Агеев, 1983, 1990; Н. М. Лебедева, 1993; Л. И. Науменко, 1992; Г. У. Солдатова, 1998; И. Р. Сушков, 1983, И. Р. Сушков, В. Н. Куликов, В. Г. Цыпцюк, 1993; И. Р. Сушков, 1999, 2002).

Особое значение для разработки теоретико-методологической основы исследования также имели:

– теоретические принципы и положения, сформулированные в современной этнологии, этнопсихологии и этносоциологии (Л. М. Дробижева, В. И. Козлов, Н. М. Лебедева, В. П. Левкович, Г. У. Солдатова, Т. Г. Стефаненко, В. А. Тишков, В. Хотинец, П. Н. Шихирев и др.);

– результаты исследований самосознания и идентификации национальных и этнических общностей *(С. А. Арутюнов, Ю. В. Арутюнян, Л. М. Дробижева, А. А. Сусоколов; Ю. В. Бромлей, Л. М. Дробижева, В. И. Козлов, В. П. Левкович, Б. Ф. Поршнев З. В. Сикевич, К. В. Чистов и др.),* феномена этничности *(В. А. Тишков).* В том числе опыт исследований этнического самосознания и идентификации белорусов, выполненных в отечественной историографии и этнологии *(В. К. Бондарчик, Г. И. Касперович, Т. М. Микулич, У. Д. Розенфельд, Н. Н. Беспамятных, Г. Н. Кобяк, Г. М. Шчелбанина, И. В. Чаквин и др.),* исследования национального Мы-образа, этнической, гражданской идентичности, образа Беларуси, а также идентичности Беларуси *(И. Бугрова, Т. В. Водолажская, Л. И. Науменко, и др.)*;

– опыт исследований проблем современного состояния социальной идентификации на постсоветском про-

странстве *(Г. М. Андреева, Ю. Л. Качанов, Н. М. Лебедева, Ю. А. Левада, Г. У. Солдатова, В. А. Ядов и др.),* динамики и характера трансформаций гражданской, советской, этнической составляющих социальной идентичности, основных тенденций в их изменении *(Е. Н. Данилова, В. С. Мухина, Л. И. Науменко, Н. Ф. Наумова, В. Н. Павленко, С. В. Рыжова, С. С. Савоскул, Г. У. Солдатова, Т. Г. Стефаненко, Н. Е. Тихонова, В. Ю. Хотинец и др.).*

Прежде чем перейти к их характеристике необходимо остановиться на рассмотрении основных понятий и категорий. Ключевыми в данной работе являются понятия «национальности», «национальной принадлежности», «этнической принадлежности» и «этничности», «гражданской принадлежности» и «гражданства», «этнической идентификации», «гражданской идентификации», «социальной идентичности».

Долгое время в отечественной этнографии, этнологии, а впоследствии — и в этносоциологии понятия «национальное», «национальность», «нация» использовались в нескольких значениях. Причем их интерпретация в советской историографии отличалась от международной практики.

Примером тому, разное толкование понятия *«нации»* как этнической общности, (в значении этнонации), и понимание нации как согражданства. Аналогичная ситуация сложилась с использованием понятия *«национальность»* в этнокультурном смысле (этнического происхождения и этнической принадлежности) и гражданском смысле (как гражданской принадлежности к определенному государству, стране). Помимо этого, понятие «национальность» толкуется и в двух иных значениях. Для обозначения народностей, наций, этнических групп. Или для обозначения принадлежности людей к определенному народу или нации (В. И. Козлов, 1995). Так же до сих пор неоднозначно и использование понятий *этнического и национального самосознания.* Среди вариантов употребления которых можно встретить и «этнонациональное самосознание» (Ю. В. Арутюнян, Л. М. Дробижева, А. А. Сусоколов, 1998) и «национальное самосознание государственного и этнического характера» (И. В. Чаквин, 2004) и др.

Последние годы все чаще в науке используется категория «этничности». Ее толкование широко варьирует не только от автора к автору, но и в работах одних и тех же ученых. Этничность становится многозначной, довольно емкой категорией, рассматриваемая как «...*своеобразная форма солидарности людей для выполнения каких-то социальных и культурных задач*»[7]; или как — «...*совокупность характерных, культурных черт, отличающих одну этническую группу от другой*»[8]; либо, «... *обозначающая существование культурно отличительных ... групп и форм идентичности*»[9], либо определяемая как категория, обозначающая собственно этническую принадлежность (Т. Г. Стефаненко, В. А. Тишков и др.). Последнее значение данной категории разделяем и мы.

Необходимо отметить, что среди ученых нет пока единства не только в определении феномена этничности, но и в понимании природы этничности. Не ставя своей задачей анализ каждого из трех главных исследовательских подходов к этничности (примордиалистского, (эссенциалистского), конструктивистского, инструменталистского), перейдем к рассмотрению используемых нами понятий.

Во избежание двойственного понимания понятий «национальное», а также «национальное самосознание» нами используются категории «этническое и гражданское самосознание[10]», «этническая и гражданская принадлежность», «этническая и гражданская идентификация», и, наконец, «этничность» и «гражданство». В данной работе понятия «национальность», «национальная, или этническая принадлежность», «этничность» используются нами в качестве синонимов. Также как и категории «гражданская принадлежность» и «гражданство».

---

[7] Абдулатипов Р. Г. Национальное отношение и политика общественного согласия // Этнополитический вестник. — 1995. — № 2. — С. 15—35.

[8] Ю. П. Платонов, Этническая психология. — СПб.: Речь, 2001. — С. 313.

[9] В. А. Тишков, Этнос или этничность? // Этнология и политика. Научная публицистика. — М.: Наука, 2001. — С. 229.

[10] Соотношение значений категорий *«этническая принадлежность», «этническое самосознание», «этничность» см*. Науменко Л. И. Идентичность этническая // Социология: энциклопедия. Сост. А. А. Грицанов, А. В. Абушенко и др., — Минск: Книжный Дом, 2003. — С. 351—352.

Таким образом, этничность, этническая принадлежность, национальность, национальная принадлежность в данной работе используются в одном единственном значении — этнической принадлежности, под этим понятием мы понимаем факт осознания человеком своего этнического происхождения, этнической самокатегоризации, отнесения и определения себя, как представителя определенной этнической общности.

Гражданская принадлежность, а также *гражданство* понимается, прежде всего, как факт принадлежности человека к категории «гражданин Беларуси», который является объектом восприятия, осознания, отношения, идентификации.

Согласно теории социальной идентичности, под *социальной идентичностью* понимается составная часть Я-концепции, возникающая из осознания индивидом своей принадлежности к определенным социальным группам (этническим, религиозным, профессиональным, возрастным, политическим и др.) в единстве с выраженной эмоционально-ценностной значимостью, придаваемой этой принодлежности (Г. Тэджфел, 1981). В теории социальной идентичности, одноименная категория (социальная идентичность) рассматривается как когнитивная система, выполняющая при определенных условиях регуляторную функцию, социального поведения человека. Факт отнесения индивида к определенной группе по какому-либо признаку (самокатегоризации себя как члена группы) приводит к формированию чувства идентичности с группой и появлению вследствие этого группового поведения (И. Р. Сушков, 1999).

Отметим, что понятие «социальная идентичность» может рассматриваться в двух значениях, как социальная идентичность личности и как социальная идентичность группы. Этническая и другие компоненты социальной идентичности в связи с этим могут исследоваться как феномены и индивидуального, и группового сознания.

В свою очередь, *этническая и гражданская идентификации* рассматриваются в качестве составляющих элементов социальной идентичности. Каждая из них проявляется в осознании и отождествлении человеком себя с членами соответствующей общности (представителями своей национальности, гражданами своей страны). Важнейшим психологическим механизмом формирования этнического самосознания и этнической идентичности является этническая идентификация. Этническая идентификация представляет собой эмоционально-когнитивный процесс отождествления индивида со своей этнической общностью (этносом) и ее типичными представителями.

Теоретическая схема исследования восприятия этничности и гражданства предполагает выявление и измерение следующей совокупности переменных, объединяющих такие феномены и механизмы группового сознания и самосознания, как этническая и гражданская идентификация и самокатегоризация, представления об этнической и гражданской принадлежности и чувствах, адресованных им и современному государству, установки по отношению к этничности и гражданству.

В качестве основных показателей в исследовании использованы: сила, актуализированность и распространенность этнической и гражданской идентификации; место этнической и гражданской идентификаций среди составляющих социальной идентичности; критерии этнической идентификации; представления о значении этнической принадлежности и оценки ее субъективной значимости; представления об этнодифференцирующих признаках; представления о реально осознаваемой, официально преписываемой и предпочитаемой этнический принадлежности; установки по отношению к этнической и гражданской принадлежности; представления о понятии «гражданин»; сила, модальность и актуализированность этнических и гражданских чувств; содержание представлений о чувствах, адресованных этничности и современному белорусскому государству; представления о привле-

кательности жизни в Беларуси; предпочитаемое гражданство.

В ходе исследования решались следующие задачи:

1) анализ изменений социальной идентичности и определение места этнической и гражданской идентификаций среди других составляющих социальной идентичности; отслеживание динамики данных идентификаций;

2) определение социально-демографической и региональной специфики этнической и гражданской идентификаций; выявление поколенческой специфики в восприятии белорусами своих этничности и гражданства;

3) выявление и анализ содержания представлений белорусов о значении своей этнической принадлежности; а также представлений о понятии «гражданин»;

4) выявление представлений жителей республики о чувствах, адресованных этнической принадлежности и современному белорусскому государству.

В изучении данной проблематики использовано методическое обеспечение, отвечающее специфике предмета исследования. В работе сочетаются «количественная» и «качественная» стратегии выявления и анализа данных, что реализовано посредством использования совокупности соответствующих взаимодополняющих идеографических и номотетических методических средств.

Применение первых было ориентировано на выявление наиболее актуальных и распространенных в массовом сознании мнений наших соотечественников, не зависимых и свободных от влияния позиций исследователей. Что, в конечном итоге, обеспечивало репрезентативность полученных результатов. Использование вторых — позволяло осуществить сопоставление эмпирических данных и проверку их надежности.

Комплект специального этнопсихологического инструментария составили взаимодополняющие друг друга «качественные» (открытые вопросы анкеты, метод незаконченных предложений, метод свободных ассоциаций, метод этнических стереотипов и др.) и «количественные» (наборы оценочных шкал, шкальные методики, закрытые альтернативные и безальтернативные вопросы анкеты, и др.) методики.

В обработке полученных результатов наряду с анализом содержания текстовых материалов использован широкий арсенал методов описательной статистики, а также корреляционный, дисперсионный и факторный анализ.

Для решения исследовательских задач использованы как хорошо известные в психологической практике, социально-психологические и этнопсихологические методики, так и специально разработанные для конкретных задач исследования. Комплект исследовательского инструментария составили разработанные и апробированные в предыдущих исследованиях: 1) зрительно-аналоговые шкалы оценки значимости этнической и гражданской принадлежности; 2) методика определения места этнической составляющей среди компонентов социальной идентичности; 3) вопросы анкеты об этнических и гражданских установках, об осознаваемой, предъявляемой и предпочитаемой этнической принадлежности, о предпочитаемом гражданстве; 4) открытые вопросы о значении этнической принадлежности, об этнодифференцирующих признаках, о чувствах, адресованных этничности и современному белорусскому государству; 5) метод незаконченных предложений о чувстве национальной гордости (Л. И. Науменко); а также 6) альтернативный вопрос, предназначенный для выявления представлений о понятии «гражданин», 7) неальтернативный вопрос о чувствах, адресованных Беларуси, (Т. В. Водолажская); 8) открытый вопрос о привлекательных сторонах жизни в нашей стране (А. И. Чардымов); а также 9) модифицированная к целям исследования методика выявления критериев этнической идентификации (Л. М. Дробижева); 10) методика семантического дифференциала, предназначенная для диагностики отношения к современной Беларуси (в модификации З. В. Сикевич).

Сбор информации осуществлялся с помощью анонимного анкетирования силами республиканской сети интервьюеров Института социологии НАН Беларуси.

Эмпирической базой для выводов, сформулированных в данной монографии, выступали результаты исследований, проводившихся авторами (или при их непос-

редственном участии) по единой методологической схеме, разработанной Л. И. Науменко, с использованием идентичного инструментария и системы социально-психологических показателей.

Среди них данные, полученные в ходе мониторингов общественного мнения, проведенных Институтом социологии Национальной Академии Наук Беларуси (за 2000—2002 гг.), реализованных по общенациональной репрезентативной выборке объемом 2417 человек (сентябрь 2000 г.), а также — объемом 2144 человека (октябрь—ноябрь 2002 г.). Данные выявлены в ходе исследования отдела социологии культуры Института социологии НАН Беларуси, проведенного по общереспубликанской репрезентативной выборке, объемом 2308 человек (июль 2003 г.).

Основную эмпирическую базу монографии составили результаты этнопсихологического исследования: «Этничность и гражданство в сознании населения современной Беларуси», выполненного под руководством Л. И. Науменко сектором социальной и этнической психологии Института социологии НАН Беларуси. Опрос проведен на общереспубликанской территориально-пропорциональной, квотной выборке (см. табл.). В качестве квотируемых признаков выступали: пол, возраст, образование респондентов. Первый этап исследования проходил с ноября по декабрь 2003 г. Объем выборки составил 1000 респондентов, ошибка выборки — 3,16%. С февраля по апрель 2004 г. реализован второй этап исследования. В итоге сформированы две дополнительные целевые выборки поляков и русских (объемом 100 человек каждая), соответствующие генеральной совокупности по территориальным признакам, по полу, возрасту и образованию.

Таблица. **Выборка исследования: «Этничность и гражданство в сознании населения современной Беларуси» (2003—2004 гг.)**

Основные признаки выборочной совокупности	Численность (человек)	%
Пол		
Мужской	457	45,7
Женский	543	54,3
Итого	*1000*	*100*

Продолжение табл.

Основные признаки выборочной совокупности	Численность (человек)	%
Возраст		
До 20 лет	66	6,6
20–29 лет	185	18,5
30–39 лет	180	18
40–49 лет	205	20,5
50–59 лет	149	14,9
Старше 60 лет	215	21,5
Итого	*1000*	*100*
Образование		
Начальное, неполное среднее	260	26
Общее	268	26,8
Среднее специальное	327	32,7
Высшее	145	14,5
Итого	*1000*	*100*
Области и г. Минск		
Брестская	145	14,5
Витебская	140	14
Гомельская	153	15,3
Гродненская	117	11,7
г. Минск	170	17
Минская	155	15,5
Могилевская	120	12
Итого	*1000*	*100*
Тип населенного пункта		
Город	689	68,9
Село	311	31,1
Итого	*1000*	*100*
Национальность		
Белорусы	815	81,5
Русские	110	11
Поляки	53	5,3
Иные	18	1,8
Нет ответа	4	0,4
Итого	*1000*	*100*

Глава 1

ИЗМЕНЯЮЩАЯСЯ СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ПОСТСОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ. РОЛЬ ЭТНИЧНОСТИ В ПРЕОДОЛЕНИИ КРИЗИСА СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Одним из результатов глобальных социально-политических потрясений, последовавших за распадом Советского Союза и продолжающихся в постсоветском обществе, явилась распространенность в странах СНГ явлений социальной *дезинтеграции и деидентификации.* Современное общество в целом, лишившись устойчивой идентичности, обрело так называемый «синдром потери идентификации на общегосударственном уровне», который оказался той высокой ценой, заплаченной за разрыв преемственности и разрушение прежней модели культуры.

«Крушение советской культуры означало также крушение огромного количества ставших уже традиционными групповых и классовых идентификаций. ... Практически ни одна из групп советского общества не сохранила своего прежнего статуса. Крушение групповых идентификаций нашло свое отражение в процессе деидентификации конкретных индивидуальных представителей этих групп»[1].

Таким образом, процессы социальной трансформации общества оказались найтеснейшим образом связанными с изменениями самосознания, внутреннего мира, болезненного переживания смены мировоззрения, необходимости отказа от былой принадлежности к одной из ведущих держав мира, и, соответственно, от чувства принадлежности к ее народу. Ибо факт распада СССР повлек за собой среди его бывших граждан проявления так называемого *«кризиса социальной идентичности».* Широкая

---

[1] Ионин Л. Г. Социология культуры. — М., 1996. — С. 212.

распространенность последнего была обусловлена насущной потребностью в психологической адаптации к радикально изменившимся социальным условиям. Одним из результатов удовлетворения которой, как итогом адекватного самоопределения и выхода из кризиса, призвана стать обновленная социальная идентичность.

Стоит отметить, что явление **кризиса социальной идентичности** в последнее время констатируется многими авторами (Г. М. Андреевой, С. Н. Ениколоповым, Л. Г. Иониным, Н. М. Лебедевой, В. Н. Павленко, Г. У. Солдатовой, В. А. Сосниным, Т. Г. Стефаненко, А. В. Толстых, Е. И. Шлягиной, В. А. Ядовым и др.). В то же время этот феномен зачастую рассматривается по-разному, отмечаются различные стороны и особенности его проявления, вместе с тем до сих пор не выработаны общие подходы в его изучении, так как нет пока единства даже в определении этого понятия.

Так, в качестве главного фактора кризиса социальной идентичности выделяется утрата идентичности с советским народом, обусловленная исчезновением СССР (Т. Г. Стефаненко, 1997).

В свою очередь, А. В. Толстых (1996) одним из проявлений кризиса идентичности считает *массовую патологию идентичности,* т. е. такого «... психосоциального синдрома, который характеризуется наличием массовой неудовлетворенности людей, сопровождаемой чувствами тревоги, страха, изоляции, опустошенности...»[2].

Кризис идентичности также отождествляется с нивелировкой «Я» и «стремлением личности превратить свое одинокое «Я» во внушительное «Мы», одним из следствий которого являются состояния социальной фрустрации и чувства безнадежности. В данном случае наиболее доступной формой групповой идентификации, приемлемой для больших масс людей, выступает этничность, воспринимаемая в условиях социальной нестабильности общества как аварийная группа поддержки (Е. И. Шлягина, С. Н. Ениколопов, 1993).

---

[2] *Толстых А. В.* Неизвестный классик. Предисловие к кн. Эриксона Э. Идентичность: юность и кризис. — М., 1996. — С. 18.

Не трудно заметить, что общим в описаниях разными авторами данного феномена является, во-первых, указание на социальные сдвиги и масштабные потрясения в обществе, по сути выступающие исходной причиной возникновения кризиса идентичности. И, во-вторых, характеристика тех психологических состояний, которые сопровождают кризис и фактически являются его следствием. В чем же заключается суть этого явления? Попытаемся приблизиться к ответу на этот вопрос представив позиции и других авторов.

Кризис социальной идентичности рассматривается также, как противоречие, возникшее в результате нарушения баланса между желаемой и наличной самоидентификацией. В. Н. Павленко выделены **два типа кризиса**: *объективно фиксируемый и субъективно переживаемый.* Первый из них выражается в слабом отождествлении индивидом себя с этнической или гражданской общностью (или в отсутствии такого отождествления). А второй — в отсутствии идентификации с этнической или гражданской общностью при явном стремлении к такому отождествлению (В. Н. Павленко, 1997). Заметим, что невыраженность или ослабление этнической идентификации могут быть обусловлены не только проявлением кризиса идентичности, но и фактами обычной неактуализированности этничности, отсутствием у человека потребности в этнической принадлежности, а также несформированностью или незрелостью чувства этнической идентичности.

В свою очередь, Н. М. Лебедева (1997, 1999) в качестве главного признака кризиса выделяет утрату индивидом позитивного восприятия своей групповой принадлежности (этнической или гражданской). Н. М. Лебедевой суть кризиса видится в нарушении связи между позитивной этнической идентичностью и этнической толерантностью, причем понятия «кризис социальной идентичности» и «кризис этнической идентичности» используются данным автором исключительно в качестве синонимов. С этим трудно согласиться, так как этническая идентичность является только одним из элементов, составляющих

целостную социальную идентичность, наряду с иными социальными категориями (гражданской, религиозной, профессиональной, поло-возрастной и др.). Поэтому, по-нашему мнению, было бы более правомерно говорить о трансформациях этнической идентичности (ее актуализации, усилении, ослаблении и др.) в условиях протекания кризиса социальной идентичности или о кризисных формах этнической идентичности. Последним специальное внимание будет уделено во второй части работы.

Обратимся к одному из наиболее точных, на наш взгляд, определений этого феномена, данному Г. М. Андреевой. «Так, в условиях радикальных социальных преобразований и часто сопутствующей им нестабильности общества возникает кризис идентичности. Его можно определить как особую ситуацию массового сознания (и, естественно, сознания отдельного индивида), когда большинство социальных категорий, посредством которых человек определял себя и свое место в обществе, кажутся утратившими свои границы и свою ценность. Одновременно происходит и переоценка своей группы принадлежности, и своего места в ней, а как результат — переоценка и самой ситуации в обществе в целом»[3]. Итогом которой должна стать изменившаяся социальная идентичность, более адекватная радикально иным условиям и, соответственно, обновленному социальному самовосприятию.

Таким образом, состояние кризиса связано с глубокой перестройкой структуры социальной идентичности, с серьезной трансформацией ее составляющих. Исходя из этого, протекание кризиса идентичности сопряжено с переструктурированием иерархии ее ведущих элементов, изменениями (порой радикальными) значимости каждого из них, а также — не только с их трансформацией, но и с возникновением новых, полной утратой или сменой былых составляющих социальной идентичности. Интересным примером в этой связи является достаточно распространенный среди отдельных категорий русскоязычного

---

[3] *Андреева Г. М.* Психология социального познания. — М., 1997. — С. 158.

населения СНГ феномен советской идентичности, приобретший название **фантомной идентичности**. Феномен, заключающийся в отождествлении себя людей с гражданами несуществующего государства.

В связи с этим важно также разделять следующие изменения, которые происходят:

— в самой этнической идентичности;

— в определении ее значимости и места в структуре элементов обновляющейся социальной идентичности;

— во взаимосоотношении между этнической, гражданской и другими составляющими социальной идентичности.

При этом также необходимо учитывать различия в проявлении специфики и особенностях этих изменений среди различных категорий населения, и прежде всего среди представителей титульных и нетитульных этносов. Так, в условиях крупномасштабных трансформаций общества для титульных этносов большинства вновь созданных постсоветских государств этничность обретала роль одной из исконных, базовых ценностей. Что и обусловило чрезмерное возрастание ее значения в обновляющейся социальной идентичности, когда чувства Родины, этнической и гражданской принадлежности, как правило, взаимоусиливали друг друга.

С другой стороны, среди русскоязычного населения этих государств, волею судьбы оказавшегося за пределами своей этнической Родины и поставленного перед проблемами неизбежного выбора своего гражданства, более распространенными оказались обратные тенденции. Для него этничность зачастую уже не могла выступать в качестве спасительной стабильной «точки опоры» в условиях стремительных исторических перемен. Более того, в ряде случаев в общем состоянии кризиса идентичности она играла свою, увы, усугубляюще негативную роль. Это нашло проявление, как в возрастании сверх значимости позитивной этнической идентичности при рассогласовании ее с чувством Родины и гражданской принадлежности, так и, наоборот, при амбивалентно-негативном восприятии собственной этничности, в явлениях «отказа», «вы-

теснения», «ухода от нее», или замещения ее новой гражданской принадлежностью к стране проживания.

Живой иллюстрацией проявления измененной роли этничности является так называемый *«синдром навязанной этничности»*, который характеризуется обостренной чувствительностью к этнической дискриминации и предполагает гипертрофированное восприятие важности и роли этнической принадлежности в жизни человека, определяющую как его место в обществе, так и комплекс прав и обязанностей (Б. С. Ерасов, 1995, Н. М. Лебедева, 1997). При этом характерны возможные проявления как ярко выраженной *позитивной, амбивалентной*, так и *негативной этнической идентичности*. Когда собственная этнопринадлежность оценивается и переживается человеком соответствующим образом.

В качестве примера проявления трансформаций самой этнической идентичности стоит назвать **кризисные формы этнической идентичности**. К ним относятся как крайние — *этнонегативизм* и *гиперэтническая идентичность*, так и их промежуточные формы, отражающие разную меру личностной включенности в этничность. Они характеризуют диапазон изменений и основные направления трансформации этнической идентичности по типу *этнической индифферентности, этнонегативизма, гипоидентичности* (этнонигилизма) и *гиперидентичности* (С. В. Рыжова, Г. У. Солдатова, 1996).

При этом под *этнонегативизмом* понимается осознание человеком своей этнопринадлежности, сопряженное с чувствами неполноценности, неудовлетворенности, стыда, тенденцией к отрицанию своего этнического статуса. В свою очередь, *гиперэтническая идентичность* характеризуется не только доминированием этнической идентичности в иерархии других элементов социальной идентичности человека, но и в результате приобретения ею ведущих смыслообразующих функций, ее влиянием на изменения личности в сторону этнической нетерпимости (С. В. Рыжова, 1997). По мнению Г. У. Солдатовой, гиперидентичность, являясь проявлением этнического нарциссизма, может развиваться в диапазоне от лояльного

этноэгоизма, через этноизоляционизм к крайним выражениям национального фанатизма.

И если «гиперэтничность в своих крайних и нереализованных формах ведет человека к потере собственного «Я»...», то «этнонегативизм же в чистой форме заканчивается тем, что человек теряет связи со своей культурной средой. Активное неприятие традиционных ценностей, которые, как правило, будучи этнокультурными по форме, во многом являются общечеловеческими этическими ориентирами и играют роль своеобразного «стабилизатора» психики, может привести к маргинализации личности»[4]. Психологический портрет последней характеризуется внутриличностными конфликтами, двойственностью самосознания, установок, неустойчивостью и противоречивостью мнений и действий, психической неуравновешенностью, комплексами неполноценности или превосходства[5].

Обозначенные выше кризисные формы этнической идентичности отражают, как уже отмечалось, лишь самые крайние варианты проявлений ее изменений. Вместе с этим следует назвать и другие, характеризующие ее трансформации в направлениях идентификации с собственной и чужими этническими группами. К ним относятся такие, как *биэтническая (двойственная) идентичность, моноэтническая идентичность* с чужой группой *(измененная, альтернативная или ложная), маргинальная этническая идентичность*, помимо этого выделяются также *множественная и космополитическая идентичности*. Каждая из них отражает отдельные стадии последовательного процесса трансформаций этнической идентичности, итогом которого в конечном счете выступает отказ человека от своей этничности.

Исследуя особенности и роль этнической составляющей в условиях кризиса социальной идентичности пред-

---

[4] *Рыжова С.* Личностные аспекты национализма: от этнонегативизма к гиперэтничности // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. — М., 1997. — С. 327—345; *Солдатова Г. У.* Психология межэтнической напряженности.— М.: Смысл, 1998. 389 с.

[5] *Стоунквист Э. В.* Маргинальный человек. Исследование личности и культурного конфликта // Современная зарубежная этнопсихология. Реферативный сборник. — М.: Изд-во Института этнографии им. Маклая, 1979. — С. 90—112.

ставляется существенным учитывать следующие принципиальные моменты:

1) несводимость декларируемой или приписываемой этнической принадлежности к истинной этнической идентичности[6];

2) масштабы распространенности и специфику протекания и переживания кризиса социальной идентичности среди населения различных стран СНГ;

3) необходимость разделять и отличать, с одной стороны, естественные процессы ассимиляции, маргинализации, этнической конверсации (смены самоназвания, этнонима) и другие последствия аккультурации, сопровождающиеся изменениями, сменой или утратой этнической идентичности, и, с другой стороны, — трансформации последней, обусловленные непосредственным влиянием кризиса.

Можно предположить, что роль кризиса сводится не только к активизации, убыстрению названных процессов, но и в их провоцировании.

Наши этнопсихологические исследования (1990—1996), посвященные изучению проблемы трансформаций этнической идентичности в постсоветский период, позволили получить результаты, характеризующие тенденцию негативных трансформаций этнической идентичности, которая нашла свое крайнее выражение в **явлениях ее смены и утраты.** В связи с этим изучалась согласованность представлений респондентов о их осознаваемой и официальной этнической принадлежности[7]. Помимо этого, в дальнейшем нас интересовало то, каким образом изменения этнической идентичности, проявляющиеся в явлениях

[6] Зачастую психологический термин «этническая идентичность» используется обществоведами в качестве синонима широко распространенных понятий «этничность» и «этнопринадлежность». При этом утрачивается его исконное значение, предполагающее наряду с осознанием человеком своей этнической принадлежности, причислением себя к представителям своего этноса, прежде всего глубоко личностно значимое переживание данной принадлежности.

[7] *Науменко Л. И.* Сравнительное исследование этнической идентификации белорусов, русских и представителей других национальностей в Беларуси // Восточная Европа: политический и социокультурный выбор. — Минск, 1994. — С. 119—121.

этнической конверсации, затрагивают эмоциональную сферу человека, как они сопряжены с устойчивостью и определенностью его общего социального статуса[8].

Так, анализ согласованности представлений жителей нашей республики об их этнической принадлежности (официальной, «паспортной» и реально осознаваемой) позволил выделить такие **типы этнической идентичности**[9], как *«целостная», «альтернативная», «двойственная или множественная», «утраченная»* (Л. И. Науменко, 1994, 1997). В своей совокупности они отражают последовательный процесс трансформаций этнического самоосознания, итогом которого выступает отказ человека от своей этничности.

Тип *целостной идентичности*, объединил ответы, характеризующиеся полной согласованностью представлений респондентов о собственной этнопринадлежности, отсутствием проблем в этническом самоопределении. Представления о фактически осознаваемой, реальной и «официальной» этнопринадлежности в данном случае всегда эмпирически совпадали. В крайних отдельных случаях это фиксировалось даже такими самоназваниями, как *«сознательный», «ярый», «истинный белорус»* и др.

При *альтернативной этноидентичности*, обнаружены расхождения между осознаваемой и официальной этнопринадлежностью. Данный тип составили ответы, например, «паспортных» белорусов, считающих себя русскими, как и поляков, осознающих себя белорусами и т. д. Примерами этого являются ответы типа: *«русский по паспорту — белорус в душе», «белорус, но осознаю себя скорее русским»* и др.

В свою очередь, тип *двойственной или множественной этноидентичности*, отражая неоднозначную, часто проблемную самоидентификацию с двумя или более этносами,

---

[8] *Науменко Л. И.* Изменения этнической идентичности личности и проблема этнокультурной маргинальности // Современная психология: состояние и перспективы исследований. Часть 3. Социальные представления и мышление личности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002 . — С. 236—256.

[9] *Науменко Л. И.* Этническая идентичность. Проблемы трансформаций в постсоветский период // Этническая психология и общество. — М.: Старый сад, 1997. — С. 77—88.

включил ответы респондентов, одновременно считающих себя представителями двух (реже нескольких) национальностей. А именно: белорусом и поляком, украинцем и белорусом, называющих себя *«русский белорус»*, *«русско-белорус»*, *«украино-белорус»* и т. д.

Наконец, тип *утраченной или космополитической идентичности* составили ответы респондентов, сознательно отказывающихся от любого этнического самоотождествления, которыми факт своей этнической принадлежности полностью отрицался, либо отмечалось причисление себя к более широким наднациональным общностям. К примеру, человек называл себя *«европейцем»*, *«славянином» либо «гражданином Мира»*, *«космополитом»*. Последнее указывало на вполне определенную принципиальную позицию. В ряде ответов также давались пояснения. К примеру, *«отец — украинец, мать — русская, живу в Беларуси — ощущаю себя славянкой»*, или *«осознаю себя советским человеком, человеком вообще, белорускрй только в том случае, если затрагиваются национальные интересы или достоинство»* и т. д.

Примечательно, что респондентам с утраченной этноидентичностью также были присущи соответствующие ответы на вопрос анкеты об их Родине. В данном случае ими высказывались такие суждения, как *«Моя Родина это — «место жительства»»*, — *«там, где я свободен в поступках»*, *или — «Союз»*, — *«СССР»*, — *«любая страна, где мне хорошо»*, — *«теперь затрудняюсь ответить»* (для людей более старшего возраста) и др.

Анализ распределения ответов, отражающих различную степень согласованности представлений об этнической принадлежности, показывает, что меньшая определенность данных представлений отличала небелорусов. И, соответственно, число носителей двойственной, утраченной и альтернативной этнической идентичности в этих группах опрошенных, наоборот, являлось по сравнению с белорусами преобладающим.

Эти данные свидетельствуют о том, что более широкая распространенность явлений смены либо утраты этноидентичности наблюдается преимущественно среди

этих групп респондентов, так же как проявления трудности, проблемности этнического самоопределения, его незавершенность (либо изменения) также оказались более распространенными среди опрошенных представителей нетитульного этноса.

Полученные результаты позволили характеризовать направленность, распространенность, интенсивность трансформаций этнической идентичности среди представителей различных групп респондентов. Как показывают данные, эти проблемы чаще затрагивают представителей этнических меньшинств, более подверженных действию факторов, влияющих на изменения этнического статуса, его неустойчивость или неопределенность.

Какова же при этом психологическая сторона этой важнейшей проблемы (изменений этнической идентичности)?

В нашем исследовании[10] ставилась задача выявить, как соотносятся между собою чувства, обусловленные этнической принадлежностью, показатель значимости последней, а также соответствующие этносоциальные самоидентификации, оцениваемые респондентами по их приоритетности.

Использование корреляционного анализа позволило определить следующие зависимости. Оказалось, что с различными самоидентификациями коррелируют вполне определенные чувства (позитивные и негативные по своей модальности), связываемые опрошенными с их собственной этничностью.

Самоидентификации, указывающие на противоречивость и проблемность этнического самоопределения, проявляющегося в двойственности, неопределенности или рассогласовании представлений о собственной этнической принадлежности среди этнических белорусов (а именно, при одновременном причислении, отождествлении себя с представителями двух или нескольких национальностей, например, *«Я — белорус» и «Я — русский», «Я — белорус» и «Я — еврей», «Я — украинец», «Я — поляк»* и др.) корре-

---

[10] *Науменко Л. И.* Этническая идентичность. Проблемы трансформаций в постсоветский период // Этническая психология и общество. — М.: Старый сад, 1997. — С.77—88.

лировали с рядом таких негативных чувств, как сожаление, вина, чувства неопределенности, стыда, униженности, неполноценности, ущемленности, равнодушия.

Статистически значимые корреляции получены между самоидентификацией *«Я — человек безразличный к своей национальной принадлежности»* и такими переменными, как равнодушие, ответом: *«По поводу своей национальной принадлежности не испытываю никаких чувств».*

Коэффициенты корреляции с отрицательным знаком установлены также между данной самоидентификацией и показателем значимости этнической принадлежности, чувствами гордости, достоинства, патриотизма, самоидентификациями *«Я — гражданин Беларуси», «Я — типичный представитель своей национальности».*

Установлено, что негативные трансформации этнической идентичности сопряжены с такими особенностями самоосознания и самовосприятия, как:

— рассогласование представлений о своей этнической принадлежности (реально осознаваемой и официальной), а также представление о Родине и гражданской принадлежности;

— изменение субьективной значимости этнической принадлежности;

— противоречивость составляющих элементов социальной идентичности;

— превалирование амбивалентных или в целом негативных чувств, обусловленных собственной этничностью, в случаях проблемности этнического самоопределения.

С другой стороны, в противоположность этому, также выявлены данные, свидетельствующие о выраженной связи позитивной этнической идентичности и совокупностью соответствующих чувств (гордости, достоинства, оптимизма, уверенности, удовлетворения, приверженности нации, патриотизма).

С помощью корреляционного анализа установлены статистически значимые зависимости между самоидентификациями *«Я — патриот» и «Я — типичный представитель своей национальности», «Я — белорус», «Я — гражданин Беларуси», «Я — европеец».* А также между само-

идентификацией *«Я — патриот»*, показателем значимости этнической принадлежности и такими чувствами, (связываемыми респондентами с собственной этничностью), как достоинство, чувство патриотизма, гордость, приверженность нации, уверенность, удовлетворение, оптимизм.

Также установлены корреляционные зависимости между самоидентификациями *«Я — типичный представитель своей национальности»*, *«Я — белорус»*, обозначенными выше позитивными чувствами и показателем значимости этнической принадлежности. Эти результаты отражают важную роль позитивной устойчивой этнической идентичности в поддержании целостности социальной идентичности личности, укреплении позитивного самовосприятия.

Таким образом, полученные результаты продемонстрировали особенности изменений этнической идентичности в условиях кризиса социальной идентичности.

Позитивная роль этнической идентичности в преодолении кризиса выражается в явлениях, способствующих воссозданию и формированию целостности и непротиворечивости гармоничного позитивного социального самовосприятия. Это часто реализуется посредством замещения этнической идентичностью других утраченных составляющих социальной идентичности, что ведет к восстановлению нарушенного кризисом гармоничного равновесия и соответствия между элементами социальной идентичности.

С другой стороны, особая роль этнической идентичности в усугублении кризиса социальной идентичности видится в том, что негативные изменения этнической идентичности (ее смена, диффузность, или, наконец, утрата) препятствуют сохранению позитивной социальной идентичности, ее целостности, затрудняют и без того проблематичное воссоздание былого баланса в деформированной структуре ее элементов.

Глава 2

ОСОБЕННОСТИ ЭТНИЧЕСКОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИЙ НАСЕЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ БЕЛАРУСИ

Среди социально-психологических факторов, определяющих адаптационные стратегии к новым условиям жизни в постперестроечном обществе, важное место занимает социальная идентичность, обеспечивающая взаимосвязь между индивидом и социальными группами, играющая важнейшую роль в регуляции социальной активности.

Являясь наиболее устойчивым феноменом самосознания, социальная идентичность тем не менее претерпевает существенные трансформации в периоды общественных перемен. Это связано с изменением ведущих социальных идентификаций людей, включенных в жизнь меняющегося общества.

Среди основных составляющих социальной идентичности особая роль принадлежит этнической и гражданской идентификациям. Каждая из них проявляется в осознании и отождествлении человеком себя с членами соответствующей общности (представителями своей национальности, гражданами своей страны).

Этническая и гражданская идентификации, являясь важнейшими механизмами формирования этнического и гражданского самосознания, — не только определяют вовлеченность людей в социальные и социокультурные процессы, но и непосредственно влияют на развитие внутриэтнической консолидации, межэтнической дифференциации и общегражданской интеграции, тесно взаимосвязанных между собой в полиэтничном государстве, каковым и является Беларусь. Это обусловлено высокой чувствительностью этничности к малейшим изменениям

межэтнических отношений и условиям социокультурного контекста, к социально-политическим переменам в обществе, а также мощным потенциалом этничности в политической мобилизации населения, в развитии как этнической консолидации, так и социально-политической и межэтнической поляризации.

Наряду с этим, в поддержании и развитии интеграционных процессов в обществе, особая роль принадлежит формированию среди жителей республики единой общности граждан Беларуси, укреплению гражданской идентификации, становлению общегражданской идентичности. Идентичности, опирающейся на систему взглядов, представлений и установок по отношению к своей стране, глубоко личностно значимое отношение к гражданству, развитое чувство гражданской принадлежности, приверженности и ответственности и др.

Учитывая тесную взаимосвязь этнического и гражданского самосознания, «оживление» и интенсивное развитие которых в трансформирующемся социуме могут, с одной стороны, выступать предпосылками возникновения этнической поляризации, так и, в противоположность этому, с другой стороны, способствовать стабильности в обществе, обеспечивая гармонизацию общественных отношений. Именно поэтому особую **актуальность** сегодня обретает исследование взаимосвязи и изменений этнической и гражданской идентификаций, определения их места среди других составляющих социальной идентичности.

Продолжая исследования изменяющейся социальной идентичности[1], в данной работе будут проанализированы материалы, характеризующие особенности, прежде всего, таких ее составляющих, как этническая и гражданская идентификации, их связь с территориальной, славянской, европейской и другими идентификациями.

---

[1] *Науменко Л. И.* Этническая, гражданская и советская составляющие социальной идентичности белорусов // Социальные и социокультурные процессы в современной Беларуси: социологический анализ: Сб. науч. тр. Вып. 3. — Мн.: Современное слово, 2001. — С. 40—45; *Науменко Л. И.* Этническая идентичность. Проблемы трансформаций в постсоветский период // Журнал прикладной психологии.— Москва.— № 1, 1999.— С.14—26.

Насколько актуализированы в самосознании современных белорусов представления об их этнической и гражданской, принадлежности? Какова доля жителей нашей страны, считающих себя не только белорусами, но и патриотами своей страны, славянами, советскими людьми, европейцами? Среди каких категорий населения республики названные социальные идентификации являются наиболее распространенными и устойчивыми? Эти и ряд других вопросов составили проблемную область нашего исследования, посвященного изучению этнической и гражданской составляющих среди компонентов изменяющейся социальной идентичности жителей республики.

В задачи исследования входило:

1) определить, какое место в самосознании наших соотечественников занимают их представления о принадлежности к различным социальным общностям и группам (гражданской, советской, этнической, европейской и др.);

2) изучить, в какой мере ряд из них (составляющих социальной идентичности), прежде всего гражданская и этническая идентификации, актуализированы и значимы сегодня;

3) выявить распространенность представлений об этнической и гражданской принадлежности среди различных социально-демографических групп населения республики;

4) установить особенности динамики исследуемых социальных идентификаций жителей Беларуси за последние годы.

Как известно, в исследовании этнического самосознания (в диагностике его состояния, содержания и других характеристик) в этнопсихологии и этносоциологии применяется достаточно много различных показателей и эмпирических референтов. Среди них этническое самоназвание (этноним), самокатегоризация, этноопределяющие и этнодифференцирующие признаки, а также критерии этнической идентификации, содержание этнических автостереотипов и чувств, установки, адресованные, как этнической принадлежности, так и этногруппе

и ее представителям в целом, и т. д. Помимо этого в исследовании восприятия этничности используются такие индикаторы, как значимость этнической принадлежности, ее привлекательность, осознание связи и общности с представителями своей национальности, похожести на них, актуализации чувства этничности, единство взглядов о представителях своего народа и т. д.

В свою очередь, система показателей и эмпирических референтов в исследовании феноменов гражданского самосознания и гражданской идентификации не столь разработаны. Исходя из этого, в данной работе в целях последующего сравнения и сопоставимости показателей восприятия этничности и гражданства мы выделяем и используем, прежде всего, такие показатели, как этническая и гражданская идентификации, установки по отношению к этнической и гражданской принадлежности и оценки их субъективной значимости.

В исследовании этнической и гражданской идентификаций использованы такие их показатели, как значимость, актуальность, сила (выраженность, выпуклость) и направленность (модальность). Если показатель значимости[2] отражает, насколько субъективно важной является принадлежность к той или иной группе или общности, то актуальность указывает на распространенность осознаваемых представлений о данной принадлежности. Показатель силы говорит о выраженности, интенсивности идентификации с соответствующей группой, в свою очередь, направленность свидетельствует о модальности (валентности) отношения к данной принадлежности, которое может быть как позитивным, так амбивалентным или негативным.

---

[2] Значимость этнической принадлежности — это показатель эмоционально-ценностного отношения индивида к факту своей этнической принадлежности. Он позволяет характеризовать наполнение этнической идентичности личностным смыслом, восприятие этничности как ценности, эмоциональную и когнитивную вовлеченность в этнический контекст, повышенную восприимчивость к этничности в широком смысле слова, своеобразную этническую чувствительность, и, что наиболее важно, потребность в принадлежности к этнической группе.

Используемый инструментарий был ориентирован на выявление: а) отношения респондентов к своим этничности и гражданству; б) оценок субъективной значимости этнической и гражданской принадлежности; в) распространенности среди разных групп населения гражданской, этнической и других социальных идентификаций, г) степени выраженности (интенсивности) каждой из них.

Для решения задач использован комплект разработанного автором исследовательского инструментария. В его состав вошли: 1) методика определения места этнической составляющей среди компонентов социальной идентичности, а также 2) зрительно-аналоговые шкалы оценки значимости этнической и гражданской принадлежности; 3) вопросы анкеты об этнической принадлежности и отношении к ней, и др.

В соответствии с методикой определения места этнической составляющей среди компонентов социальной идентичности, респондентам предлагалось ответить на вопрос: *«КЕМ наиболее часто Вы себя осознаете?»*, используя для ответа 19 различных утверждений, типа *«Я — житель СНГ», «Я — белорус», «Я — европеец», «Я — советский человек»* и др. Согласие (или несогласие) с каждым из суждений респонденты оценивали с помощью шкалы от 0 до 5 баллов. Ответы варьировали в диапазоне от *«Совсем не осознаю»* до *«Осознаю в максимальной степени»*. В итоге подсчитывались выраженность оценок по каждому из предложенных Я-суждений, а также их распространенность по каждой из актуальных идентификаций, определялись их согласованность и связь между собой.

Перечень утверждений составили, прежде всего, Я-суждения, обозначающие различные составляющие элементы социальной идентичности (человек, славянин, европеец, гражданин, патриот и др.). Наряду с ними в методике использованы также Я-суждения, отражающие различное отношение человека к своей национальности и фиксирующие особенности этнического самоопределения. Например, *«Я — человек, который гордится своей национальной принадлежностью», «Я — человек, который стыдится своей национальной принадлежности», «Я — человек, безразличный*

к своей национальной принадлежности», «Я — человек, которому бывает сложно определить, кто он по национальности».

Помимо этого, с помощью зрительно-аналоговых шкал респондентам предлагалось оценить важность (значимость) своей этнической и гражданской принадлежности. Полюса шкалы соответствовали оценкам, изменяющимся в диапазоне от 0 до 7 баллов. Оценка в 7 баллов соответствовала ответу *«максимально важно»* и отражала максимальную значимость этнической (гражданской) принадлежности. Оценка в 0 баллов соответствовала ответу *«совсем не важно»* и указывала на отсутствие значимости.

Данные получены в итоге исследований[3] 2000 г., 2002 г., 2004 г.

1. Место этничности и гражданства среди составляющих социальной идентичности

Данные, выявленные в ходе опроса 2004 г., свидетельствуют о том, что в системе социальных представлений о себе (среди предложенных идентификаций) важное место у наших соотечественников принадлежит этничности и гражданству (см. рис. 2.1.1).

Этническая составляющая занимает в структуре социальной идентичности белорусов устойчивое третье место, а гражданская — четвертое место, уступая только таким идентификациям, как общечеловеческая и территориальная. Обращают на себя внимание достаточно высокие показатели актуализированности в социальном самовосприятии белорусов[4] славянской идентификации.

---

[3] Опросы (2000 г. и 2002 г.) реализованы в режиме мониторинга общественного мнения, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси по общенациональной репрезентативной выборке. Объем выборок составил: 2144 человека (в октябре — ноябре 2002 г.), а также — объемом 2417 человек (в сентябре 2000 г.). Опрос 2004 г. реализован в ходе этнопсихологического исследования сектора социальной и этнической психологии, Института социологии НАН Беларуси, проведенного по общенациональной репрезентативной выборке объемом 1000 человек (в ноябре 2003 — апреле 2004 г.).

[4] В этом разделе и ниже при анализе различных показателей этничности, приводятся данные только по белорусам. По опросу 2004 г. — 815 чел.

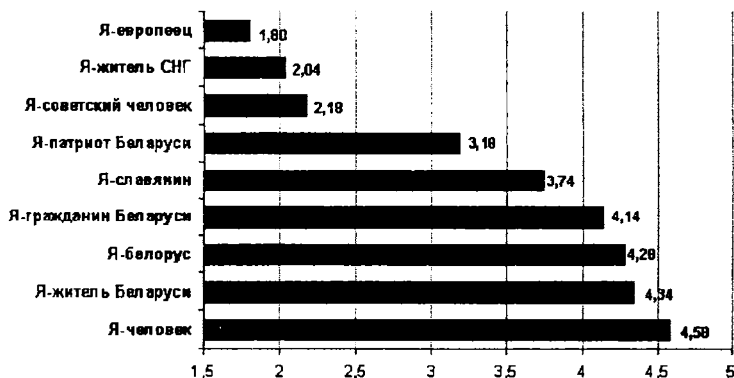

Рис. 2.1.1. Распределение основных составляющих элементов социальной идентичности белорусов

В сравнении с этим идентификации с европейцами и жителями СНГ оказались в ряду других наименее распространенными.

Распределение ответов показывает, что респонденты в большей мере осознают себя жителями республики, а также — белорусами, несколько реже — гражданами Беларуси. Идентификация со славянами, патриотами Беларуси и с советскими людьми проявляется в ответах чаще, чем идентификации с европейцами и жителями СНГ.

Идентификации с такими макросоциальными общностями, как жители СНГ и европейцы — пока остаются на периферии сознания. Так, если 40,8% белорусов в максимально высокой степени относят себя к славянам, то уже 16,8% — к советским людям, только 11,3% — к европейцам, 13,5% — к жителям СНГ.

В данном случае представляются достаточно информативными «негативные» социальные идентификации. Согласно им, 30,7% белорусов совсем не осознают себя жителями СНГ. Так же, как и 39,4% вовсе не присуще чувство принадлежности к европейцам, а 32,3% — к советским людям (табл. 2.1.1).

Таблица 2.1.1. **Распространенность социальных идентификаций белорусов (в %)**

Социальные идентификации	Осознание принадлежности к различным социальным общностям						Итого
	Совсем не осознаю	В минимальной степени	В малой степени	Средне	В большой степени	В максимальной степени	
Я — житель Беларуси	0,5	1,3	3,3	12,0	24,8	**58,2**	100
Я — типичный представитель своей национальности	5,9	6,9	10,1	20,9	30,4	**26,0**	100
Я — белорус	1,1	1,5	3,7	13,0	23,7	**57,1**	100
Я — гражданин Беларуси	1,5	3,8	5,4	11,7	24,1	**53,5**	100
Я — славянин	5,5	4,7	6,9	16,7	25,4	**40,8**	100
Я — патриот Беларуси	10,7	9,1	9,9	18,5	25,5	26,1	100
Я — советский человек	**32,3**	12,9	8,7	13,7	15,6	16,8	100
Я — житель СНГ	**30,7**	16,6	12,1	13,0	14,3	13,4	100
Я — европеец	**39,4**	13,1	10,8	12,8	12,5	11,3	100

Отметим, что советская идентификация в большей мере присуща представителям старшего поколения, респондентам с начальным, неполным средним образованием, жителям села, чаще жителям Гомельской, Могилевской областей и Минска, и менее всего — жителям Гродненской области. В наименьшей мере отождествляют себя с советскими людьми молодежь, горожане, люди с высшим образованием (см. табл. 2.2.3, табл. 2.2.6, приложение к главе 2, табл. 8, табл. 11).

С жителями СНГ в большей мере идентифицируют себя белорусы со средним специальным и общим образованием. Чаще это жители Могилевщины, Гомельщины и Минска. Реже остальных — жители Гродненской, Витебской и Брестской областей. В свою очередь, жители Минска и Могилевской и Брестской областей больше считают себя европейцами. Чаще это респонденты с высшим образованием (см. приложение к главе 2, табл. 10, табл. 9).

Таким образом, опираясь на эти данные, не трудно заметить, что если такие базовые идентификации, как

этническая, гражданская, территориальная постепенно обретают силу и распространенность, а советская идентификация сохраняет свою устойчивость в сознании белорусов, то вновь возникшие идентификации с жителями СНГ, европейцами остаются еще достаточно слабо актуализированными. Иначе говоря, наши соотечественники, сохраняя этническую и территориальную идентификации, обретя и укрепляя новую гражданскую идентификацию, пока все же больше чувствуют себя советскими людьми и славянами, чем европейцами.

Как же связаны и соотносятся между собой эти различные социальные идентификации?

В ходе опроса получены данные, отражающие связь этнической составляющей социальной идентичности с такими идентификациями, как гражданская, территориальная, советская, славянская, европейская и др. В итоге корреляционного анализа данных (см. приложение к главе 2, табл. 2) выявлены тесные корреляционные зависимости[5] между **этнической идентификацией** *(«Я — белорус»)* и такими идентификациями, как *«Я — житель Беларуси»* (0,701); *«Я — гражданин Беларуси»* (0,699); *«Я — славянин»* (0,469) и др.

Между **гражданской идентификацией** и этнической (0,699), территориальной *(«Я — житель Беларуси»* (0,653)), славянской (0,467) и другими идентификациями.

Между **идентификацией с европейцами** и жителями СНГ (0,460), славянами (0,232) и др. Между **советской идентификацией** и идентификациями с патриотами Беларуси (0,308), с жителями СНГ (0,245) и др.

Представляется информативным не только наличие выявленных связей, но и их сила, соответствующая величине каждого из коэффициентов. Анализ показывает, что, например, этническая идентификация наиболее тесно связана, прежде всего, с территориальной, а также с гражданской идентификацией. Корреляционные зависимости между гражданской и территориальной идентификациями все же оказались ниже (0,653), чем между этнической и территориальной (0,701).

---

[5] Коэффициенты корреляции Kendall's tau-b статистически значимы при $P < 0,001$.

Опираясь на эти результаты можно полагать, что именно этническая идентификация белорусов является и остается центральной и объединяющей идентификации с жителями и гражданами республики. Иными словами, респонденты с сильной этнической идентификацией с высокой вероятностью также чувствуют принадлежность к жителям и гражданам Беларуси.

Эти результаты могут рассматриваться в качестве одного из свидетельств слитности в самосознании наших современников феноменов «тутэйшасці» (идентификации с жителями Беларуси, связи с родной землей и территорией проживания), а также белорусскости (чувства отождествления себя со своим народом, белорусами).

Помимо этого, представляются важными и интересными данные, отражающие преломление в социальном само восприятии белорусов идентификаций с такими макросоциальными общностями, как общеевропейская, славянская, жителей СНГ. Как оказалось, более тесные зависимости выявлены между **славянской идентификацией** и этнической (0,469), гражданской (0,467), территориальной (0,424) идентификациями, а также идентификациями с патриотами Беларуси (0,325) и жителями СНГ (0,322). И если здесь сила корреляционных зависимостей несколько слабее, в сравнении с рассмотренной выше триадой (этнической, территориальной, гражданской идентификациями), вместе с тем эти результаты демонстрируют то, что представления белорусов о славянской принадлежности достаточно актуальны сегодня и тесно связаны как с этнической, так и с гражданской и территориальной идентификациями.

Эти данные отражают сегодняшние реалии, согласно которым Беларусь все больше становится духовным центром славянского мира. Это находит свое преломление и в социальном самовосприятии наших соотечественников, когда идентификация со славянами по своей представительности оказалась на пятом месте в системе актуальных социальных идентификаций, значительно превосходя идентификации с европейцами, советскими людьми, жителями СНГ.

В свою очередь, представляется весьма важным то, что **идентификация с европейцами,** тесно коррелирующая с идентификациями с жителями СНГ (0,460), славянами (0,232), патриотами (0,142) при этом имеет совсем слабую (статистически не значимую) связь с этнической (0,073) и территориальной (0,069) идентификациями. Это значит, что респонденты, осознающие себя европейцами, также склонны считать себя жителями СНГ и славянами, в меньшей мере — патриотами Беларуси. Примечательно, что при этом у них неактуализировано чувство этнической и территориальной принадлежности.

Похожая тенденция (слабой связи с этнической и территориальной идентификациями) обнаружена при анализе корреляционных зависимостей идентификации с жителями СНГ. Так, как оказалось, у белорусов с сильной самоидентификацией с **жителями СНГ**, также актуализированы представления о своей принадлежности к европейцам (0,460), славянам (0,322), советским людям (0,245), но при этом так же достаточно слабы этническая (0,127) и территориальная (0,150) идентификации. Таким образом, налицо выявленные в ответах диаметрально противоположные полярные позиции респондентов. С одной стороны, проявляющиеся в актуализации этнической, гражданской и территориальной идентификаций (отражающих привязанность к своим корням, народу, стране и родной земле). И с другой стороны, идентификациями с такими макросоциальными общностями, как жители СНГ и европейцы.

Эта полярность позиций показывает разное проявление чувства принадлежности к различным социальным общностям. Возможно, отождествление респондентами себя с такими общностями, как европейцы и жители СНГ является компенсаторным замещением не актуальной, формальной (или вовсе утраченной) связи со своей этничностью, ослабленной этнической идентификацией и др.

Наконец, представляется интересной и распространенность среди наших соотечественников феноменов советскости и патриотизма, находящих непосредственное преломление в **индентификациях с патриотами Беларуси**

и советскими людьми. Как показывают данные, те, кто осознают себя патриотами нашей страны, значительно реже при этом чувствуют себя жителями СНГ (0,176) и европейцами (0,142), но в большей мере испытывают сильную идентификацию с гражданами Беларуси (0,403), белорусами (0,382), жителями нашей республики (0,352), отождествляют себя со славянами (0,325) и советскими людьми (0,308). В данном случае в ответах находит преломление феномена советскости в патриотизме белорусов. Как оказалось, более всего такую взаимосвязь демонстрируют представители старшего поколения. О чем более подробно будет сказано ниже.

В свою очередь, белорусы с сильной **советской идентификацией** чаще отождествляют себя с патриотами нашей страны (0,308), с жителями СНГ (0,245), гражданами республики (0,199), славянами (0,193), но при этом им как раз достаточно слабо присуще чувство принадлежности к жителям Беларуси (0,146) и белорусам (0,160), а также к европейцам (0,102). То есть, как оказалось, советскость сегодняшних белорусов совсем слабо коррелирует с чувством «тутэйшасці», этничности и европейскости. Зато более тесно связана с гражданственностью, славянскостью, патриотичностью. Можно полагать, что былая общегосударственная советская идентификация постепенно трансформируется (или замещается) новыми идентификациями с гражданами Беларуси и жителями СНГ.

2. Социально-демографическая и региональная специфика этнической идентификации

По данным исследования 2004 г., собственная этническая принадлежность в полной мере осознается подавляющим большинством жителей республики. Так, только 1,1% опрошенных белорусов совсем не идентифицируют себя с представителями своей национальности, только для 3,3% она абсолютно не важна, лишь 4,8% не относят себя к тем, кто гордится ею, а 5,7% совсем не отождествляют себя с типичными представителями своего народа.

И, наоборот, 57,1% белорусов осознают свою этническую принадлежность максимально сильно. Вместе с тем показательно, что при этом столь же максимально высоко оценивают ее значимость почти вдвое меньше (30%) опрошенных. А идентификация *«Я — типичный представитель своей национальности»* в такой же максимально высокой мере присуща уже только 26% респондентов. То есть, число тех, кто осознает свою национальность, существенно выше тех, для кого она действительно важна, и тем более тех, кто относит себя к типичным представителям своего народа.

Анализ соотношения показателей осознания этнической принадлежности и оценок ее значимости иллюстрирует различные позиции в восприятии нашими соотечественниками своей этничности. Они варьируют от формальной (лишь официально приписанной) этнической принадлежности до этнической приверженности. Как явствует из данных, 46,6% респондентов одновременно присуща сравнительно высокая значимость этнической принадлежности при сильно актуализированной этнической идентификации. Согласованность высоких оценок по этим двум показателям может указывать на *этническую приверженность*. С другой стороны, респондентов с противоположной позицией (*«этнически равнодушных»*), кто слабо осознает свою этническую принадлежность, и при этом низко оценивает ее значимость, выявлено менее 3%. И белорусов (*«этнически индифферентных»*) со средней актуализацией представлений о своей этничности и средне оценивающих ее значимость оказалось 8,2%. Отдельную группу составили респонденты средне оценивающие важность этнической принадлежности при высокой актуализации этнической идентификации (18,3%). Выделенные группы, безусловно, полностью не отражают всего разнообразия восприятия белорусами своей этничности. Вариативность таких позиций значительно шире.

Разное отношение к этнической принадлежности обусловлено спецификой ее восприятия среди различных категорий населения республики. И среди важнейших факторов особое значение принадлежит возрасту.

Сравнение ответов показало, что с представителями своей национальности в большей мере идентифицируют себя респонденты крайних возрастных групп (до 20 лет и после 60 лет). Так, оценки силы этнической идентификации оказались наиболее высокими среди белорусов старше 60 лет (4,43) и моложе 20 лет (4,37), а самыми низкими — в возрастной группе от 20 до 29 лет (4,15) (табл. 2.2.1).

Таблица 2.2.1. **Распределение показателей значимости этнической принадлежности и силы этнической идентификации среди белорусов разных возрастных групп**

Возраст респондентов	Сила этнической идентификации		Значимость этнической принадлежности	
	X*	*Sd*	X**	*Sd*
Менее 20 лет	4,37	*0,89*	5,14	*1,54*
20–29 лет	4,15	*1,21*	4,50	*2,00*
30–39 лет	4,22	*0,97*	4,82	*1,89*
40–49 лет	4,21	*1,05*	5,19	*1,79*
50–59 лет	4,30	*1,11*	5,18	*1,98*
60 и более лет	4,43	*0,92*	5,62	*1,67*
Итого	4,28	*1,04*	5,08	*1,87*

*Sd — среднеквадратическое отклонение; X — среднее арифметическое оценок по шкале от 0 (совсем не осознаю) до 5 баллов (осознаю в максимальной степени).

**X — среднее арифметическое значение оценок по шкале от 0 (совсем не важно) до 7 (максимально важно).

Различия в оценках значимости этнической принадлежности являются еще более очевидными. Так, 40,3% белорусов старше 60 лет максимально высоко оценивают значимость своей этнической принадлежности. Аналогичные оценки указали почти вдвое меньше опрошенных (только 23,7%) в возрасте до 20 лет (см. табл. 2.2.2). В группах молодежи, особенно от 20 до 29 лет, значимость этнической принадлежности оценивается более равномерно и еще более низко (20%).

В свою очередь, распределение оценок по этому показателю у представителей старшего поколения (особенно старше 60 лет) смещено к правому полюсу шкалы (табл. 2.2.2). Это говорит о том, что белорусы старшего возраста склонны более определенно и однозначно, но при этом более высоко оценивать важность своей этничности.

Таблица 2.2.2. **Значимость этнической принадлежности белорусов различных возрастных групп (в %)**

Значимость этнической принадлежности	Возрастные группы						Итого
	Менее 20 лет	20–29 лет	30–39 лет	40–49 лет	50–59 лет	60 лет и старше	
0 — Совсем не важно	–	**6,0**	4,0	1, 9	6,0	**1,1**	3,3
1	–	**3,3**	3,3	2,5	2,6	**4,0**	3,0
2	6,8	5,3	6,0	4,4	2,6	1,7	4,2
3	10,2	14,0	4,7	5,7	4,3	3,4	6,7
4	16,9	20,0	21,3	20,1	12,8	9,7	16,8
5	18,6	14,0	20,7	17,0	16,2	15,3	16,8
6	23,7	17,3	16,0	13,8	23,9	24,4	19,4
7 — Максимально важно	23,7	**20,0**	24,0	34,6	31,6	**40,3**	30,0
Итого	100	100	100	100	100	100	100

Собственная этническая принадлежность наиболее значима для пенсионеров, рабочих сельского хозяйства, крестьян, домохозяек, рабочих промышленности, но также специалистов непроизводственной сферы (учителей), учащихся и студентов. В свою очередь, наиболее индифферентно ее воспринимают — предприниматели, фермеры, занимающиеся индивидуальной трудовой деятельностью, руководители (см. приложение к главе 2, табл. 6).

Ответы говорят о том, что с увеличением возраста растет распространенность среди жителей республики не только этнической, но и таких самоидентификаций, как *«советский человек», «житель Беларуси», «гражданин Беларуси», «житель СНГ», «патриот Беларуси»* (см. приложение к главе 2, табл. 8, 9). С советским народом более остальных идентифицируют себя также люди старшего поколения, пенсионеры, а менее всех — студенты, учащиеся и предприниматели. Наряду с этим учащаяся молодежь и предприниматели в большей мере отождествляет себя с европейцами.

Образование также является одним из важнейших факторов, определяющих особенности восприятия этнической принадлежности (табл. 2.2.3).

Таблица 2.2.3. **Социальные идентификации и оценки значимости этнической принадлежности белорусов с разным уровнем образования**

Образование	Я — советский человек		Я — патриот Беларуси		Я — белорус		Значимость этнической принадлежности	
	X*	*Sd*	X	*Sd*	X	*Sd*	X**	*Sd*
Начальное, неполное среднее	2,811	*1,95*	3,611	*1,50*	4,410	*0,92*	5,407	*1,76*
Общее	1,885	*1,91*	3,074	*1,73*	4,228	*1,18*	5,019	*1,95*
Среднее специальное	2,049	*1,85*	2,925	*1,65*	4,253	*1,04*	4,989	*1,84*
Высшее	1,720	*1,72*	3,118	*1,59*	4,157	*0,97*	4,762	*1,96*
Итого	2,179	*1,92*	3,179	*1,65*	4,277	*1,04*	5,081	*1,87*

*Sd — среднеквадратическое отклонение; X — среднее арифметическое оценок по шкале от 0 (совсем не осознаю) до 5 баллов (осознаю в максимальной степени).

**X — среднее арифметическое значение оценок по шкале от 0 (совсем не важно) до 7 (максимально важно)

Наиболее индифферентное отношение к собственной этничности выявлено в группе респондентов с высшим образованием. При этом самую высокую актуализированность этнической идентификации (4,41) демонстрируют респонденты с начальным и неполным средним образованием. Самые низкие значения этого показателя обнаружены среди белорусов с высшим образованием (4,16).

Таблица 2.2.4. **Значимость этнической принадлежности белорусов с различным уровнем образования (в %)**

Значимость этнической принадлежности	Образование				Итого
	Начальное, неполное среднее	Общее образование	Среднее специальное	Высшее	
0 — Совсем не важно	1,8	4,7	3,3	3,8	3,3
1	3,6	1,9	2,6	4,8	3,0
2	1,8	5,6	4,4	5,7	4,2
3	5,9	6,5	7,0	7,6	6,7
4	13,6	15,4	19,2	**20,0**	16,8
5	15,4	17,8	18,1	14,3	16,8
6	20,8	18,2	18,5	21,0	19,4
7 — Максимально важно	**37,1**	**29,9**	**26,9**	**22,9**	30,0
Итого	100	100	100	100	100

Значимость этнической принадлежности также ниже оценивается с ростом образования. Максимально важна она только для 22,9% белорусов с высшим образованием. Также высоко ее оценивают 37,1% респондентов с начальным и неполным средним образованием, 29,9% — с общим образованием, 26,9% — со средним образованием (табл. 2.2.4). Таким образом, респонденты с высшим образованием отличаются от остальных групп более дифференцированными оценками значимости этнической принадлежности, а также меньшей актуализированностью этнической идентификации. Это свидетельствует о, безусловно, позитивном (табл. 2.2.4), но более «спокойном» отношении их к своей этничности.

Восприятие нашими соотечественниками своей этнической принадлежности имеет явно очерченную региональную специфику.

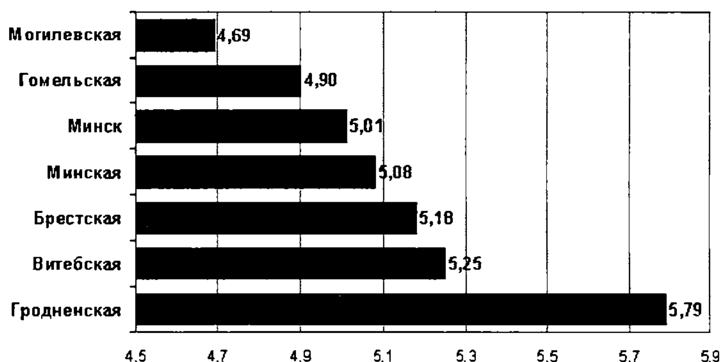

Рис. 2.2.1. Значимость этнической принадлежности жителей различных областей республики и г. Минска[6]

Согласно результатам, этническое сознание белорусов наиболее актуализировано среди жителей западного пограничья — в Гродненской области (регионе с наиболее пестрым этноконфессиональным составом населения). Более низкий уровень его актуализации фиксируется среди жителей Могилевской и Гомельской областей. В макси-

---

[6] На рисунке представлены среднеарифметические значения, полученные по шкале размерностью от 0 до 7 баллов.

мально высокой степени осознают свою этническую принадлежность 64,4% белорусов Гродненщины и только 51,2% — Гомельщины и 53,8% — Могилевщины (см. табл. 2.2.7).

Эти результаты хорошо согласуются и с распределением оценок значимости этнической принадлежности. Так, среди жителей Гродненской области выявлены самые высокие значения этого показателя. Максимально высоко оценивают значимость своей этнической принадлежности 41,9% белорусов Гродненщины. Соответствующие оценки встречались вдвое реже среди жителей Могилевщины (19,8%). Их указали только 25,2% белорусов Гомельщины (табл. 2.2.5).

Жителей Гомельской области отличают не только более индифферентное восприятие этнической принадлежности, но и более распространенная среди них советская идентификация, которая менее всего присуща белорусам Гродненской области (см. приложение к главе 2, табл. 11).

Обращает на себя внимание тот факт, что жители Минска по показателям актуализации этнической принадлежности и ее значимости занимают среднюю позицию в сравнении с населением других регионов. Наряду

Таблица 2.2.5. **Значимость этнической принадлежности белорусов жителей различных регионов республики (в %)**

Оценки значимости этнической принадлежности	Области и г. Минск							Итого
	Брестская	Витебская	Гомельская	Гродненская	Минск	Минская	Могилевская	
0 — Совсем не важно	4,0	0,9	**5,3**	1,6	3,0	2,1	**5,7**	3,3
1	3,2	2,7	2,3	–	3,7	4,3	2,8	3,0
2	4,0	4,5	4,6	–	5,2	3,5	5,7	4,2
3	3,2	6,3	6,9	6,5	7,4	10,6	4,7	6,7
4	18,4	17,1	18,3	8,1	17,0	12,8	22,6	16,8
5	12,8	16,2	16,0	17,7	16,3	18,4	20,8	16,8
6	20,8	20,7	21,4	24,2	17,0	16,3	17,9	19,4
7 — Максимально важно	33,6	31,5	25,2	**41,9**	30,4	31,9	**19,8**	30,0
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100

Таблица 2.2.6. **Социальные идентификации и оценки значимости этнической принадлежности среди сельских и городских жителей**

Тип населенного пункта	Я — советский человек		Я — патриот Беларуси		Я — белорус		Значимость этнической принадлежности	
	X*	*Sd*	X	*Sd*	X	*Sd*	X**	*Sd*
Город	2,080	*1,89*	3,130	*1,61*	4,266	*1,06*	5,011	*1,89*
Село	2,383	*1,98*	3,282	*1,71*	4,301	*1,02*	5,228	*1,84*
Итого	2,179	*1,92*	3,179	*1,65*	4,277	*1,04*	5,081	*1,87*

*Sd — среднеквадратическое отклонение; X — среднее арифметическое оценок по шкале от 0 (совсем не осознаю) до 5 баллов (осознаю в максимальной степени).

**X — среднее арифметическое значение оценок по шкале от 0 (совсем не важно) до 7 (максимально важно).

с этим минчан отличают достаточно высокая актуализация идентификаций с европейцами, жителями СНГ, а также патриотами своей страны (см. приложение к главе 2, табл. 10, 11).

Столь же более ровным является отношение к этнической принадлежности у городских жителей республики (табл. 2.2.6). Сравнение ответов жителей города и села показывает, что при схожей актуализации этнической идентификации, все же для сельских жителей их этничность более важна (5,23), чем для горожан (5,01). Отметим, что сельские жители также в большей мере идентифицируют себя с патриотами своей страны, а также чаще считают себя советскими людьми. По всей видимости, эти ответы обусловлены и возрастом респондентов, живущих в сельской местности.

Обобщая полученные результаты, касающиеся региональной специфики этнического самосознания, следует отдельно выделить регионы западного и восточного пограничья. И, прежде всего, Гродненскую и Гомельскую области, жители которых демонстрируют наиболее противоположные позиции.

Близость западной границы и наиболее пестрый этноконфессиональный состав населения обусловливают в регионе белорусско-польского пограничья более сильную актуализацию этнического сознания, что находит непос-

Таблица 2.2.7. **Этническая идентификация жителей различных регионов республики* (в %)**

Идентификация Я — белорус	Области и г. Минск							Итого
	Брестская	Витебская	Гомельская	Гродненская	Минск	Минская	Могилевская	
Совсем не осознаю	1,6	0,9	2,3	–	0,8	0,7	1,0	1,1
В минимальной степени	2,4	0,9	–	1,7	2,3	1,5	1,9	1,5
В малой степени	1,6	4,5	2,3	5,1	4,5	6,0	1,9	3,7
Средне	12,9	9,9	12,4	11,9	14,3	12,7	16,3	13,0
В большой степени	23,4	20,7	31,8	16,9	19,5	24,6	25,0	23,7
В максимальной степени	58,1	63,1	51,2	**64,4**	58,6	54,5	53,8	57,1
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100

редственное отражение и в осознании этнической принадлежности и в росте оценок ее субъективной значимости жителей Гродненщины.

Одним из факторов, обусловливающих здесь (особенно в сельской местности) актуализацию этничности, являются более явно выраженные этноопределяющие, этноотличительные и этнодифференцирующие признаки (среди которых немаловажную роль играет и белорусский язык). Как известно, наиболее белорусскоговорящим в республике является население именно Гродненской области, где более половины всех ее жителей используют дома белорусский язык[7].

В то же время ситуацию в восточном регионе (прежде всего Гомельской и Могилевской областей) можно характеризовать, как ситуацию «дремлющей» этничности, когда этнокультурные проблемы не столь актуальны для населения этих областей. Это обусловлено более интенсивными процессами межкультурного взаимовлияния, большей стертостью здесь этнокультурных отличий и т. д. Одним из следствий этого является и соответствующее состояние более «размытого» этнического сознания жителей белорусско-российского пограничья. Что проявляется в его более слабой актуализации и в более низкой значимости этнической принадлежности.

[7] Национальный состав населения Республики Беларусь и распространенность языков. Итоги переписи населения Республики Беларусь 1999 года. Статистический сборник. Том 1. — Минск: Информстат Минстата РБ, 2001. — 452 с.

3. Специфика гражданской идентификации среди различных категорий населения республики[8]

По данным исследования 2004 года[9], гражданская принадлежность осознается подавляющим большинством населения республики. Совсем не идентифицируют себя с гражданами Беларуси не более 3% жителей страны. Общее распределение ответов характеризуется преобладанием высокой степени осознания гражданской принадлежности. Этот факт хорошо иллюстрируется значением средней величины оценок по 5-бальной шкале (0 — «совсем не осознаю», 5 — «осознаю в максимальной степени»). Она составляет 4,05 балла. Сравнение данных 2002 и 2004 годов показывает, что число респондентов, дающих ответ «осознаю в максимальной степени» постепенно увеличивается, то есть факт принадлежности к «новой» гражданской общности все более прочно включается в сознание жителей страны (табл. 2.3.1).

Таблица 2.3.1. **Распространенность и сила гражданской идентификации в 2002 и 2004 гг. (в %)**

Год опроса	Совсем не осознаю, %	В минимальной степени, %	В малой степени, %	В средней степени, %	В большой степени, %	В максимальной степени, %	X*	Sd
2002	4,0	3,8	4,1	14,0	27,6	46,4	**3,97**	1,32
2004	3,0	3,9	5,2	12,2	24,3	51,4	**4,05**	1,29

* Sd — среднеквадратическое отклонение; X — среднее арифметическое оценок по шкале от 0 (совсем не осознаю) до 5 баллов (осознаю в максимальной степени).

По сравнению с силой идентификации, значимость гражданской принадлежности является характеристикой более нагруженной личностно и эмоционально. Она отражает оценку субъективной важности гражданства для

[8] Данный параграф подготовлен Т. В. Водолажской.

[9] Изучение гражданской идентификации жителей современной Беларуси проводилось в рамках исследования «Этничность и гражданство в сознании жителей Беларуси», 2004 г., объем выборки 1000 чел., включающий как белорусов, так и представителей других национальностей.

конкретного человека. Максимальную степень значимости гражданской принадлежности в 2002 г. отметили 23,7% респондентов, а в 2004 г. — 26,4%. При этом полное отсутствие важности своего гражданства в 2002 г. отметили 10,9%, а в 2004 г. — только 4,9%. Остальные ответы, характеризующие степень значимости гражданской принадлежности, распределились более или менее равномерно между этими крайними полюсами, средняя оценка по 7-бальной шкале составила 4,2 балла в 2002 г. и 4,6 баллов в 2004 г. Это позволяет говорить о том, что происходит постепенное наполнение значимостью уже освоенной и принятой категории «гражданин Беларуси».

Анализ взаимосвязи между показателями осознания гражданской принадлежности и ее значимости открывает один из источников разнообразия восприятия жителями Беларуси своего гражданства. Судя по данным, чем полнее осознание гражданской принадлежности, тем с большей вероятностью она является важной для человека. Об этом свидетельствует статистически значимая взаимосвязь между гражданской самоидентификацией и оценкой значимости гражданской принадлежности (на уровне значимости 0,001). Тем не менее осознание факта гражданской принадлежности не всегда сопровождается эмоционально-ценностным отношением. Она может оставаться только формальным атрибутом. Соотнесение показателей гражданской идентификации и значимости гражданской принадлежности показывают, что одновременно высокими значениями характеризуются около 60% респондентов. Остальные демонстрируют либо согласованные низкие значения, либо наличие идентификации при низкой значимости гражданства. Последних (тех, для кого гражданская принадлежность является формальной) — около 8% среди всего населения республики.

Неоднородность осознания и восприятия гражданской принадлежности связана со спецификой этих процессов среди различных категорий населения страны. Возраст является одним из важнейших факторов, определяющих не только особенности гражданской идентификации, но

и тенденции ее изменения[10]. Поэтому ему будет уделено особое внимание ниже, здесь же вкратце отметим следующее. С увеличением возраста респондентов показатель осознания гражданской принадлежности постепенно растет. У молодого поколения, в свою очередь, не только слабее гражданская идентификация, но и выше степень осознания себя европейцами. Таким образом, старшее и молодое поколение различаются как по силе гражданской идентификации, так и по степени включенности в другие макросоциальные группы. Это характеризует общее направление изменений в приоритетах самоопределения в социальном пространстве.

С увеличением возраста респондентов усиливается и значимость гражданской принадлежности. Однако следует отметить, что эта тенденция нарушается самыми молодыми респондентами (до 20 лет). Они демонстрируют довольно высокую значимость гражданства, близкую скорее к 50—60-летним, нежели к непосредственно предшествующим поколениям. Это обстоятельство позволяет предполагать, что возрастные различия тесно связаны с содержательными изменениями в понимании и интерпретации гражданской принадлежности, которые достойны отдельного рассмотрения.

Фактор образования также оказывает воздействие на особенности восприятия гражданской принадлежности. Здесь существенные отличия характеризуют в первую очередь людей с высшим образованием, которые наиболее дифференцированно подходят к оценке своей включенности в гражданскую общность. Среди них только 38,0% в максимальной степени идентифицируют себя с гражданами страны, а среди опрошенных с начальным образованием таких 56,9%, с общим — 52,5%, со средним специальным — 51,9%. Аналогичная картина складывается в отношении оценки важности гражданства. Наиболее низкие показатели наблюдаются среди высокообразованных жителей Беларуси. Средние оценки значимости гражданства составляют: среди респондентов с начальным и неполным средним образованием — 4,95, среди

[10] Более подробно это будет рассмотрено в главе 7.

респондентов с общим и средними специальным образованием — 4,67 и 4,57, а среди респондентов с высшим образованием — только 4,4.

Кроме того, именно для беларусов с высшим образованием характерен значительный разрыв между актуализацией идентификаций «Я — гражданин Беларуси» и «Я — житель Беларуси» (рис. 2.3.1). Это подчеркивает более четкое разведение гражданской и территориальной принадлежности, которая не столь выражена среди остальных групп респондентов, что проявляется в меньшей распространенности гражданской идентификации среди представителей данной социальной категории.

Рис. 2.3.1. Идентификация с гражданами и жителями Беларуси среди респондентов с различным уровнем образования

Что касается различий, связанных с социальным положением респондентов, то наиболее ярко они проявляются в оценке значимости гражданской принадлежности. Высокие социальные позиции (руководители высшего звена), а также освоение новых для белорусского общества социальных практик (предпринимательство и индивидуальная трудовая деятельность) характеризуются низким уровнем субъективной значимости гражданства (табл. 2.3.2). Кроме того, относительно низкую значимость гражданской принадлежности демонстрируют специалисты производственной сферы и безработные. В свою очередь, высокую важность гражданства отметили работники

сельского хозяйства, пенсионеры и домохозяйки, то есть те группы населения, кто более других находится «под опекой» государства и его социальной политики. Они характеризуются также достаточно низким разбросом оценок. Таким образом, можно предполагать, что оценка субъективной значимости гражданства взаимосвязана с мерой независимости, самостоятельности и ответственности, свойственной той или иной социальной позиции. Очевидно, что такое соотношение социальной позиции и значимости гражданства уходит корнями в патерналистское понимание взаимосвязи государства и гражданина, присущее советскому обществу, когда гражданственность напрямую соотносилась с лояльностью государству.

Еще одним ключевым показателем, характеризующим специфику восприятия гражданской принадлежности, является установка по отношению к собственному граж-

Таблица 2.3.2. **Значимость гражданской принадлежности в различных социальных слоях населения**

Социальное положение	*X**	*SD*
Руководитель высшего звена	3,64	*1,22*
Служащий, специалист производственной сферы	3,73	*1,25*
Самозанятый (индивидуальная трудовая деятельность)	3,76	*1,63*
Безработный	3,98	*1,60*
Предприниматель, фермер	4,00	*1,58*
Руководитель среднего и низшего звена	4,04	*1,26*
Студент, учащийся	4,67	*1,11*
Служащий без специального образования	4,68	*1,51*
Рабочий (промышленности, транспорта и др.)	4,75	*1,25*
Служащий, специалист непроизводственной сферы	4,81	*1,39*
Работник торговли	4,90	*1,20*
Работающий пенсионер	4,91	*1,55*
Домохозяйка	4,92	*1,29*
Неработающий пенсионер	5,07	*1,12*
Рабочий сельского хозяйства, крестьянин	5,22	*0,96*

*X — среднее арифметическое значение оценок по шкале от 0 (совсем не важно) до 7 (максимально важно), Sd — среднеквадратическое отклонение.

данству. Результаты исследования показали, что негативно относится к своей гражданской принадлежности только 1,0% респондентов, нейтрально или безразлично — 20,0%, позитивно — 74,2% и затруднились ответить — 3,4%. При этом необходимо отметить, что индифферентное отношение свойственно и тем, кто отмечает высокую степень гражданской идентификации. 13,5% среди жителей республики, которые в полной мере осознают себя гражданами страны, относятся к своему гражданству нейтрально.

Распространенность нейтрального отношения связана, прежде всего, с возрастом респондентов. Оно присуще, в первую очередь, молодым людям и, соответственно, студентам, а также тем, кто по своему социальному положению представляет социальные группы, возникшие уже в постсоветское время — предприниматели, люди, занятые индивидуальной трудовой деятельностью. Соответственно возрасту, образование респондентов, демонстрирующих равнодушное отношение, преимущественно, «общее». Люди с высшим образованием, несмотря на более низкий уровень осознания и значимости гражданской принадлежности, в своем отношении к гражданству не выделяются на общем фоне (табл. 2.3.3).

В итоге, можно констатировать, что, с одной стороны, белорусское гражданство осознано и принято большинством населения страны. То есть жители Беларуси не только идентифицируют себя как граждан, но и преимущественно отмечают важность своей гражданской принадлежности,

Таблица 2.3.3. **Отношение к своему гражданству среди респондентов с разным уровнем образования (в %)**

Отношение к своему гражданству	Уровень образования				В целом по выборке
	Начальное, неполное среднее	Общее	Среднее специальное	Высшее	
Положительное	80,9	68,1	76,6	75,4	75,3
Нейтральное	15,2	27,0	18,5	21,1	20,3
Отрицательное	0,8	1,1	1,5	–	1,0
Затрудняюсь ответить	3,1	3,8	3,4	3,5	3,4
Итого	100	100	100	100	100

а также демонстрируют позитивное отношение к ней. Тем не менее очевидно, что распространенность осознания гражданской принадлежности значительно превосходит распространенность значимости гражданства и позитивной установки по отношению к нему. Наиболее сдержанными в своих оценках, а также индифферентными в отношении к своему гражданству являются люди с высшим образованием и занимающиеся развитием собственного дела, а также безработные. Устойчивое, позитивно окрашенное и эмоционально насыщенное чувство гражданской принадлежности свойственно в первую очередь людям старшего возраста, находящимся на пенсии, а также рабочим промышленности и сельского хозяйства с низким уровнем образования.

Восприятие гражданской принадлежности имеет также и региональную специфику. Как показывает анализ результатов, степень гражданской идентификации значимо не отличается среди представителей различных регионов. В то же время позитивное отношение к гражданству и высокая субъективная значимость чаще встречаются среди жителей западных областей — Гродненской и Брестской (рис. 2.3.2, приложение к главе 2, табл. 16). В свою очередь население Могилевской области демонстрирует самые низкие показатели значимости гражданства.

Специфика восприятия гражданства жителями этих областей подтверждается и данными об установке по отношению к гражданской принадлежности. Если среди жителей Гродненской и Брестской областей индифферентное

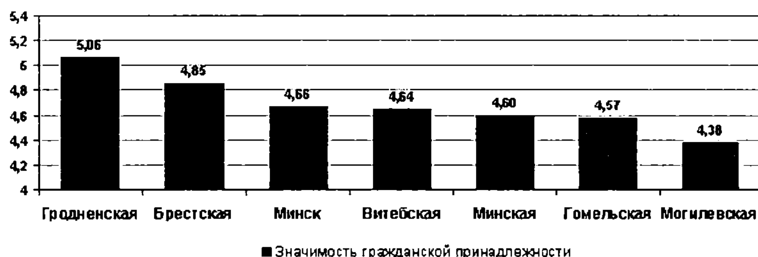

Рис. 2.3.2. Значимость гражданской принадлежности в различных регионах Беларуси

отношение отметили, соответственно, 18,1 и 18,6%, то в Могилевской — 24,2% населения (см. приложение к главе 2, табл. 17).

Необходимо отметить, что жители столицы не занимают крайних позиций по показателям значимости гражданской принадлежности и отношения к своему гражданству. И в целом городское и сельское население республики, в этом отношении, практически не различаются между собой. Горожане лишь несколько более сдержаны в своих оценках, что согласуется с описанной выше спецификой восприятия гражданской принадлежности среди различных социально-демографических групп.

Обобщая полученные данные, можно охарактеризовать некоторые из областей, население которых представляет наиболее интересные и выраженные позиции. Так, жители Могилевской области отличаются наименьшей актуализированностью гражданства и приверженностью ему. Для населения западных областей (Брестской и Гродненской) характерна высокая актуальность темы гражданства, но остальные показатели гражданского самосознания не имеют отличий от среднереспубликанских. Остальные три области и столица не выделяются на общем фоне.

Полученные результаты позволяют говорить о влиянии региональной специфики на восприятие гражданской принадлежности. Центральные и западные регионы демонстрируют более яркую выраженность гражданской самоидентификации, высокую значимость гражданства и его позитивную эмоциональную насыщенность. Регионы, граничащие с Россией, характеризуются более «размытым» гражданским самосознанием. Имеется ввиду слабая актуализированность непосредственно белорусского гражданства и, соответственно, более низкая его значимость и эмоциональная насыщенность. Здесь играют важную роль четкость и однозначность западной границы и исторически сложившаяся размытость, а также социокультурная проницаемость восточной.

Проведенный анализ показывает лишь общий срез проблемы гражданской идентификации. Однако он поз-

воляет увидеть сложность и качественное разнообразие как процесса формирования гражданского самосознания, так и его результатов. Более глубокое исследование требует обращения, в первую очередь, к процессу его становления и изменения.

4. Динамика основных составляющих социальной идентичности белорусов (за период 2000—2004 гг.)

Сравнение данных об основных составляющих социальной идентичности белорусов за период 2000—2004 гг. в целом продемонстрировало устойчивость иерархичной структуры компонентов социальной идентичности, а также наряду с этим, позволило выявить и изменения, произошедшие за последние годы в этническом и гражданском самосознании населения республики (см. рис. 2.4.1, рис. 2.4.2).

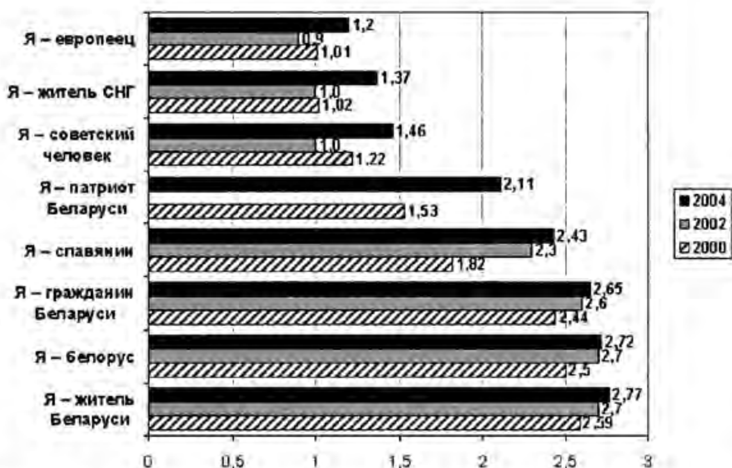

Рис. 2.4.1. Динамика основных составляющих элементов[11] социальной идентичности белорусов за период 2000—2004 гг.

[11] На гистограмме представлены средние арифметические значения оценок респондентов, полученные посредством шкалы (от 0 до 3 баллов).

Как показывают данные, за это время возросла доля людей, осознающих себя гражданами и жителями республики, патриотами Беларуси, считающих себя типичными представителями своего народа, чувствующих собственную этническую принадлежность и гордящихся ею, высоко оценивающих ее значимость (см. табл. 2.4.1).

Таблица 2.4.1. **Изменение значимости этнической принадлежности за период 2000—2004 гг. (в %)**

Год опроса	0 – Совсем не важно	1	2	3	4	5	6	7 – В максимальной степени важно
2000	16,8	6,7	6,6	12,9	15,7	12,5	6,9	19,9
2002	12,4	5,6	6,4	12,8	13,5	15,9	11,6	21,8
2004	3,3	3,0	4,2	6,7	16,8	16,8	19,4	30,0

Обращает на себя внимание то, что наиболее быстро и поступательно растет распространенность идентификаций со славянами. Однако, как явствует из сравнения ответов, колеблется число опрошенных, идентифицирующих себя с европейцами, советским народом, жителями СНГ (см. приложение к главе 2, табл. 18). Если показатель силы советской идентификации в 2000 г. составил 1,22, то в 2002 г. — 0,95, в 2004 г. — 1,46. Оценки силы идентификации с европейцами изменились с 1,01 (2000 г.), 0,91 (2002 г.) до 1,2 (2004 г.). С жителями СНГ с 1,02 (2000 г.), до 0,95 (2002 г.), 1,37 (2004 г.).

С другой стороны, анализ установок, адресованных этничности, показал, что по сравнению с 2000 г. уменьшилось индифферентное отношение белорусов к своей национальности, а также идентификации с людьми, испытывающими проблемы со своим этническим самоопределением. Незначительно выросло число тех, кто стыдится своей национальности (рис. 2.4.2).

В то же время усилились идентификации с типичными представителями своей национальности, а также идентификации с теми, кто гордится ею. Так, если в 2000 г. 22,7% белорусов совсем не отождествляли себя с типичными представителями своего народа, то в 2002 г. таких

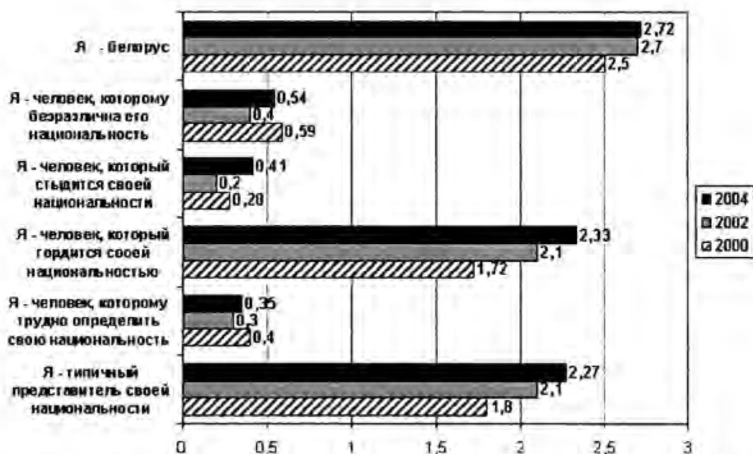

Рис. 2.4.2. Отношение белорусов к своей этнической принадлежности

было уже 12%, в 2004 г. — только 5,7%. Если в 2000 г. совсем не относили себя к тем, кто гордится своей национальностью 22,5% опрошенных, то в 2002 г. — таких оказалось только 9,7%, в 2004 г. — 4,8% (см. приложение к главе 2, табл. 19).

В своей совокупности данные исследования указывают на очень медленный, но поступательный рост этнического самосознания белорусов, а также дальнейшее становление и укрепление гражданского самосознания населения республики.

В целом результаты исследования отражают тесную взаимосвязь этнической, гражданской, территориальной идентификаций белорусов, указывая на то, что процессы их поступательного развития идут параллельно. Данные также свидетельствуют о слитности в самосознании белорусов феноменов «тутэйшасці» (идентификации именно с жителями Беларуси, связи с родной землей и территорией проживания), а также белорусскости (чувстве отождествления со своим народом, белорусами). Опираясь на полученные данные, можно полагать, что именно этническая идентификация белорусов является и остается центральной, объединяющей идентификации с жителями и гражданами республики.

Обобщая полученные результаты, можно констатировать, что восприятие нашими соотечественниками этнической и гражданской принадлежности имеет свою социально-демографическую и региональную специфику. Важную роль в ней играют возраст, образование, социальное положение, регион проживания.

Вместе с тем проанализированные выше данные очерчивают лишь общие характеристики в картине восприятия этничности и гражданства жителями республики. Они позволяют сформировать представление только об общих тенденциях дальнейшего изменения этнического и гражданского самосознания. Стремление же вскрыть суть происходящих в нем изменений может быть реализовано посредством исследования содержательного наполнения представлений об этнической и гражданской принадлежности, о чувствах, адресованных им, анализа поколенческой специфики этнической и гражданской идентификаций и т. д. Рассмотрению ряда этих вопросов и посвящены следующие главы.

Приложение к главе 2

«ОСОБЕННОСТИ ЭТНИЧЕСКОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИЙ НАСЕЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ БЕЛАРУСИ»

1. Место этничности и гражданства среди составляющих социальной идентичности

Таблица 1. **Социальные идентификации белорусов**

	Социальные идентификации	Оценки силы социальных идентификаций	
		X*	*Sd*
1	Я — житель Беларуси	4,34	*0,96*
2	Я — белорус	4,28	*1,04*
3	Я — гражданин Беларуси	4,14	*1,20*
4	Я — славянин	3,74	*1,45*
5	Я — патриот Беларуси	3,18	*1,65*
6	Я — советский человек	2,18	*1,92*
7	Я — житель СНГ	2,04	*1,82*
8	Я — европеец	1,8	*1,82*

* Sd — среднеквадратическое отклонение; X — среднее арифметическое оценок по шкале от 0 (совсем не осознаю) до 5 баллов (осознаю в максимальной степени).

Таблица 2. **Матрица интеркорреляций* основных составляющих социальной идентичности белорусов**

Социальные идентификации	Я — житель Беларуси	Я — белорус	Я — славянин	Я — гражданин Беларуси	Я — европеец	Я — житель СНГ	Я — патриот Беларуси	Я — советский человек
Я — житель Беларуси	1	**0,701**	**0,424**	**0,653**	**0,069**	0,150	**0,352**	0,146
Я — белорус	**0,701**	1	**0,469**	**0,699**	0,073	0,127	**0,382**	0,160
Я — славянин	**0,424**	**0,469**	1	**0,467**	**0,232**	**0,322**	**0,325**	0,193
Я — гражданин Беларуси	**0,653**	**0,699**	**0,467**	1	0,105	0,185	**0,403**	0,199
Я — европеец	0,069	0,073	**0,232**	0,105	1	**0,460**	0,142	0,102
Я — житель СНГ	0,150	0,127	**0,322**	0,185	**0,460**	1	0,176	**0,245**
Я — патриот Беларуси	**0,352**	**0,382**	**0,325**	**0,403**	0,142	0,176	1	**0,308**
Я — советский человек	0,146	0,160	0,193	0,199	0,102	**0,245**	**0,308**	1

* Коэффициенты корреляции Kendall's tau-b.

2. Социально-демографическая и региональная специфика этнической идентификации

Таблица 3. **Значимость этнической принадлежности белорусов, живущих в различных регионах республики**

№	Области и г. Минск	Оценки значимости этнической принадлежности	
		*X**	*SD*
1	Гродненская	5,790	*1,44*
2	Витебская	5,252	*1,71*
3	Брестская	5,184	*1,93*
4	Минская	5,078	*1,88*
5	г. Минск	5,007	*1,92*
6	Гомельская	4,901	*1,95*
7	Могилевская	4,689	*1,92*
	Итого	5,08	*1,87*

*Sd — среднеквадратическое отклонение; X — среднее арифметическое значение оценок по шкале от 0 (совсем не важно) до 7 (максимально важно).

Таблица 4. **Этническая идентификация белорусов с различным уровнем образования (в %)**

Идентификация Я — белорус	Образование				Итого
	Начальное, неполное среднее	Общее образование	Среднее специальное	Высшее	
Совсем не осознаю	0,9	2,4	0,4	1,0	1,1
В минимальной степени	0,5	1,9	2,7	–	1,5
В малой степени	2,7	4,7	3,4	3,9	3,7
Средне	10,5	11,4	14,2	18,6	13,0
В большой степени	23,6	20,9	23,4	30,4	23,7
В максимальной степени	61,8	58,8	55,9	**46,1**	57,1
Итого	100	100	100	100	100

Таблица 5. **Этническая идентификация белорусов разных возрастных групп (в %)**

Идентификация Я — белорус	Возрастные группы						Итого
	до 20 лет	20–29 лет	30–39 лет	40–49 лет	50–59 лет	60 лет и старше	
Совсем не осознаю	–	2,0	0,7	1,3	0,9	1,1	1,1
В минимальной степени	–	4,0	–	–	3,6	1,1	1,5
В малой степени	5,1	2,7	5,6	5,8	2,7	1,1	3,7
Средне	11,9	14,1	14,6	16,8	12,5	8,0	13,0
В большой степени	23,7	22,1	28,5	21,3	17,9	26,9	23,7
В максимальной степени	59,3	55,0	50,7	54,8	62,5	61,7	57,1
Итого	100	100	100	100	100	100	100

Таблица 6. **Значимость этнической принадлежности различных социальных категорий населения**

Социальное положение	*X**	*SD***
Предприниматель, фермер	3,70	*2,36*
Самозанятый (индивидуальная трудовая деятельность)	4,29	*1,94*
Руководитель низшего звена	4,50	*2,17*
Руководитель высшего звена	4,50	*2,59*
Работник торговли	4,50	*2,14*
Руководитель среднего звена	4,58	*1,77*
Безработный	4,65	*2,14*
Служащий, специалист производственной сферы	4,71	*1,93*
Рабочий (промышленности, транспорта и др.)	5,00	*1,87*
Студент, учащийся.	5,01	*1,68*
Служащий без специального образования	5,23	*1,71*
Домохозяйка	5,23	*1,75*
Работающий пенсионер	5,26	*1,94*
Служащий, специалист непроизводственной сферы	5,31	*1,69*
Рабочий сельского хозяйства, крестьянин	5,42	*1,75*
Неработающий пенсионер	5,62	*1,68*

*X — среднее арифметическое значение оценок по шкале от 0 (совсем не важно) до 7 (максимально важно).

**Sd — среднеквадратическое отклонение.

Таблица 7. **Значимость этнической принадлежности белорусов трех поколений* (в %)**

Значимость этнической принадлежности	Молодое поколение	Среднее поколение	Старшее поколение	Итого
0 — Совсем не важно	4,8	3,4	1,2	3,3
1	2,6	2,7	4,0	3,0
2	5,6	4,4	1,7	4,2
3	12,1	4,9	3,5	6,7
4	19,0	17,4	9,8	16,8
5	16,9	17,9	13,9	16,8
6	17,7	17,9	24,9	19,4
7 — Максимально важно	21,2	30,2	41,0	30,0
Итого	100	100	100	100

* Молодое поколение — респонденты до 30 лет; среднее поколение — респонденты от 30 до 59 лет, старшее поколение — 60 и более лет.

Таблица 8. **Социальные идентификации и оценки значимости этнической принадлежности белорусов разных возрастных групп**

Возраст	Я — советский человек		Я — патриот Беларуси		Я — белорус		Значимость этнической принадлежности	
	X*	*Sd*	X	*Sd*	X	*Sd.*	X	*Sd*
До 20 лет	1,500	*1,77*	3,123	*1,42*	4,373	*0,89*	5,136	*1,55*
20–29 лет	1,340	*1,72*	2,589	*1,75*	4,154	*1,21*	4,500	*2,01*
30–39 лет	1,927	*1,81*	2,902	*1,62*	4,222	*0,97*	4,820	*1,89*
40–49 лет	2,063	*1,80*	3,000	*1,69*	4,213	*1,06*	5,189	*1,79*
50–59 лет	2,472	*1,84*	3,523	*1,48*	4,304	*1,11*	5,180	*1,99*
60 лет и старше	3,215	*1,86*	3,867	*1,43*	4,434	*0,92*	5,619	*1,67*
Итого	2,179	*1,92*	3,179	*1,65*	4,277	*1,04*	5,081	*1,87*

*X — среднее арифметическое оценок силы социальных идентификаций и значимости этнической принадлежности; Sd — среднеквадратическое отклонение.

Таблица 9. **Социальные идентификации белорусов разных возрастных групп**

Возраст	Я — европеец		Я — славянин		Я — житель СНГ	
	X*	*Sd*	X	*Sd*	X	*Sd.*
До 20 лет	2,035	*1,79*	3,571	*1,19*	1,625	*1,67*
20–29 лет	1,885	*1,88*	3,642	*1,40*	1,625	*1,67*
30–39 лет	1,836	*1,83*	3,806	*1,38*	2,114	*1,87*
40–49 лет	1,667	*1,76*	3,605	*1,57*	1,851	*1,77*
50–59 лет	1,771	*1,83*	3,863	*1,43*	1,982	*1,87*
60 лет и старше	1,744	*1,84*	3,874	*1,50*	2,201	*1,81*
Итого	1,808	*1,82*	3,742	*1,45*	2,035	*1,82*

*X — среднее арифметическое значение оценок по шкале от 0 (совсем не осознаю) до 5 (осознаю в максимальной степени); Sd — среднеквадратическое отклонение.

Таблица 10. **Социальные идентификации жителей разных регионов республики**

Области и г. Минск	Я — европеец		Я — славянин		Я — житель СНГ	
	X*	*Sd.*	X	*Sd*	X	*Sd*
Брестская	1,903	*1,84*	3,942	*1,18*	1,943	*1,87*
Витебская	1,239	*1,71*	3,676	*1,58*	1,844	*1,86*
Гомельская	1,795	*1,78*	3,984	*1,23*	2,118	*1,77*
Гродненская	1,807	*1,76*	3,614	*1,46*	1,643	*1,82*
Минск	1,955	*1,82*	3,606	*1,42*	2,150	*1,73*
Минская	1,722	*1,92*	3,485	*1,73*	2,104	*1,88*
Могилевская	2,160	*1,79*	3,864	*1,38*	2,235	*1,80*
Итого	1,798	*1,82*	3,742	*1,45*	2,035	*1,82*

*X — среднее арифметическое значение оценок по шкале от 0 (совсем не осознаю) до 5 (осознаю в максимальной степени); Sd — среднеквадратическое отклонение.

Таблица 11. **Социальные идентификации и оценки значимости этнической принадлежности белорусов, жителей разных регионов республики**

Области и г. Минск	Я — советский человек		Я — патриот Беларуси		Я — белорус		Значимость этнической принадлежности	
	X*	*Sd.*	X	*Sd*	X	*Sd*	X	*Sd*
Брестская	2,075	*1,91*	3,431	*1,56*	4,282	*1,07*	5,184	*1,93*
Витебская	2,095	*1,82*	3,182	*1,61*	4,378	*1,00*	5,252	*1,71*
Гомельская	2,398	*2,00*	3,167	*1,60*	4,248	*1,02*	4,901	*1,95*
Гродненская	1,855	*1,90*	3,146	*1,73*	4,373	*1,00*	5,790	*1,44*
Минск	2,333	*1,88*	3,316	*1,57*	4,256	*1,08*	5,007	*1,92*
Минская	2,045	*1,93*	2,915	*1,87*	4,224	*1,06*	5,078	*1,88*
Могилевская	2,265	*1,94*	3,059	*1,58*	4,240	*1,03*	4,689	*1,92*
Итого	2,179	*1,92*	3,179	*1,65*	4,277	*1,04*	5,081	*1,87*

*X — среднее арифметическое оценок силы социальных идентификаций и значимости этнической принадлежности; Sd — среднеквадратическое отклонение.

3. Специфика гражданской идентификации среди различных категорий населения республики

Таблица 12. **Идентификация с гражданами Беларуси среди респондентов с различным уровнем образования (в %)**

Уровень образования	Степень осознания гражданской принадлежности						Итого
	Совсем не осознаю	В минимальной степени	В малой степени	В средней степени	В большой степени	В максимальной степени	
Начальное, неполное среднее	2,8	3,6	4,0	8,7	24,1	56,9	100
Общее	4,3	3,1	5,4	10,5	24,1	52,5	100
Среднее специальное	2,2	4,2	5,8	13,1	22,8	51,9	100
Высшее	2,9	5,1	5,8	19,7	28,5	38,0	100
Итого	3,0	3,9	5,2	12,2	24,3	51,4	100

Таблица 13. **Гражданская и территориальная идентификация среди респондентов с различным уровнем образования**

Уровень образования	Идентификации			
	«Я — гражданин Беларуси»		«Я — житель Беларуси»	
	*X**	*SD*	*X*	*SD*
Начальное, неполное среднее	4,19	*1,24*	4,38	*0,92*
Общее	4,05	*1,35*	4,29	*1,06*
Среднее специальное	4,06	*1,27*	4,23	*1,04*
Высшее	3,80	*1,34*	4,23	*1,08*
Итого	4,05	*1,29*	4,28	*1,02*

*X — среднее арифметическое значение оценок по шкале от 0 (совсем не осознаю) до 5 (осознаю в максимальной степени); Sd — среднеквадратическое отклонение.

Таблица 14. **Динамика оценок значимости гражданской принадлежности за 2002 и 2004 гг.**

Год опроса	Оценка значимости гражданства, %								X*
	0 – совсем не важно	1	2	3	4	5	6	7 – максимально важно	
2002	10,9	5,3	6,1	13,1	14,1	16,7	10,1	23,7	***4,23***
2004	4,9	4,0	6,6	11,4	16,5	16,4	14,1	26,4	***4,68***

*X — среднее арифметическое значение оценок по шкале от 0 (совсем не важно) до 7 (максимально важно); Sd — среднеквадратическое отклонение.

Таблица 15. **Значимость гражданской принадлежности среди респондентов с различным уровнем образования**

Уровень образования	Значимость гражданской принадлежности	
	*X**	*SD*
Начальное, неполное среднее	4,95	*1,97*
Общее	4,67	*2,03*
Среднее специальное	4,57	*2,06*
Высшее	4,40	*2,08*
Итого	4,68	*2,03*

*X — среднее арифметическое значение оценок по шкале от 0 (совсем не важно) до 7 (максимально важно); Sd — среднеквадратическое отклонение.

Таблица 16. **Значимость гражданской принадлежности среди жителей различных регионов республики**

Области и г. Минск	Значимость гражданской принадлежности	
	*X**	*SD*
Гродненская	5,06	*2,09*
Брестская	4,85	*20,9*
Минск	4,66	*1,99*
Витебская	4,64	*1,94*
Минская	4,60	*2,12*
Гомельская	4,57	*2,14*
Могилевская	4,38	*2,01*
Итого	4,68	*2,03*

*X — среднее арифметическое значение оценок по шкале от 0 (совсем не важно) до 7 (максимально важно); Sd — среднеквадратическое отклонение.

Таблица 17. **Отношение к своему гражданству среди жителей различных регионов республики (в %)**

Области и г. Минск	Отношение к своему гражданству				Итого
	Положительное	Нейтральное	Отрицательное	Затрудняюсь ответить	
Брестская	77,2	18,6	0,7	3,4	100
Витебская	75,4	21,0	–	3,6	100
Гомельская	76,3	21,1	0,7	2,0	100
Гродненская	78,4	18,1	1,7	1,7	100
Минск	76,9	19,5	1,2	2,4	100
Минская	70,5	19,9	2,1	7,5	100
Могилевская	71,7	24,2	0,8	3,3	100
Итого	75,3	20,3	1,0	3,4	100

4. Динамика основных составляющих социальной идентичности белорусов (за период 2000—2004 гг.)

Таблица 18. **Динамика основных составляющих социальной идентичности* белорусов (в %) за 2000—2004 гг.**

«КЕМ Вы себя осознаете прежде всего?»	Год опроса	Совсем не осознаю %	В малой степени %	Средне %	В большой степени %	X**	*Sd*
Я — житель Беларуси	*2000*	5,9	4,7	12,8	74,7	2,59	*0,84*
	2002	1,5	4,8	11,3	82,5	2,7	*0,4*
	2004	**0,5**	**4,7**	**12,1**	**82,7**	**2,77**	***0,55***
Я — гражданин Беларуси	*2000*	5,6	10,0	18,7	64,1	2,44	*0,89*
	2002	2,6	7,3	13,3	76,9	2,6	*0,5*
	2004	**1,5**	**9,3**	**11,6**	**77,6**	**2,65**	***0,71***
Я — славянин	*2000*	22,5	15,7	15,9	43,3	1,82	*1,22*
	2002	8,5	14,6	16,7	60,3	2,3	*1,0*
	2004	**5,4**	**11,6**	**17,1**	**65,9**	**2,43**	***0,9***
Я — советский человек	*2000*	40,0	19,0	13,8	23,9	1,22	*1,22*
	2002	54,0	16,6	9,6	19,8	1,0	*1,4*
	2004	**32,6**	**21,5**	**13,5**	**32,4**	**1,46**	***1,24***
Я — европеец	*2000*	47,3	18,6	12,4	17,7	1,01	*1,17*
	2002	50,6	23,3	10,9	15,3	0,9	*1,2*
	2004	**39,3**	**24,8**	**12,2**	**23,6**	**1,2**	***1,19***
Я — житель СНГ	*2000*	45,1	22,2	12,1	17,3	1,02	*1,14*
	2002	48,8	23,7	10,9	16,6	1,0	*1,3*
	2004	**30,5**	**29,1**	**13,1**	**27,4**	**1,37**	***1,18***
Я — белорус	*2000*	6,1	8,1	15,0	68,9	2,5	*0,89*
	2002	2,6	5,5	12,5	79,3	2,7	*0,5*
	2004	**1,1**	**5,4**	**13,6**	**79,9**	**2,72**	***0,61***
Я — патриот Беларуси	2000	27,1	20,9	24,1	27,8	1,53	*1,16*
	2004	10,8	19	19	51,2	2,11	*1,06*

*С целью отслеживания динамики основных социальных идентификаций размерность шкал, использованных в исследованиях 2002 и 2004 годов, была приведена в соответствие со шкалой, которая использована в опросе 2000 года. Ее размерность соответствовала оценкам от 0 до 3 баллов. В опросах 2002 и 2004 годов использована более дифференцированная шкала (от 0 до 5 баллов), соответствующая ответам: «совсем не осознаю», «в минимальной степени», «в малой степени», «средне», «в большой степени», «в максимальной степени». Поэтому в шкалах опросов за 2002 и 2004 года были объединены градации *«в минимальной степени»* и *«в малой степени»* и приравнены к оценке *«в малой степени»*, а градации *«в большой степени»* и *«в максимальной степени»* — к оценке *«в большой степени»*; **X — среднее арифметическое значение оценок по шкале от 0 (совсем не осознаю) до 3 (осознаю в большой степени); Sd — среднеквадратическое отклонение.

Таблица 19. **Динамика отношения белорусов к своей этнической принадлежности за 2000—2004 гг. (в %)**

«КЕМ Вы себя осознаете прежде всего?»	Год опроса	Совсем не осознаю %	В малой степени %	Средне %	В большой степени %	X*	*Sd*
Я — типичный представитель своей национальности	*2000*	22,7	14,2	20,6	39,6	1,8	*1,20*
	2002	12,0	17,5	19,8	50,7	2,1	*1,2*
	2004	5,7	17,1	21,7	55,4	2,27	*0,94*
Я — человек, который гордится своей национальной принадлежностью	*2000*	22,5	18,1	20,8	36,1	1,72	*1,18*
	2002	9,7	18,8	18,6	53,0	2,1	*1,1*
	2004	4,8	17,1	18,1	60,1	2,33	*0,92*
Я — человек, который стыдится своей национальности	*2000*	81,7	6,5	4,5	3,8	0,28	*0,73*
	2002	85,3	10,9	1,7	2,2	0,2	*0,3*
	2004	72,9	17,4	5,7	4,1	0,41	*0,77*
Я — человек, безразличный к своей национальной принадлежности	*2000*	66,3	11,7	10,4	8,0	0,59	*0,98*
	2002	71,3	19,0	5,1	4,6	0,4	*0,6*
	2004	67,5	18,1	7,5	6,8	0,54	*0,9*
Я — человек, которому бывает сложно определить, кто он по национальности	*2000*	75,0	9,8	4,9	6,1	0,4	*0,85*
	2002	84,9	8,5	3,1	3,5	0,3	*0,5*
	2004	78,2	13	4,3	4,4	0,35	*0,76*

*X — среднее арифметическое значение оценок по шкале от 0 (совсем не осознаю) до 3 (осознаю в большой степени); Sd — среднеквадратическое отклонение.

Глава 3

ЭТНИЧНОСТЬ И ГРАЖДАНСТВО В ВОСПРИЯТИИ БЕЛОРУСОВ ТРЕХ ПОКОЛЕНИЙ[1]

Проблема консолидации белорусского общества и становления его как единого социокультурного и политического субъекта тесно связана с развитием этнического и гражданского самосознания, таких их базовых феноменов как этническая и гражданская идентичность. По данным наших исследований, в последние годы наблюдается постепенный рост осознания белорусами своей этнической и гражданской принадлежности, повышение их значимости. Однако констатация роста этих показателей не раскрывает сути происходящих изменений. Поэтому представляется целесообразным обращение к одному из важнейших механизмов трансформации общественного сознания — смене поколений. Как отмечал немецкий социолог К. Мангейм: «*Она* (смена поколений) — *бесценное руководство для понимания структуры социальных и интеллектуальных движений. Ее практическая значимость становится ясна, стоит только попытаться получить более точное представление об ускоренном темпе характерных для современности социальных изменений*[2]».

Обращение к проблеме смены поколений является особенно актуальным в силу того, что молодежь, социализация которой происходила уже в условиях независимости Беларуси, сегодня вступает в период социальной зрелости. В то же время постепенно снижается влияние

---

[1] Статья опубликована в журнале «Социология», 2006 г., № 2. С. 53—59.

[2] *Мангейм К.* Очерки социологии знания: Проблема поколений — состязательность — экономические амбиции. — М.: ИНИОН, 2000. — С. 20.

старшего поколения на жизнь общества. Поэтому сравнение гражданского и этнического самосознания представителей различных поколений позволяет анализировать тенденции, характерные для процесса становления гражданской общности жителей Беларуси, и оценивать его перспективы.

Данная глава посвящена сравнению специфики этнического и гражданского самосознания трех поколений белорусов[3]. В ней рассмотрены особенности этнической и гражданской идентификаций, содержание представлений белорусов о своей этнической и гражданской принадлежности, а также их чувства, адресованные этничности и Беларуси. Эмпирической базой являются результаты нашего исследования, которое реализовано в форме социологического опроса в 2004 году на республиканской репрезентативной выборке общим объемом 1000 человек, включая 815 белорусов[4].

Остановимся на наиболее важных и интересных результатах исследования. В первую очередь это степень актуализации этнической и гражданской идентификаций[5]. Они занимают ведущее место в иерархии таких исследуемых социальных идентификаций, как славянская, европейская, советская и др., уступая по распространенности только общечеловеческой (Я — человек) и территориальной (Я — житель Беларуси). В то же время этническая и гражданская идентификации находятся в тесной взаимосвязи как друг с другом, так и с территориальной. Об этом го-

---

[3] Три выделенных поколения репрезентируют три жизненные фазы, соответствующие различной степени включенности в социальную жизнь: «молодое поколение» — до 30 лет (период социализации и подготовки к активной жизни), «среднее поколение» — 31—60 лет (период наибольшей активности и социальной включенности), «старшее поколение» — после 60 лет (период постепенного удаления от дел и снижения активности).

[4] Дальнейший анализ результатов базируется на ответах 815 беларусов.

[5] Подробное описание методики и анализ динамики этих показателей см. Науменко Л. И. Этничность и гражданство в самосознании жителей современной Беларуси // *Социологические исследования социальных и социально-культурных процессов в современной Беларуси.* Сб. науч. тр. ИС и СТ НАН Беларуси. Вып. 4. — Мн.: Современное слово, 2003 г. — С. 194—203.

ворят достаточно высокие значения корреляций[6] между этнической и территориальной (0,701), этнической и гражданской (0,699), гражданской и территориальной (0,653) идентификациями. Степень их распространенности позволяет предположить, что чем в большей мере респонденты чувствуют себя белорусами и жителями Беларуси, тем сильнее они отождествляют себя и с гражданами республики.

При этом сравнение ответов представителей трех поколений позволило выявить специфику, присущую каждому их них. Старшее поколение выделяется в целом более высокой степенью осознания, как территориальной, так этнической и гражданской принадлежности (рис. 3.1). Однако, если разница между распространенностью этнической и территориальной идентификаций у старшего и среднего поколений минимальна, то у молодого она наиболее выразительна.

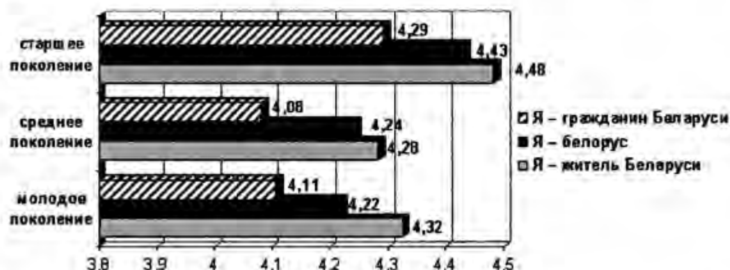

Рис. 3.1. Сила этнической, гражданской и территориальной идентификаций среди белорусов трех поколений

В свою очередь, на примере ответов молодежи хорошо прослеживается изменение взаимосоотношения этих трех наиболее актуальных идентификаций. С одной стороны, за счет увеличения расхождения между этнической и территориальной, а с другой, — уменьшения разрыва между гражданской и этнической идентификациями. Это может выступать свидетельством различий среди представителей разных поколений в том, что понимается каждым из

[6] В качестве меры связи использован коэффициент ранговой корреляции Кендалла (tau-b).

них под гражданством и этничностью. Молодые люди чаще воспринимают как более близкие категории этничности и гражданства, а представители старшего поколения — этничности и территории проживания.

Тесная взаимосвязь между этнической, гражданской и территориальной идентификациями проявляется в системе значений этнической принадлежности. Анализ содержания ответов на открытый вопрос: *«Что для Вас значит быть белорусом?»*[7] позволил выделить такие ведущие категории в восприятии респондентами своей белорусскости, как: этничность *(чувство этнической принадлежности, память о корнях, идентификации с белорусами, качества национального характера),* частота упоминания значений, составивших данную категорию — 26,6%[8]; Беларусь *(Родина, страна, родная земля и общая территория)* — 21,9%; культура *(знание национальной культуры, языка, традиций, исторического прошлого)* — 18,4%; гражданство *(гражданская идентификация, знание прав и выполнение гражданских обязанностей) — 9%,* установки и стремления к деятельности на благо Беларуси, причастность к жизни страны — 8,5%.

Показательно, что среди выделенных категорий второй по представительности после этничности, оказалась категория, объединившая ответы о Беларуси. Немаловажным является и то, что четвертой (по распространенности) стала категория гражданства, в которую вошли высказывания о гражданской идентификации. Это показывает, что представления о своей стране, общей территории проживания и гражданстве, дополняя категорию этничности, определяют восприятие и понимание респондентами собственной белорусскости. Это является одним из свидетельств взаимосвязи базовых категорий этничности, страны и Родины (как родной земли, места рождения и проживания) и гражданства.

---

[7] Более подробный анализ результатов см. Науменко Л. И. Белорусская идентичность: культурная и этническая составляющие // Этнопсихологические и социокультурные процессы в современном обществе. Материалы второй международной конференции, г. Балашов, 2005 г. — С. 352—355; Науменко Л. И. О содержании белорусской идентичности // Социологические исследования социальных и социально-культурных процессов в современной Беларуси. Сб. науч. тр. ИС. Вып 6, — Минск 2005 г.

[8] Процент подсчитывался от числа опрошенных беларусов (815 человек).

Представители старшего поколения чаще говорят об отношении к своей белорусскости (уважении, гордости своим народом и своей национальностью). Молодежи же чаще присущи ответы, констатирующие значение памяти о корнях, своем белорусском происхождении, родителях белорусах, чувстве принадлежности к белорусам. Среди их ответов оказалось меньше значений, объединяющих собственно национальные чувства (гордости, любви, преданности). Ответы молодых белорусов являются менее эмоциональными, но зато чаще фиксируют данность факта своей этнической принадлежности. Это же относится к восприятию не только этничности, но и гражданства, страны, Беларуси, национальной культуры и традиций.

Так, если для представителей старшего поколения быть белорусом значит, прежде всего, считать себя патриотом, любить и гордиться Беларусью, то для молодежи быть белорусом значит скорее осознавать себя гражданином, иметь белорусское гражданство, знать и использовать гражданские права, выполнять обязанности, быть причастным к жизни страны. Если для старшего поколения в число таких значений включены **уважение** к национальной культуре и установки на ее сохранение, то для молодежи — это скорее **знание** своей культуры, традиций, истории.

Различия между поколениями проявляются и в содержании представлений о понятии «гражданин», которые отражают осознание человеком своего места в обществе, а также установки и отношение к своей стране и гражданству. Анализ представлений о понятии «гражданин» среди различных поколений позволяет говорить о постепенной трансформации в понимании взаимоотношений человека и общества[9].

---

[9] Респондентам предлагалось ответить на закрытый вопрос: *«Какое из предложенных высказываний наиболее точно соответствует Вашим представлениям о понятии «Гражданин страны»?»*, выбрав один из следующих вариантов ответов: *«человек, который проживает на территории страны», «человек, который любит свою страну», «человек, который имеет гражданство», «человек, который использует свои права и выполняет обязанности», «человек, который активно участвует в социальной и политической жизни».*

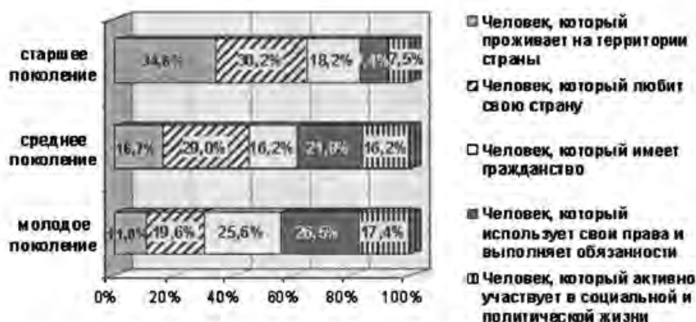

Рис. 3.2. Распространенность представлений о понятии «гражданин» среди белорусов трех поколений

На рис. 3.2 отчетливо видны различия в распространенности разных вариантов представлений о понятии «гражданин» среди трех групп респондентов. Неслучайный характер обнаруженных различий подтверждается тем, что уменьшение или увеличение распространенности идет постепенно от поколения к поколению. Если понимание гражданства как территориальной принадлежности в большей мере встречается в ответах старшего поколения (34,6%), то распространенность такой интерпретации среди людей среднего возраста уже значительно меньше (16,7%), а для молодого поколения такие представления являются «аутсайдерами» — 11,0%. То же самое происходит с распространенностью понимания гражданства, как чувства любви к своей стране (соответственно 30,2%, 29,0%, 19,6%). В то же время чем моложе респонденты, тем чаще актуализированы среди них интерпретации гражданства, связанные с политико-правовым статусом и возможностями его реализации. Например, с мнением о том, что гражданин — это человек, который использует свои права и выполняет обязанности, согласны 26,5% молодежи, 21,9% — представителей среднего и только 9,4% — старшего поколения.

Учитывая, что смена поколений является одним из механизмов преобразования общественного сознания, полученные результаты раскрывают направленность тен-

денции изменений в содержании представлений белорусов о понятии «гражданин». Представления, опирающиеся на чувства привязанности к стране и территории, свойственные старшему поколению, постепенно сменяются на представления, в которых более широко раскрывается политико-правовое содержание гражданства. При этом последние характеризуются слабой ценностной насыщенностью этого содержания, что оставляет их по сути формальными (декларативными), а значит, лишает мотивирующего потенциала. Это дополняет описанную выше особенность представлений белорусов о значении своей этнической принадлежности. И в том и в другом случае наблюдается большая распространенность эмоционально-ценностных значений среди старшего поколения и преобладание рационально-прагматических — среди молодежи.

Специфика отмеченных различий раскрывается в оценках значимости этничности и гражданства и в отношении к ним. Так, при общем преобладании среди всех опрошенных позитивного отношения и к белорусскому гражданству, и к своей этнической принадлежности, молодые люди значительно чаще проявляют индифферентность, которая практически отсутствует у представителей старшего поколения (рис. 3.3, рис. 3.4)[10].

Рис. 3.3. Отношение к своему гражданству среди белорусов трех поколений

[10] Доля других вариантов ответов, в том числе указывающих на негативное отношение, чрезвычайно мала и находится в пределах ошибки выборки.

Рис. 3.4. Отношение к своей этничности среди белорусов трех поколений

Та же тенденция отмечается при оценивании значимости этнической и гражданской принадлежности. При ответе на вопрос «*Оцените, в какой степени для Вас важна Ваша гражданская принадлежность*?», 20,0% молодежи ответили *«в максимальной степени»* и 3,1% — *«совсем не важно»*. Для представителей среднего и старшего поколений эти показатели составляют соответственно: среди среднего поколения — 25,6% и 5,4% и среди старшего — 34,3% и 2,4%. Оценивая важность своей этнической принадлежности, 21,2% молодежи, 30,2% представителей среднего и уже 41% старшего поколения ответили *«в максимальной степени важно»*. И соответственно 4,8% молодежи, 3,4% представителей среднего поколения и 1,2% старшего ответили *«совсем не важно»*.

Очевидно, что значимость этнической и гражданской принадлежности возрастает от молодого к старшему поколению, при этом представители последнего демонстрируют безусловно большую однозначность позитивной позиции. Кроме того, значимость этничности и гражданства оцениваются молодежью практически одинаково. Тогда как для представителей старшего и среднего поколений значимость этнической принадлежности по сравнению с гражданской существенно выше.

Таким образом, среди трех поколений выявлены различия не только в содержании представлений об этничности и гражданстве, в установках по отношению к ним, но и в их субъективной значимости. Для старшего поколения эти показатели остаются устойчиво более высокими, в сравнении с молодежью.

Еще один аспект в различиях между тремя поколениями раскрывается при анализе чувств (их содержания, силы и направленности), адресованных белорусами своей стране и этничности.

В отношении этничности наиболее существенными оказались различия между оценками старшего поколения и молодежи. Людям старшего возраста присуще преобладание позитивных чувств (преданности, любви, гордости, достоинства, единства) над негативными (стыдом, страхом, обидой, чувством неполноценности) и безразличием. Для молодых людей амплитуда в соотношении позитивных и негативных чувств значительно меньше (рис. 3.5). Отличия между поколениями в восприятии своей этничности связаны, прежде всего, с силой каждого из чувств позитивной модальности[11].

Как явствует из данных, чувство преданности у старшего поколения распространено вдвое чаще (30,6%), чем у молодежи (14,3%). Чувство единства встречается втрое чаще у старшего поколения (29,2%) в сравнении с молодым (9,2%). В той же степени значимо выше оказались оценки гордости и любви.

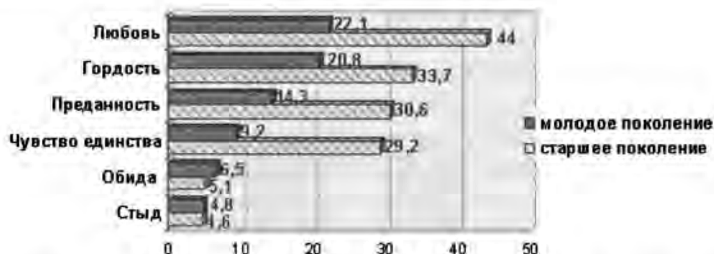

Рис. 3.5. Чувства, адресованные представителями молодого и старшего поколения своей этнической принадлежности (в %)[12]

[11] Сравнение ответов старшего поколения и молодежи позволило установить статистически значимые различия по критерию Манна-Уитни в оценках таких чувств, как гордость, любовь, достоинство, единство, преданность.

[12] На рисунке представлены распространенность оценок по крайнему полюсу 5-бальной шкалы выраженности чувства. Они соответствуют значению «очень сильно».

Таким образом, старшее поколение белорусов в большей мере демонстрирует безусловно позитивное отношение к своей этничности. А молодежь отличает большая сдержанность в распространенности позитивных этнических чувств.

Наряду с этническими чувствами, поколенческую специфику также имеет восприятие Беларуси и чувства, адресованные ей[13]. Анализ их содержания выявил, что для представителей старшего поколения среди чувств, адресованных Беларуси, превалируют «*гордость*» (51,4%) и «*любовь*» (43,4%). Негативные чувства представлены в основном «*обидой*» (22,3%). В свою очередь, молодое поколение демонстрирует фактически равную распространенность «*гордости*» (29,3%) и «*обиды*» (27,2%).

Особенно выразительно чувства, адресованные Беларуси, характеризуют среднее поколение. Жители республики наиболее социально активного возраста чаще других испытывают «*обиду*» (34,0%). Это чувство по распространенности сопоставимо и даже превосходит «*гордость*» (32,0%) и «*любовь*» (31,5%). Таким образом, данная возрастная группа оказалась наиболее чувствительной к последствиям радикальных преобразований последних десятилетий. Изменение системы ценностей и оснований для социальной идентификации с согражданами оказалось для них наиболее разрушительной.

Исходя из ответов на вопрос о чувствах, адресованных Беларуси, были выделены группы респондентов, указавших однозначно позитивные, однозначно негативные, противоречивые чувства и безразличие. Как следует из рис. 3.6, на котором представлено соотношение чувств разной модальности, доли негативных и позитивных чувств среди представителей молодого и среднего поколений сопоставимы между собой. При этом для старшего поколения преобладание позитивных чувств имеет подавляющий характер.

[13] Респондентам предлагалось, отвечая на закрытый вопрос *«Что вы чувствуете, когда речь идет о современной Беларуси?»*, выбрать несколько вариантов среди следующих ответов «любовь», «гордость», «обида», «стыд», «безразличие».

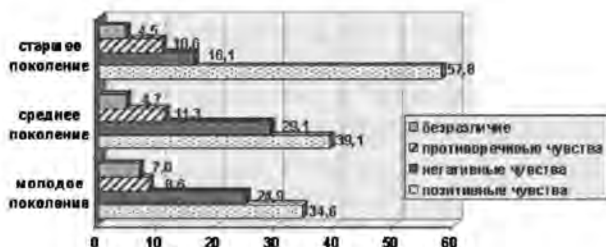

Рис. 3.6. Модальность чувств, адресованных Беларуси представителями разных поколений (в %)[14]

Важно отметить, что молодое поколение выделяется большей индифферентностью (безразличие 7,0%). В свою очередь, люди среднего возраста отличаются высокой полярностью чувств (широко распространены как позитивные (39,1%), так и негативные (29,1%)), и их наибольшей внутренней противоречивостью (противоречивые чувства 11,3%).

Таким образом, старшее поколение сохранило и перенесло в новые условия эмоционально-ценностные основания гражданского самосознания, среди которых гордость и любовь к стране, привязанность к территории проживания. А среднее поколение, которое является сегодня потенциально наиболее социально активным в обществе, характеризуется продолжением кризиса этих оснований. Молодое же поколение в понимании и отношении к своему гражданству, вероятно, опирается в большей мере на другие — рационально-прагматические — установки и представления.

Обобщение результатов исследования позволяет сделать выводы о существенном различии в восприятии гражданства и этничности между представителями трех поколений белорусов. Это проявляется, во-первых, в актуализации этнической и гражданской идентификаций. Во-вторых, в установках и чувствах по отношению к этничности и Беларуси. И, в третьих, в содержании пред-

[14] На рисунке не представлена доля респондентов затруднявшихся ответить на данный вопрос. Среди молодежи таких оказалось 25,4%, среди среднего поколения — 15,1% и среди старшего — 11,5%.

ставлений белорусов о своих этничности и гражданстве. Старшее поколение в большей мере демонстрирует целостное и безусловно позитивное отношение к своей стране, этничности и гражданству. А восприятие молодежи отличает большая дифференцированность представлений и явная сдержанность этнических и гражданских чувств.

Отсюда налицо основательность и глубина этих различий, поскольку они затрагивают различные стороны понимания этничности и гражданства, а значит, выступают важным фактором, обуславливающим тенденции становления гражданского и изменения этнического самосознания в будущем. В связи с этим представляется особенно актуальным дальнейший анализ поколенческой специфики восприятия гражданства и этничности, целью которого является исследование причин обнаруженных различий и выявление влияния каждой из них на изменение этнического и гражданского самосознания жителей Беларуси. Наиболее важными среди возможных причин, на наш взгляд, являются следующие.

Во-первых, возрастная специфика отношений и установок к гражданству и этничности, которая сама по себе не является источником трансформации гражданского и этнического самосознания, а присутствует и неизбежно воспроизводится в любых социокультурных условиях. Во-вторых, целенаправленные воздействия на этническое и гражданское самосознание населения Беларуси со стороны различных (государственных и негосударственных) институтов. Здесь следует учитывать направленность и эффективность воздействия на общественное сознание разных слоев населения республики. И, в-третьих, усиление проницаемости социокультурных барьеров в связи с развитием современных средств коммуникации и всеобщими процессами глобализации. Эта проницаемость создает широкий спектр ценностей, норм, образцов и моделей поведения, которые по-разному усваиваются и реализуются представителями разных поколений.

Эти «потенциальные» причины различий в поколенческой специфике гражданского и этнического самосознания, не претендуя на полноту объяснения, очерчивают круг дальнейших исследований этой проблемы.

Приложение к главе 3

«Этничность и гражданство в восприятии белорусов трех поколений»

Таблица 1. **Сила этнической, гражданской и территориальной идентификаций среди белорусов трех поколений***

Поколения	Идентификация					
	Я — житель Беларуси (территориальная)		Я — белорус (этническая)		Я — гражданин Беларуси (гражданская)	
	X	*SD*	*X*	*SD*	*X*	*SD*
Молодое	4,32	*0,96*	4,22	*1,05*	4,11	*1,60*
Среднее	4,28	*0,98*	4,24	*1,09*	4,08	*1,24*
Старшее	4,48	*0,95*	4,43	*0,92*	4,29	*1,99*
Итого	4,33	*0,96*	4,28	*1,04*	4,14	*1,20*

*X — среднее значение оценок по шкале от 0 (совсем не осознаю) до 5 (осознаю в максимальной степени); Sd — среднеквадратическое отклонение.

Таблица 2. **Распространенность представлений о понятии «гражданин» среди белорусов трех поколений (в %)**

Что означает понятие «гражданин»	Молодое поколение	Среднее поколение	Старшее поколение	Итого
Человек, который проживает на территории страны	11,0	16,7	34,6	18,8
Человек, который имеет гражданство	25,6	16,2	18,2	19,3
Человек, который использует свои права и выполняет обязанности	26,5	21,9	9,4	20,6
Человек, который любит свою страну	19,6	29,0	30,2	26,6
Человек, который активно участвует в социальной и политической жизни	17,4	16,2	7,5	14,7
Итого	100	100	100	100

Таблица 3. **Отношение к своей гражданской принадлежности среди белорусов трех поколений (в %)**

Как Вы относитесь к своему гражданству?	Молодое поколение	Среднее поколение	Старшее поколение	Итого
Положительно	67,7	78,9	86,6	77,3
Нейтрально	27,2	17,4	11,0	18,9
Отрицательно	1,3	1,0	0,6	1,0
Затрудняюсь ответить	3,8	2,7	1,8	2,9
Итого	100	100	100	100

Таблица 4. **Отношение к своей этничности среди белорусов трех поколений (в %)**

Как Вы относитесь к своей национальности?	Молодое поколение	Среднее поколение	Старшее поколение	Итого
Положительно	74,9	83,9	89,7	82,5
Нейтрально	23,4	14,6	6,9	15,5
Отрицательно	0,4	–	0,6	0,2
Затрудняюсь ответить	1,3	1,5	2,9	1,7
Итого	100	100	100	100

Таблица 5. **Чувства, адресованные белорусами трех поколений своей этнической принадлежности (в %)***

Чувства	Молодое поколение	Среднее поколение	Старшее поколение	Итого
Любовь	22,1	33,4	44,0	32,5
Гордость	20,8	30,3	33,7	28,3
Преданность	14,3	25,1	30,6	23,2
Чувство единства	9,2	16,4	29,2	17,1
Достоинство	14,5	20,4	27,3	20,2
Обида	6,5	14,0	5,1	9,9
Стыд	4,8	9,1	4,6	6,9

*В данной таблице представлен процент респондентов, отметивших самые крайние значения оценок по шкале *«чувство выражено очень сильно»*.

Таблица читается по столбцам. Так как высказывания одного респондента могут относиться к различным категориям, то сумма процентов по столбцу не равна 100.

Таблица 6. **Модальность чувств, адресованных Беларуси представителями трех поколений (в %)**

Чувства	Молодое поколение	Среднее поколение	Старшее поколение	Итого
Позитивные	34,6	39,1	57,8	43,1
Негативные	24,9	29,1	16,1	24,8
Противоречивые	8,6	11,3	10,6	9,5
Безразличие	7,0	4,7	4,5	5,0
Затрудняюсь ответить	24,9	15,9	11,0	17,7
Итого	100	100	100	100

Глава 4

ЗНАЧЕНИЕ И ЗНАЧИМОСТЬ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ БЕЛОРУСОВ

Результаты наших предыдущих исследований (2000 г., 2002 г., 2003 г.) свидетельствуют о медленном росте этнического самосознания белорусов, о постепенном укреплении этнической и гражданской идентификаций, усилении их взаимосвязи. Об этом говорят: динамика показателей значимости этнической принадлежности, силы этнической идентификации, доминирование позитивных над негативными чувствами, обусловленными этнической принадлежностью, рост числа респондентов, испытывающих гордость в связи с собственной этничностью, этнические автостереотипы и др. Например, доля белорусов, которые максимально высоко оценивают важность собственной этничности, в 2000 г. составляла 19,9%, в 2002 г. — 21,8%, в 2004 г. — 30%, а значимость своего гражданства — 24,8% в 2002, 26,8% — в 2004 г.

С другой стороны, анализ выявленных данных указывает и на отдельные факты размытости этнического самосознания, распространенность явлений этнокультурной двойственности или маргинальности, утрате или трансформациях этнической идентичности[1] и др.

Что же стоит за этими данными? Сквозь призму каких субъективных значений воспринимается нашими соотечественниками собственная этничность? Каково их отношение к ней и к своему народу? Что составляет со-

---

[1] Науменко Л. И. Изменения этнической идентичности личности и проблема этнокультурной маргинальности // Современная психология: состояние и перспективы исследований. Часть 3. Социальные представления и мышление личности. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002. — С. 236—256.

держание их идентичности? Каково ее эмоционально-ценностное и содержательно-смысловое наполнение? Поиску ответов на эти и другие вопросы было посвящено наше исследование. Эмпирической базой для анализа послужили материалы опроса 2004 года[2].

Исследовательские задачи были ориентированы на изучении эмоционально-ценностного и когнитивного (содержательного) компонентов этнической идентичности белорусов, исследованных посредством представлений о значении этнической принадлежности, оценок ее значимости, критериев этнической идентификации, представлений об осознаваемой и предпочитаемой этнической принадлежности, этнических чувств и др.

Содержание данных представлений о значении этнической принадлежности сравнивалось с оценками значимости этнической принадлежности и выраженности этнических чувств, ведущими критериями этнической идентификации, ответами о предпочитаемой этнической принадлежности, установками респондентов по отношению к своей этничности.

Что же показали полученные данные? Число респондентов, положительно ответивших на открытый вопрос: *«Что для Вас значит быть представителем своей национальности (белорусом)?»*, составило 71,80%. В противоположность этому, доля лиц, давших ответы: *«для меня моя национальность не имеет никакого значения», «ничего не значит»*, составила 8,1%, затруднялись ответить на этот вопрос 13,25%, не ответили на него — 7,85%.

Обращение к ответам (о значении этнической принадлежности) позволяет охарактеризовать как отношение белорусов к своей этничности, так и содержательную сторону ее восприятия. Какова же она?

---

[2] Исследование сектора социальной и этнической психологии Института социологии НАН Беларуси, проведенного в 2003—2004 гг. Объем республиканской репрезентативной выборки составил 1000 человек (включая 815 белорусов). Дальнейший анализ проводится по ответам 815 белорусов. Данные, полученные среди представителей других национальностей, используются в качестве дополнительных.

Полученные ответы отражают широкий спектр разнообразных значений. В их совокупности выражены различные идентификации (этническая, гражданская, с жителями республики и др.), чувства (гордости, единства с белорусами и др.), установки и позиции, представления о качествах национального характера белорусов и многое другое. Они охватывают различные аспекты вариантов ответов на вопрос: *«Что для Вас значит быть белорусом?»*.

Среди них следующие:

1) как быть белорусом (*мне нравится быть белорусом и др.*);

2) какие чувства при этом испытывать (*родственные чувства к белорусам; любить все белорусское; и др.*);

3) каким быть (*миролюбивым, добрым и др.*);

4) кем быть (*быть продолжателем традиций народа и др.*);

5) где родиться и жить (*жить в своей стране; родиться на белорусской земле и др.*);

6) что знать, чем владеть, что иметь (*знать язык; иметь гражданство своей страны; и др.*);

7) что сохранять и беречь (*беречь духовные традиции своего народа и др.*);

8) что стремиться делать (*участвовать в жизни страны; быть полезным своей стране; и др.*).

Полученные ответы не только характеризуют актуальное состояние этнического самосознания, но также включают представления респондентов о должном, идеальном или реальном (фактическом) значении этнической принадлежности. Об этом свидетельствуют ответы, в которых оказались тесно взаимосвязанными суждения о том, что значит быть представителем своей национальности в идеале и, что значит быть представителем своей национальности прежде всего лично для респондента. В некоторых ответах представлены и мнения, свидетельствующие и о том, что значит быть представителем своей национальности в Беларуси. Результаты, характеризующие представления о значении этнической принадлежности, обретают самостоятельное значение в диагностике типов этнической идентичности (ее сформированности,

зрелости, диффузности, целостности, либо двойственности, множественности и др.).

Помимо этого, содержание ответов также позволяет определить особенности субъективно-личностного отношения респондентов к собственной этничности (от формально-равнодушного, индифферентного, негативного до позитивного, глубоко личностно-значимого). В отдельных случаях, отражая проявление чувства этнической приверженности, личностной вовлеченности в этнический контекст, восприятие этничности как ценности, сопричастности ей. И таким образом, позволяя диагностировать соответствие и отличия между этнической принадлежностью (порой формальной, официально «приписанной») и зрелой идентичностью.

Содержание ответов указывает как на проявление чувств этнической приверженности, сопричастности своей этничности, так и отстраненности от нее. Данные также продемонстрировали роль этничности в жизни и самоощущении респондентов, ее влияние на их самовосприятие и самооценку. Это проявилось в таких высказываниях, как: *«это поддерживает в жизни, придает сил», «это утверждает мое личное я», «мне нравится быть белорусской, я горжусь этим» и др.*

Наряду с этим ответы также свидетельствуют и о различном отношении опрошенных к собственной этнической принадлежности, о проявлении индифферентного или негативного отношения респондентов к своей этничности. Последнее выразилось как в уходах от ответа на данный вопрос, так и в высказываниях: *«ничего не значит», «...абсолютно ничего», «нет разницы, какой я национальности», «это не важно»*. Подобные ответы, отражающие отсутствие значения этнической принадлежности, как раз характеризуют «формальную» этническую принадлежность, не являющуюся (или не ставшую) идентичностью.

Прежде чем перейти к более детальному рассмотрению содержания выявленных представлений о значении этнической принадлежности ниже стоит специально остановиться и на, казалось бы, обратной (но не менее ин-

формативной, на наш взгляд) стороне полученных результатов. А именно, обратить внимание на ответы группы респондентов, фактически «ушедших от ответа» на этот вопрос или негативно ответивших на него. Всего (от общего числа опрошенных) таких оказалось 29,20% (негативно ответивших, затруднявшихся ответить и не ответивших на этот вопрос). Отметим, что среди представителей других национальностей процент таких ответов оказался еще выше (38% среди русских, 40% среди белорусских поляков). Причем негативных ответов («ничего не значит» и др.) среди русских оказалось 22%, среди поляков — 14%. Эти цифры являются достаточно высокими. Только ли об индифферентном или негативном отношении к своей этничности они говорят?

Чтобы выявить это, сравнивались установки опрошенных по отношению к собственной этничности между двумя группами респондентов. А именно, между группой, положительно ответивших на вопрос о значении своей этнической принадлежности, и группой, продемонстрировавших в своих ответах отсутствие значения собственной этнической принадлежности (давших ответы: *«для меня быть белорусом ничего не значит», «абсолютно ничего» и др.*).

Сравнение ответов показало следующее. Если среди респондентов первой группы (позитивно ответивших на вопрос) положительно относятся к своей этнической принадлежности 84,25% белорусов, нейтрально — 13,48%, и негативно — только 0,13%. То, в свою очередь, во второй группе (среди негативно ответивших на этот вопрос) уже только 54,55% воспринимают свою этничность позитивно, 1,52% — негативно и 36,36% — нейтрально. Между ответами в этих двух группах выявлены статистически значимые различия по критерию χ^2 и по критерию Фишера (среди респондентов позитивно и нейтрально относящихся к своей этничности). Таким образом, результаты сравнения показывают, что белорусы, для которых этническая принадлежность ничего не значит, в сравнении с другими также реже воспринимают ее позитивно и более часто относятся к своей этничности негативно или нейтрально.

Таблица 4.1. **Распределение ответов о предпочитаемой этнической принадлежности (в %)**

Варианты ответов о предпочитаемой этнической принадлежности	Группа, негативно ответивших на вопрос о значении этнической принадлежности	Группа, положительно ответивших на вопрос о значении этнической принадлежности
Представителем своей национальности	**37,88**	**69,69**
Представителем другой национальности	**15,16**	**9,95**
Человеком без национальности	**15.15**	**0,53**
Советским человеком	6,06	5,61
Затрудняюсь ответить	**25,76**	**7,55**
Нет ответа	—	0,67
Итого	100	100

Похожая картина выявлена и при сопоставлении ответов этих двух групп белорусов на вопрос о предпочитаемой этнической принадлежности (см. таблицу 4.1).

Так, среди белорусов, негативно оценивающих значение своей этничности, доля респондентов, демонстрирующих приверженность своей национальности и не склонных менять ее (составив всего 37,88%), оказалась существенно ниже, чем среди давших позитивные ответы на вопрос о значении этнической принадлежности (69,69%).

Как показало сравнение, среди белорусов, для которых их этничность ничего не значит, число предпочитающих другую (не свою) национальность (15,16%), также оказалось значимо выше, чем среди белорусов, указавших значение своей этнической принадлежности (9,95%).

Число респондентов, выразивших желание быть человеком без национальности, в первой группе также существенно выше, чем во второй. Между этими двумя группами выявлены статистически значимые различия по критерию χ^2 и по критерию Фишера среди предпочитающих быть белорусами (иметь собственную этническую принадлежность), а также среди тех, кто хотел бы быть человеком без национальности, среди затруднившихся ответить на вопрос и среди предпочитающих иную (не свою) этническую принадлежность.

Таким образом, эти данные свидетельствуют о том, что отсутствие значения этнической принадлежности может рассматриваться как один из информативных индикаторов не только неактуализированной этничности, но и диагностировать факты приписанной «формальной» этнической принадлежности, имеющей скорее лишь аскриптивный характер (так и не ставшей идентичностью). Или указывать на негативную идентичность, вплоть до установок на смену или отказ от нее.

Что же показали сами ответы на вопрос о значении этнической принадлежности?

В итоге анализа содержания и частоты называния респондентами ответов-значений[3] был выделен ряд основных категорий, каждая из которых объединила повторяющиеся и близкие по смыслу значения (см. табл. 4.2). В своей совокупности категории отражают на общегрупповом уровне как наиболее часто встречающиеся, типичные субъективные значения этнической принадлежности, так и их разнообразие. Представляя ведущие смысловые векторы восприятия респондентами своей белорусскости, выделенные категории характеризуют содержательное наполнение идентичности белорусов, ее ведущие доминанты.

В число выделенных категорий вошли такие, как:

— **Этничность.** Категория, объединившая ответы респондентов об этнической идентификации, собственной этничности и отношении к ней, (в том числе, о чувстве этнической принадлежности, памяти о своем происхождении, корнях), а также о качествах национального характера, чувстве единения, общности с белорусами, гордости своим народом, уважении и любви к нему. Например, *«в какой-то мере я горжусь, что я белорус»; «горжусь, что мы — белорусы»; «мои корни белорусские»; «родился белорусом и помирать буду им»; «белорусами были деды и пра-*

---

[3] При подсчете частоты встречаемости ответов-значений использована специальная программа оцифровки текстового материала, разработанная сотрудником института социологии НАН Беларуси Е. М. Бородачевой, существенно облегчающая очень трудоемкую процедуру обработки и анализа текстов ответов.

Таблица 4.2. **Распределение представлений белорусов о значении своей этнической принадлежности (в %)**[4]

№	Основные категории	Частота упоминания значений
1	**Этничность** и отношение к ней. Этнические идентификации. Ответы о чувстве единения, общности с белорусами, гордости своим народом, качествах национального характера	26,64
2	**Беларусь.** Рождение, проживание в Беларуси. Чувства, адресованные стране и Родине. Идентификации с жителями республики	21,85
3	**Культура, родной язык, традиции.** Знание языка, культуры, традиций, истории, отношение к ним, осознание необходимости сохранения и трансляции своих традиций и культуры	18,41
4	**Гражданство.** Гражданская идентификация, обладание гражданством. Установки на знание прав и выполнение гражданских обязанностей	8,97
5	**Установки и устремления к деятельности на благо Беларуси.** Причастность к жизни страны	8,47
6	**Другие идентификации** (общечеловеческая, с советскими людьми, с интернационалистами и др.)	2,07
7	**Религия** (конфессиональная принадлежность, установки по отношению к вере и др.)	0,37
8	Другие ответы	5,89
9	Отсутствие значения этнической принадлежности	8,1
10	Затруднение ответить	13,25
11	Отсутствие ответа	7,85

деды, родители»; «как белорус, горжусь своими предками, народом»; «гордость за белорусов»; «ощущать родственные чувства ко всем белорусам»; «мне нравится быть белорусом»; «белорусы добрые»; «миролюбивым»; «люблю все белорусское» и другие.

— **Беларусь.** Категория, включившая суждения о констатации рождения в Беларуси и жизни на ее территории, патриотических чувств, гордости своей страной и Родиной, любви, приверженности и верности Беларуси, идентификации с жителями республики. Например, *«жить в своей стране Беларуси»; «привязанность к родной земле»;*

[4] Процент подсчитывался от числа опрошенных респондентов белорусов (815 человек)

«родиться на белорусской земле и считать себя белорусом»; «иметь Родину»; «уважать свою Родину»; «гордиться за свою страну, жить в ней, ценить все, что в ней есть»; «гордиться за свою Республику Беларусь» и др.

— **Культура, язык, традиции.** Категория, объединившая представления о знании, трансляции национальной культуры, о знании белорусских традиций, уважении к ним, необходимости их беречь и сохранять, о владении родным языком, отношении к нему и необходимости его использования, о знании исторического прошлого своего народа. Например, *«беречь духовные традиции своего народа»; «быть продолжателем традиций народа», «любить свой язык и культуру»; «передать своим детям культуру белорусского народа»; «уважать свое наследие, всего белорусского народа»; «знать национальный язык — необязательно им пользоваться» и др.*

— **Деятельность на благо Беларуси, причастность к жизни республики.** Категория, объединившая установки и устремления к деятельности на благо своей страны, полезности ей, личной причастности к жизни Беларуси. Например, *«быть полезным своей стране»; «быть ответственным за свою Родину»; «покупать товары белорусского производства»; «участвовать в жизни страны»; «защищать свои национальные интересы»; «отстаивать интересы РБ»; «заботиться о Беларуси»; «делать так, чтобы о Беларуси узнал весь мир» и др.*

— **Гражданство.** Категория, включившая представления об обладании гражданством, гражданскими правами, установки на выполнение гражданских обязанностей, знание и соблюдение законов, гражданскую идентификацию. Например, *«иметь права и обязанности»; «иметь гражданские права»; «находиться под защитой моей страны»; «иметь гражданство своей страны» и др.*

— **Религия.** Категория, объединившая представления о конфессиональной принадлежности, вере и др.

— **Другие идентификации.** Категория, включившая идентификации с человечеством, землянами, интернационалистами, советским народом и др. Например, *«быть славянином» и др.;*

— Другие ответы. Например, *«знать свое место в мире».*

— Отсутствие значения этнической принадлежности. Например, *«ничего не значит»; «мне все равно, быть белорусом или русским» и др.*

Как свидетельствуют результаты (см. табл. 4.2), из выделенных категорий наиболее представительными оказались категории этничности и страны, показывающие, что, прежде всего, значения этнической принадлежности и происхождения, а также своей страны Беларуси составляют основу идентичности белорусов... Менее представительными являлись категории культуры, гражданства, еще менее — категория религии.

Согласно ответам, две первые категории (этничности и Беларуси) в сравнении с другими можно характеризовать и как наиболее эмоционально-насыщенные. Так, анализ частоты встречаемости в категориях значений, объединивших ответы о чувствах (гордости, любви, уважении, преданности и др.) и аттитюдах, адресованных беларусами своему народу, этничности и Беларуси, позволил установить, что среди всех выделенных категорий более эмоционально-окрашенные ответы составили категорию этничности. В общей совокупности всех вошедших в нее значений (26,64%), она, объединила, в том числе 15,96% ответов, фиксирующих явную приверженность респондентов своей этничности и народу. В свою очередь, чувства гордости Беларусью, преданности ей, нашли отражение в 12,15% ответов второй категории (объединившей 21,85% ответов).

В сравнении с двумя первыми категориями не только менее представительной, но и существенно менее эмоционально насыщенной оказалась категория культуры, объединившая только 3,56% соответствующих ответов (об отношениях к родному языку, традициям, культуре) в общей совокупности составивших ее всех значений (18,41%). Это, а также высокая представительность в ней суждений в форме долженствования, скорее свидетельствует о социально желательном отношении белорусов к родному языку, культуре, что, возможно, указывает скорее на более декларативное (чем реально существующее) значение категории культуры в идентичности наших соотечественников.

При этом представляется показательным и то, что, например, вошедшие в данную категорию упоминания о родном языке (отношении к нему, о его знании и использовании) оказались вообще достаточно редкими (4,91%) среди других ответов о национальной культуре, традициях. Характерным является и то, что в ответах о родном языке (при очень низкой их частоте встречаемости), упоминания о необходимости владения им (2,70%) встречаются в четыре раза чаще, чем ответы о потребности использования белорусского языка (0,74%). Заметим, что, отвечая на другой открытый вопрос о том, что вызывает чувство национальной гордости белорусов, упоминания о родном языке (0,49%) среди других ответов встречались еще реже.

Как свидетельствуют данные, в ряду других категорий менее представительной оказалась и категория гражданства. И буквально единичные ответы-значения объединила категория религии. И если в первом случае можно говорить о пока недостаточной сформированности гражданской идентичности белорусов, еще находящейся в процессе своего становления, то представляется не случайным и совсем низкое значение места религии в идентичности белорусов. Следует отметить, что в этнических автостереотипах белорусов частота ответов о конфессиональной принадлежности также составила только 0,98% среди опрошенных респондентов. В противоположность этому среди поляков ответы об их религиозности и конфессиональной принадлежности составили 27% в автостереотипе поляков и 8% среди ответов поляков на открытый вопрос о значении их этнической принадлежности. Что, по сути, демонстрирует слитность в идентичности белорусских поляков устойчивых представлений о конфессиональной и этнической принадлежности («католик, значит поляк»), часто в обыденном сознании подменяющих одна другую.

Показательно, что эти результаты, достаточно красноречиво отражают отнюдь далеко не ведущее место культурной (как, впрочем, и конфессиональной) составляющей (учитывая их чрезвычайно высокое этносберегающее и этноконсолидирующее значение) в идентичности

белорусов. Они демонстрируют, что ее доминантой является сохранившееся чувство этнической принадлежности белорусов, память об общности происхождения и чувство приверженности родной земле и своей стране.

Следует отметить хорошую согласованность этих данных с ответами респондентов о ведущих критериях их этнической идентификации, о том, что роднит их со своим народом, выявленных с использованием другого инструментария. Ведущими критериями этнической идентификации для белорусов являются территория проживания, чувство привязанности к родной земле, общее государство и общность этнического происхождения, корни. Среди наименее важных критериев оказались религия и родной язык[5] (см. рис. 4.1).

Рис. 4.1. Основные критерии этнической идентификации белорусов

[5] Вместе с тем показательно, что произношение, акцент и родной язык, утратив свое значение среди основных критериев этнической идентификации, тем не менее до сих пор остаются среди русских и белорусов ведущими этноопределяющими признаками, тем, что позволяет людям узнавать среди жителей республики представителей своей национальности. Так, отвечая на вопрос: *«Благодаря каким признакам Вы узнаете в незнакомом и мало знакомом человеке представителя своей национальности?»*, 71,5% белорусов, 63% русских и 54% поляков назвали *произношение, акцент, манеру говорить*. *Язык* указали 51% русских, 42,5% белорусов и 40% поляков.

Сравнение ответов о значении этнической принадлежности продемонстрировало, как устойчивость каждой из выделенных категорий для разных возрастных групп[6], так и возрастную специфику в содержании ответов (среди молодежи и представителей старшего поколения), составивших отдельные категории.

В результате анализа содержания ответов выявлено, что представители старшего поколения чаще говорят о своем отношении к белорусскости. Молодым же в большей степени свойственны суждения, которые только констатируют факты белорусского происхождения, важности памяти о корнях, о родителях-белорусах. Их высказывания только спорадически сопровождаются этническими и гражданскими чувствами.

Меньшая эмоциональность в ответах молодых белорусов отмечается не только в отношении к своей этничности, но и к культуре, традициям, гражданству, стране. Так, если для представителей старшего поколения быть белорусом — значит любить Беларусь и гордиться ею, то для молодежи быть белорусом — значит знать и использовать гражданские права, выполнять обязанности, быть вовлеченным в жизнь своей страны, больше чувствовать себя гражданином, иметь белорусское гражданство. Все это говорит о принципиальных отличиях в понимании молодым поколением своей белорусскости, о более значительной роли в ней гражданства, однако и о более индифферентном (а иногда и безразличном) отношении как к своей стране, так и к этнической принадлежности.

Еще более существенные и очевидные различия выявлены при сравнении социальных идентификаций, этнических и гражданских чувств и установок (attitude), присущих молодежи и представителям старшего поколения. Так, сравнение ответов двух поколений по комплексу методик (зрительно-аналоговая шкала оценки значимости этнической принадлежности; вопрос анкеты об

---

[6] Для сравнительного анализа были выделены три группы респондентов: в возрасте до 30 лет («молодое поколение»), в возрасте от 31 до 60 лет («среднее поколение») и в возрасте старше 60 лет («старшее поколение»).

отношении к собственной этничности; методика определения направленности и силы этнических чувств) выявило существенные различия между ними.

Как выяснилось, молодежь значительно реже идентифицирует себя с типичными белорусами (см. табл. 4.3). Максимально высокие оценки силы идентификации «*Я — типичный представитель своей национальности*» среди них менее распространены (16%), чем у представителей старшего поколения (40,2%).

Таблица 4.3. **Особенности идентификации представителей трех поколений с типичными представителями своей национальности**

Я — типичный представитель своей национальности	Молодое поколение	Среднее поколение	Старшее поколение	Итого
Совсем не осознаю	6,2	6,6	3,6	5,9
В минимальной степени	12,0	5,1	4,1	6,9
В малой степени	11,1	11,5	5,3	10,1
Средне	23,1	24,0	10,7	20,9
В большой степени	31,6	27,3	36,1	30,4
В максимальной степени	16,0	25,5	40,2	26,0
Итого	100	100	100	100

Последнее является показателем явной дистанцированности в восприятии двумя поколениями своей белорусскости, а также ее содержательного и эмоционально-ценностного наполнения. Это еще более выразительно проявилось в силе и содержании этнических чувств, оценок значимости собственной этнической принадлежности, в отношении к ней.

Таблица 4.4. **Отношение к своей этничности среди представителей разных поколений (в %)**

Как Вы относитесь к своей национальности?	Молодое поколение	Среднее поколение	Старшее поколение	Итого
Положительно	74,9	83,9	89,7	82,5
Нейтрально	**23,4**	**14,6**	**6,9**	15,5
Отрицательно	0,4	–	0,6	0,2
Затрудняюсь ответить	1,3	1,5	2,9	1,7
Итого	100	100	100	100

Представители старшего поколения (89,7%) не только более положительно, чем молодежь (74,9%), воспринимают свою белорусскость (см. табл. 4.4), но и более высоко оценивают важность собственной этнической (см. табл. 4.5) принадлежности (соответственно 41% и 21,2%), демонстрируют в большей степени преданность ей (30,6% и 14,3%), больше гордятся ею (33,7% и 20,8%), сильнее осознают единство с представителями своей национальности (29,2% и 9,2%), чувствуют любовь к ней (44% и 22,1%) (см. табл. 4.6).

Таблица 4.5. **Распределение оценок значимости этнической принадлежности среди белорусов трех поколений (в %)**

Оценки значимости этнической принадлежности	Молодое поколение	Среднее поколение	Старшее поколение	Итого
1 — Совсем не важно	4,8	3,4	1,2	3,3
1	2,6	2,7	4,0	3,0
2	5,6	4,4	1,7	4,2
3	12,1	4,9	3,5	6,7
4	19,0	17,4	9,8	16,8
5	16,9	17,9	13,9	16,8
6	17,7	17,9	24,9	19,4
7 — очень важно	**21,2**	**30,2**	**41,0**	30,0
Итого	100	100	100	100

Таблица 4.6. **Чувства, адресованные белорусами трех поколений своей этнической принадлежности (в %)***

Чувства	Молодое поколение	Среднее поколение	Старшее поколение	Итого
Любовь	22,1	33,4	44,0	32,5
Гордость	20,8	30,3	33,7	28,3
Преданность	14,3	25,1	30,6	23,2
Чувство единства	9,2	16,4	29,2	17,1
Достоинство	14,5	20,4	27,3	20,2
Обида	6,5	14,0	5,1	9,9
Стыд	4,8	9,1	4,6	6,9

*В данной сводной таблице представлен процент респондентов, отметивших самые высокие значения оценок по шкале *«чувство выражено очень сильно»*.

Таблица читается по столбцам.

Так, сравнение установок по отношению к своей этничности показало, что ее индифферентное восприятие среди молодежи встречается в три раза чаще, чем среди белорусов старшего возраста. Существенно ниже оказались среди молодежи и оценки ее субъективной значимости.

Диапазон впечатляющих различий названных оценок[7] представляется достаточно информативным. Эти результаты могут рассматриваться как свидетельство, во-первых, неодинакового состояния этнической идентичности представителей разных поколений и, во-вторых (что еще более существенно), ее различного содержательного наполнения.

Анализ высказываний, полученных с помощью метода незаконченных предложений[8], также подтвердил то, что идентичность нашей молодежи обретает новое содержание, которое основывается (что очень существенно) на исторических знаниях, представлениях о своей этнокультурной отличительности. Согласно ответам, молодежь чаще считает, что белорусы могут и должны гордиться своей историей (9,9% ответов молодежи и 0,6% ответов представителей старшего поколения) и своей этнокультурной самобытностью (соответственно 9,6% и 4,2%).

В сравнении с этим, чувство гордости у старшего поколения более часто, чем у молодежи, вызывает независимость и суверенитет Беларуси (13,3% и 7,7%), качества национального характера белорусов (28,2% и 21,8%), спокойная, мирная жизнь в своей стране без войн и конфликтов (17,4% и 12,4%).

Таким образом, исследование выявило особенности содержания идентичности белорусов, а также позволило вскрыть ее специфику, обусловленную возрастом. Результаты свидетельствуют о том, что идентичность предста-

---

[7] С помощью критерия Манна-Уитни подтверждены статистически значимые различия между ответами представителей молодого и старшего поколений при оценивании силы таких этнических чувств, как достоинство, любовь, гордость, преданность и единство (уровень значимости $p \leq 0{,}001$).

[8] Респондентам было предложено в произвольной форме дописать предложение: *«Белорусы могут гордиться (тем, что) ...»*

вителей молодого и старшего поколений имеют серьезные отличия в своем содержании и эмоциональной насыщенности. Опираясь в обоих случаях на новую гражданскую идентификацию, усиливаемая ею идентичность представителей старшего возраста в большей степени основывается на положительных этнических и патриотических чувствах, остается связанной с былой советской идентификацией, тем самым демонстрируя свою содержательную противоречивость. Идентичность молодежи отличает большая направленность на связь этничности и гражданства, рост значения ее культурной составляющей, однако пока при достаточно слабой ее эмоциональной насыщенности.

Полученные результаты, достаточно красноречиво отражают отнюдь далеко не ведущее место культурной составляющей (учитывая их чрезвычайно высокое этносберегающее и этноконсолидирующее значение) в идентичности белорусов. Они демонстрируют, что ее доминантой является сохранившееся чувство этнической принадлежности белорусов, память об общности происхождения и чувство приверженности своей стране.

Представляется, что эти результаты, сквозь призму мнений жителей республики достаточно убедительно косвенно характеризуют сегодняшнюю социокультурную ситуацию в Беларуси, не только диагностируя факты несоответствия между приписываемой «формальной» этнической принадлежностью и этнической идентичностью, но и иллюстрируя содержание идентичности белорусов.

Глава 5

СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ЖИТЕЛЕЙ БЕЛАРУСИ О ПОНЯТИИ «ГРАЖДАНИН»

Важное место среди социокультурных изменений белорусского общества занимают преобразования роли и места в нем гражданина. Анализ современного состояния политического и гражданского сознания выявляет ряд противоречий. Данные социологических исследований показывают высокий уровень электорального участия, что является одним из основных показателей гражданской активности (около 80% населения участвует в выборах)[9]. Но при этом всего 14,1% среди голосующих называют в качестве мотива участия «стремление оказывать влияние на ход событий в стране». В большинстве же случаев электоральная активность имеет более «формальные» мотивы: «считаю это обязанностью гражданина» — 66,4%, «по привычке» — 11,4%. Отмечается также крайне низкий уровень оценки респондентами возможности своего влияния на жизнь в стране.

Другой аспект существующих противоречий связан с характером осознания жителями республики своего гражданства. С одной стороны, значительная доля населения устойчиво идентифицирует себя с гражданами Республики Беларусь и демонстрирует высокую значимость своего гражданства. С другой стороны, наблюдается игнорирование политико-правового статуса гражданина как ресурса для решения социальных проблем. Так, 33,5% респондентов отмечают, что в решении своих жиз-

[9] Данные исследования, проведенного в июле 2003 г. отделом социальной стратификации, социологии культуры и личности Института социологии НАН Беларуси по республиканской репрезентативной выборке, объем выборки 2308 чел.

ненных проблем они «иногда» могут рассчитывать на «обращение к закону», и только 11,2% — на «участие в политической жизни»[1].

Отмечаемые противоречия могут быть обусловлены комплексом факторов социального, политического, культурного и психологического характера, таких как несформированность гражданского общества, трансформация системы ценностных ориентаций, сосредоточенность на решении локальных и повседневных проблем и др. Мы полагаем, что среди факторов, которые оказывают мотивирующее воздействие на субъективную оценку возможности и эффективности участия в общественной жизни, а также на практику реализации своих прав и обязанностей важное место занимает система представлений жителей страны о сущности понятия «гражданин».

Характер взаимоотношений человека и государства имеет широкий спектр интерпретаций от «либеральной», где способность быть гражданином — это способность актуализировать свои права и отстаивать их перед государственным аппаратом, до «республиканской», где гражданство — это принадлежность индивида к самоопределяющемуся сообществу и интегрированность в него, как части в целое. Преобладание в общественном сознании того или иного вида интерпретаций исторически, социально и культурно обусловлено. Оно закреплено в способах восприятия и интерпретации, которые реализуются в повседневных социальных взаимодействиях. Представления о сущности понятия «гражданин» выступают своего рода основаниями, которые задают рамки для освоения определенных практик гражданского поведения, для осознания человеком своего места в обществе, для формирования установок и отношения к своей стране и гражданству. Существенным обстоятельством, актуализирующим этот фактор в современных условиях, служит «доступность» для освоения и усвоения разнообразных вариантов содержательного и ценностного наполнения

[1] Данные социологического мониторинга, проведенного в декабре 2004 г. Институтом социологии НАН Беларуси по республиканской репрезентативной выборке, объем выборки 1984 чел.

понятия «гражданин» и соответствующих им мотивов, норм и моделей поведения. В то же время необходимо отметить недостаток в специальных исследованиях, посвященных анализу субъективных интерпретаций понятия «гражданин», то есть представлений жителей республики о том, что *для них* означает быть гражданином страны.

В данном разделе будут представлены результаты анализа смыслового наполнения представлений жителей Беларуси о понятии «гражданин» в контексте их восприятия страны и себя, как ее гражданина, в условиях современной Беларуси[2].

Такой подход к исследованию содержания представлений о гражданстве обусловлен тем, что особый интерес представляют не абстрактные и «теоретические» интерпретации этого понятия среди жителей Беларуси, а представления, включенные в систему мнений, смыслов и оценок и страны, и своего места в ней.

Для проведения такого анализа были введены понятия «пространства» и «позиции». Пространство понимается нами, в первую очередь, как пространство *значений и смыслов* (семантическое пространство[3]). Вторым важным моментом является то, что это пространство *отношений* между теми или иными позициями. *Позиции*, в данном случае, — это «субъекты» определенного пространства[4]. Причем место, которое они занимают в этом пространстве, и отношения между ними определяются в зависимости от того, носителями каких именно значений и смыслов они (субъекты) являются. В качестве позиций, в нашем случае, выступают те или иные интерпритации понятия «гражданин». Отношение между этими позициями (соседство, близость, удаленность) определяется через их

---

[2] Эмпирической базой анализа выступили данные исследования «Этничность и гражданство в сознании населения современной Беларуси» (2004 г.), проведенного сектором социальной и этнической психологии Института социологии НАН Беларуси, по республиканской репрезентативной выборке. Объем выборки 1000 чел.

[3] См.: *Петренко В. Ф.* Психосемантика сознания. — М.: Из-во МГУ, 1988. — 207 с.; Петренко В. Ф., Митина О. В. Психосемантическое исследование политического менталитета // Общественные науки и современность. — 1994. — № 6. — С. 23—34.

[4] *Бурдье П.* Социальное пространство и генезис классов // Социология политики. Пер. с фр. — М.: Socio-Logos., 1994 — 231 с.

расположение в семантических пространствах восприятия страны и гражданства. Важно отметить также, что различия между позициями носят реляционный характер, то есть они имеют смысл не вообще, а только относительно определенного семантического пространства. Поэтому, исходя из цели нашего исследования, мы выделяем два пространства значений, в которых будем анализировать расположение позиций: 1) пространство восприятия жителями Беларуси себя как гражданина; 2) пространство восприятия жителями Беларуси своей страны.

В соответствии с обозначенным подходом, наши задачи состояли в том, чтобы:

1) выделить позиции, на основании различных интерпретаций понятия «гражданин», представленных в общественном сознании;

2) на основании представлений респондентов о своей стране и гражданстве и отношения к ним, «построить» соответствующие семантические пространства;

3) определить расположение выделенных позиций в семантических пространствах, оценить их отношение (близость, удаленность);

4) раскрыть взаимосвязь представлений о понятии «гражданин» со спецификой восприятия страны и себя как ее гражданина.

В качестве эмпирических индикаторов, с помощью которых раскрывается специфика *восприятия и осознания гражданской принадлежности*, был использован комплекс следующих показателей: степень идентификации с гражданами Беларуси, степень значимости гражданской принадлежности, отношение к своему гражданству («положительное», «нейтральное», «отрицательное») и предпочитаемое гражданство («гражданство Беларуси», «гражданство другой страны», «двойное гражданство»)[5].

Для анализа особенностей *восприятия своей страны* были использованы: методика семантического диффе-

---

[5] Комплекс показателей и соответствующий инструментарий, предназначенный для выявления степени гражданской идентификации, значимости гражданской принадлежности, а также предпочитаемого гражданства, разработаны Л. И. Науменко.

ренциала[6], где респондентам предлагалось оценить Беларусь по ряду характеристик социально-экономического, политического и духовного развития, а также методика выявления чувств, адресованных Беларуси.

Построение семантических пространств осуществлялось с помощью метода факторного анализа[7]. Это позволило на основании комплекса показателей выявить скрытые (латентные) факторы, которые детерминируют значения отдельных показателей. Таким образом, содержание полученных факторов рассматривалось в качестве смысловых координатных осей соответствующих семантических пространств. Анализируемые позиции задавались как точки внутри этого пространства координат, при этом величина проекции позиций на координатные (семантические) оси показывает степень, в которой для нее (позиции) характерен смысл данного фактора.

Таким образом, полученные факторы представляют собой ключевые категории, сквозь призму которых респонденты воспринимают, оценивают и интерпретируют свою страну и свое гражданство. Они образуют пространство значений, которыми оперируют респонденты. Расположение позиций в пространствах, образованных факторами, дает возможность не только описать данные позиции, но и выразить их взаимное соотношение и графически наглядно представить его, то есть оценить степень близости позиций друг к другу.

Для выявления позиций были использованы ответы респондентов на вопрос: *«Какое из предложенных высказываний наиболее точно соответствует Вашим представлениям о понятии «Гражданин страны»?»*. В предложенных вариантах ответов был задан ряд оснований для опреде-

---

[6] Для изучения образа Беларуси был использован модифицированный семантический дифференциал: Сикевич З. В. «Образ» прошлого в символическом сознании россиян // СоцИс, 1999, № 1. С. 87—93.

[7] Часть используемых показателей основывалась на номинальных шкалах (отношение к гражданству, предпочитаемое гражданство и отношение к стране). Для использования их в процедуре факторного анализа они были дихотомизированы, то есть каждый из вариантов ответа рассматривался как отдельная переменная, по отношению к которой респондент обозначал свое согласие или несогласие.

ления сущности гражданства[8]: территориальная принадлежность — «Гражданин — это человек, который проживает на территории страны»; наличие формального статуса гражданина — «Гражданин — это человек, который имеет гражданство»; реализация статуса гражданина — «Гражданин — это человек, который использует свои права и выполняет обязанности»; чувства по отношению к стране — «Гражданин — это человек, который любит свою страну»; социально-политическая активность — «Гражданин — это человек, который активно участвует в социальной и политической жизни».

Предлагаемые варианты ответов не являются взаимоисключающими, и требование альтернативности вопроса в данном случае ставило задачу выявления приоритетности выбора. На основании сделанного выбора респонденты были отнесены к той или иной группе, принадлежность к которой выступает, в первую очередь, как маркер различий между представлениями о понятии «гражданин». Имеется ввиду, что респонденты, сделавшие выбор в пользу одной из альтернатив, вероятно, имеют сходные представления, то есть они содержательно ближе между собой, по сравнению с представлениями респондентов, выбравших иной ответ. В соответствии с ответами были выделены группы респондентов — носителей тех или иных представлений, которые в дальнейшем анализе рассматривались как *позиции* в семантических пространствах.

Ответы распределились следующим образом (см. рис. 5.1): наиболее часто респонденты выбирали вариант «любить свою страну» (25,9%), затем — «использовать свои права и выполнять обязанности» (20,3%) и «иметь гражданство» (19,4%). Вариант «проживать на территории страны» выбрали 17,2% респондентов. Наименее популярным оказался ответ «активно участвовать в социальной и политической жизни» (14,4%). Полученные результаты

---

[8] Предлагаемый набор вариантов ответов был получен в результате анализа ответов на открытый вопрос «Закончите, пожалуйста, предложение «Гражданин страны — это .... », который был использован в пилотажном исследовании, проведенном автором в 1999 г. на выборке старшеклассников г. Минска (83 чел.)

Рис. 5.1. Распространенность среди респондентов представлений о понятии «гражданин»

показали представленность в общественном сознании всего спектра интерпретаций гражданства. Кроме того, нельзя не отметить, что все варианты представлений о понятии «гражданин» распространены довольно широко. Это дает возможность их сравнения и анализа взаимного расположения.

Для того чтобы определить координаты выделенных позиций в семантических пространствах, для каждого респондента рассчитывались значения по каждому из факторов, тем самым он (респондент) переводился из пространства исходных переменных в пространство факторов. На основе вычисленных значений рассчитывалось среднее значение для выделенных позиций, которые (средние значения) и были использованы в качестве координат данных позиций в семантических пространствах.

Для краткости и удобства дальнейшего анализа обозначим выделенные позиции в соответствии с тем, что выступает в них атрибутивной характеристикой понятия «гражданин»:

— «территория» — «Гражданин — это человек, который проживает на территории страны»;

— «статус» — «Гражданин — это человек, который имеет гражданство»;

— «права и обязанности» — «Гражданин — это человек, который использует свои права и выполняет обязанности»;

— «любовь» — «Гражданин — это человек, который любит свою страну»;

— «активность» — «Гражданин — это человек, который активно участвует в социальной и политической жизни».

Обратимся вначале к анализу семантического пространства «восприятия и осознания гражданской принадлежности». Оно строилось на основании комплекса показателей, предназначенных для выявления степени гражданской идентификации, значимости гражданской принадлежности, отношения к гражданству, а также предпочитаемого гражданства. В результате факторного анализа методом главных компонент с использованием вращения осей методом varimax было выделено 4 фактора, объясняющих соответственно 34, 14, 13 и 11% общей дисперсии. В связи со сложностью представления четырехмерного пространства, образованного этими факторами, мы обратимся к двумерным пространствам. Взаимное расположение выделенных факторов позволяет построить 6 двумерных пространств. Здесь будут представлены два из них, по нашему мнению, наиболее информативных и интересных, которые образованы попарно первым — вторым и третьим — четвертым факторами.

Первый фактор (34%), имеющий наибольшую объясняющую способность, отражает степень и характер осознания белорусского гражданства, отношение к нему.

Положительный полюс характеризуется позитивным отношением к белорусскому гражданству, устойчивой гражданской идентификацией и высокой значимостью гражданской принадлежности. В него вошли три переменные с соответствующими факторными нагрузками[9]:

---

[9] Факторные нагрузки представляют собой коэффициенты корреляции между данной переменной (суждением, шкалой) и фактором. Нагрузки отражают, в какой степени в данном суждении выражен смысл всего фактора. Знак факторной нагрузки имеет математический, а не оценочный смысл и показывает, к какому полюсу фактора относится та или иная переменная.

В дальнейшем из анализа и интерпретации полученных факторов были исключены переменные с малыми факторными нагрузками (менее 0,4), кроме нескольких случаев, которые будут оговорены отдельно.

— *Положительное отношение к гражданству (0,872);*

— *Высокая значимость гражданства (0,563);*

— *Сильная гражданская идентификация(0,508).*

Противоположному полюсу соответствует нейтральное отношение к белорусскому гражданству и готовность его сменить. Этот полюс представлен двумя переменными:

— *Нейтральное отношение к гражданству (−0,900);*

— *Предпочтение гражданства другой страны (−0,453).*

Содержание первого фактора можно интерпретировать в качестве восприятия гражданства как ценности, которое обусловливает либо комплексное проявление таких показателей, как гражданская идентификация, значимость гражданской принадлежности и позитивное отношение к гражданству, либо индифферентность по отношению к нему. Высокое значение вклада первого фактора в общую дисперсию свидетельствует о субъективной значимости данного основания для восприятия своей гражданской принадлежности респондентами. Это проявляется в высокой дифференцирующей способности данного фактора — рассматриваемые позиции расположены по всей длине координатной оси (см. рис. 4.2.).

Второй фактор (14%) отражает степень актуальности вопроса о смене белорусского гражданства. Необходимо отметить, что речь идет именно об актуальности этого вопроса, то есть о том, задумывается ли человек о смене гражданства или нет. Положительный полюс этого фактора представлен одной переменной:

— *Предпочтение гражданства Беларуси (0,609).*

На отрицательном полюсе находится суждение, которое свидетельствует об отсутствии самой постановки вопроса об изменении гражданства:

— *О выборе гражданства не задумывался (−0,957).*

Таким образом, пространство, образованное первым и вторым факторами, определяется нами как пространство **«актуализированности гражданства и восприятия его как ценности»**.

В пространстве этих двух факторов наиболее далеки друг от друга позиции «статус» и «любовь», они состав-

ляют оппозицию друг другу (см. рис. 5.2). Их расположение свидетельствует о том, что первая характеризуется максимально формальным отношением к своему гражданству, что проявляется в индифферентности к гражданской принадлежности (низкой степени осознания и значимости белорусского гражданства), а также в слабой заинтересованности вопросом выбора гражданства. Можно говорить о том, что для этой позиции вопросы гражданства не являются ни актуальными, ни важными.

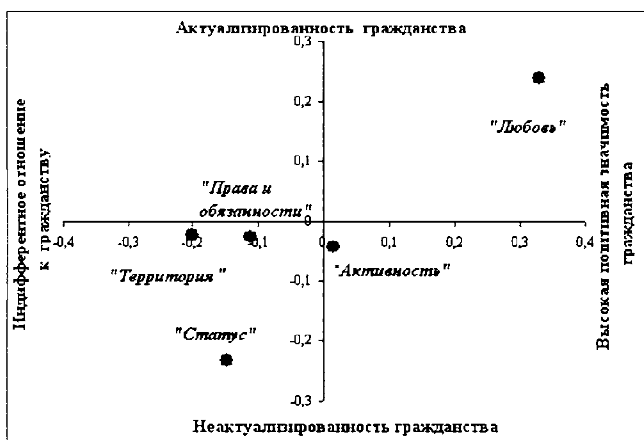

Рис. 5.2. Семантическое пространство актуализированности гражданства и восприятия его как ценности

Позиция «любовь», напротив, характеризуется высокой актуальностью и позитивной значимостью белорусского гражданства, существенно отличаясь от всех остальных позиций. Высокие значения по обоим факторам позволяют говорить о том, что для респондентов, выбравших данную позицию, содержание этих факторов отражает важные категории, сквозь призму которых они воспринимают и оценивают свое гражданство. То есть вопросы гражданской принадлежности имеют для них высокую степень значимости.

В свою очередь, позиции «территория» и «права и обязанности» расположены в непосредственной близости

друг от друга, образуя своеобразный кластер. При этом следует отметить, что они характеризуются отсутствием значимости белорусского гражданства и заинтересованностью вопросом смены гражданства, большей по сравнению с позицией «статус».

Позиция «активность» расположена фактически на пересечении координатных осей, что свидетельствует о том, что пространство значений, задаваемое этими двумя факторами, не проявляет ее своеобразия.

Таким образом, расположение позиций в данном семантическом пространстве раскрывает противоположность с точки зрения восприятия своего гражданства как ценности и актуальности проблем гражданства в целом между респондентами, выбравшими позиции «любовь» и «статус». В то же время обнаруживается близость позиций «территория» и «права и обязанности».

Факторы 3 и 4 образуют семантическое пространство «выбора гражданства».

Третий фактор (13%) формирует ось, положительный полюс которой может быть описан, как предпочтение белорусского гражданства. В него вошла одна переменная:

— *Предпочтение гражданства Беларуси (0,446).*

Отрицательный полюс представлен также одной переменной — желанием и готовностью иметь двойное гражданство (в первую очередь российское и СНГ):

— *Предпочтение двойного гражданства (−0,961).*

Таким образом, этот фактор отражает осмысленный <u>выбор между белорусским и «расширенным» белорусским гражданством</u>. Как свидетельствует рис. 5.3, выделенные позиции равномерно распределены между полюсами оси, демонстрируя существенные различия по данному показателю[10]. Таким образом, эта смысловая ось может рассматриваться как фактор, дифференцирующий рассматриваемые позиции, то есть задающий различия между ними и отражающий их своеобразие.

---

[10] Различия оценок по данному фактору между выделенными позициями, значимы по критерию Крускала-Уолиса на уровне 0,001.

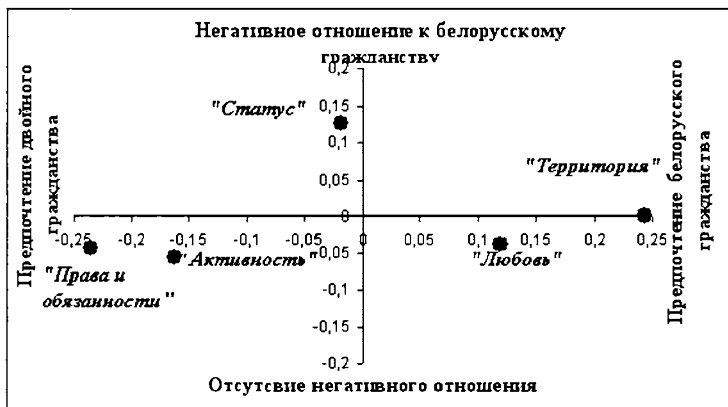

Рис. 5.3. Семантическое пространство выбора гражданства

Четвертый фактор (11%) может быть интерпретирован как непринятие белорусского гражданства и негативное отношением к нему, что проявляется в выборе между ним и гражданством другой страны. Положительный полюс фактора характеризуют две переменные:

— *Отрицательное отношение к гражданству (0,881);*

— *Предпочтение гражданства другой страны (0,579).*

Отрицательный полюс характеризуется отсутствием негативного отношения к белорусскому гражданству или желания сменить его на гражданство другой страны. Его представляет переменная[11]:

— *Предпочтение гражданства Беларуси (−0,208).*

Необходимо отметить, что по данному фактору среди всех выделяется только позиция «статус». Остальные четыре позиции имеют примерно равные значения.

Анализ расположения позиций в пространстве этих двух факторов позволяет выделить два кластера. В первый кластер входят позиции «территория» и «любовь», а во второй — «активность» и «права и обязанности». Позиция «статус» равноудалена от этих двух кластеров.

[11] Отрицательный полюс четвертого фактора не представлен переменным с факторными нагрузками выше 0,4. Однако, чтобы иметь представление о содержании данного полюса, мы приводим здесь переменную с факторной нагрузкой −0,208.

Исходя из содержания факторов, можно говорить о том, что первый кластер («территория» и «любовь») характеризуется тем, что для респондентов, выбравших эти позиции, вопрос отношения к своему гражданству не является актуальным (значимым основанием восприятия себя как гражданина). Вероятно, ответ на такой вопрос является для них очевидным. При этом обе позиции, и в особенности «территория», характеризуются максимальными значениями по оси «выбора между белорусским или двойным гражданством», что означает однозначное предпочтение только белорусского гражданства.

Второй кластер («активность» и «права и обязанности») составляет оппозицию первому кластеру по оси «выбора между белорусским или двойным гражданством». Респондентов, выбравших эти позиции, характеризует, с одной стороны, отсутствие негативного отношения к белорусскому гражданству, а с другой стороны, предпочтение двойного гражданства.

Если два рассмотренных выше кластера занимают полярные позиции в выборе между белорусским и двойным гражданством, то позиция «статус» не имеет выраженных характеристик по этому основанию. В свою очередь, своеобразие этой позиции раскрывается через высокие значения по фактору негативного отношения к своему гражданству, что естественным образом снимает значимость выбора между белорусским и двойным гражданством.

Взаимное расположение выделенных позиций в двух пространствах, раскрывающих специфику восприятия своего гражданства, характеризуется отсутствием устойчивых (воспроизводящихся) соотношений между позициями. В первом случае наиболее далеко отстоящей от других является позиция «любовь». Во втором пространстве она близка позиции «территория», при этом своей удаленностью выделяется позиция «статус». Позиции «активность» и «права и обязанности» более или менее сохраняют в обоих пространствах свое взаимное, довольно близкое расположение. Это может свидетельствовать об определенном сходстве восприятия и осознания свое-

го гражданства среди респондентов, выбравших эти две позиции.

Таким образом, различные интерпретации понятия «гражданин», которые представлены в виде позиций, обнаруживают своеобразие в пространстве значений, раскрывающих специфику восприятия респондентами себя как гражданина. Представление о гражданстве, как об эмоциональной привязанности к своей стране, взаимосвязано с целостным позитивным отношением к своей гражданской принадлежности, которое проявляется в высокой степени идентификации с гражданами республики и значимости гражданства, а также с позитивным отношением к нему и однозначным предпочтением перед другими (двойным или гражданством другой страны).

Восприятие своего гражданства респондентами, выбравшими позицию «статус», характеризуется наиболее формальным отношением к нему. Причем это проявляется как в неактуализированности проблемы гражданской принадлежности в целом, так и в негативном отношении к белорусскому гражданству в частности. Респонденты, которые определяют «гражданство» через место жительства (позиция «территория»), демонстрируют также в целом индифферентное отношение к проблемам гражданства, но, при этом, характеризуются однозначным предпочтением белорусского гражданства.

Представления респондентов о понятии «гражданин», апеллирующие к политико-правовым аспектам гражданства (позиции «права и обязанности» и «активность»), связаны, с одной стороны, с отсутствием приверженности белорусскому гражданству и довольно критичным отношением к нему, а с другой, с актуальностью (хотя и невысокой) гражданской принадлежности.

Теперь обратимся к анализу расположения выделенных позиций в семантическом пространстве «восприятия своей страны». Оно строилось на основе оценок Беларуси по шкалам семантического дифференциала и их ответов о чувствах, адресованных Беларуси.

В результате обработки данных с помощью факторного анализа методом главных компонент с поворотом фак-

торных осей методом varimax было выделено 4 фактора, объясняющих соответственно 32%, 9, 8 и 7% общей дисперсии[12].

Первый фактор (32%), обладающий наибольшей объясняющей способностью, представляет собой наиболее субъективно значимый для респондентов критерий восприятия своей страны. Он может быть назван фактором оценки Беларуси и отношения к ней. На положительном полюсе он включил в себя 9 переменных, характеризующих Беларусь с соответствующими факторными нагрузками:

— *Развитая (0,839);*
— *Правовая (0,816);*
— *Прогрессивная (0,811);*
— *Демократическая (0,802);*
— *Богатая (0,787);*
— *Независимая (0,774);*
— *Сильная (0,762);*
— *Открытая (0,680);*
— *Духовная (0,636).*

Включение в положительный полюс фактора совокупности шкал, которые раскрывают оценку социально-экономического и политического развития страны, свидетельствует о целостности восприятия Беларуси по данному комплексу характеристик. То есть приписывание тех или иных характеристик и оценивание по ним происходит преимущественно в комплексе, а не по каждой шкале дифференцированно. Что подтверждается наиболее высокой факторной нагрузкой такой интегральной, характеристики, как «развитая — не развитая». Содержательная интерпретация шкал, представляющих этот полюс, позволяет говорить, что он задает вектор оценки Беларуси, в первую очередь, по «объективным» критериям социально-политического и экономического характера, которые дополняются характеристиками духовного плана.

[12] Здесь представлены два из шести возможных двумерных пространств, по нашему мнению наиболее информативных и интересных, которые образованы попарно первым — четвертым и вторым — третьим факторами.

Противоположный полюс представлен одной переменной[13]:

Чувства по отношению к Беларуси — Обида (−0,229)

Судя по переменной, которая представляет отрицательный полюс, данный фактор демонстрирует феномен совмещения оценки Беларуси и отношения к ней. Об этом свидетельствует противопоставление, с одной стороны, совокупности оценок по тем или иным характеристикам, а с другой стороны, чувств, адресованных ей, которые выступают как противоположность оценке.

Четвертый фактор (7%), образующий другую ось пространства, отражает степень и глубину эмоциональной привязанности к своей стране. Положительный полюс представлен одной переменной:

— *Родная (0,417).*

Противоположный полюс представлен переменной:

— *Чувства по отношению к Беларуси — Безразличие (−0,908).*

Таким образом, на положительном полюсе здесь высокие оценки Беларуси по критерию «родная», «своя», а на отрицательном — безразличие к стране. Это позволяет назвать этот фактор фактором чувства привязанности к Беларуси.

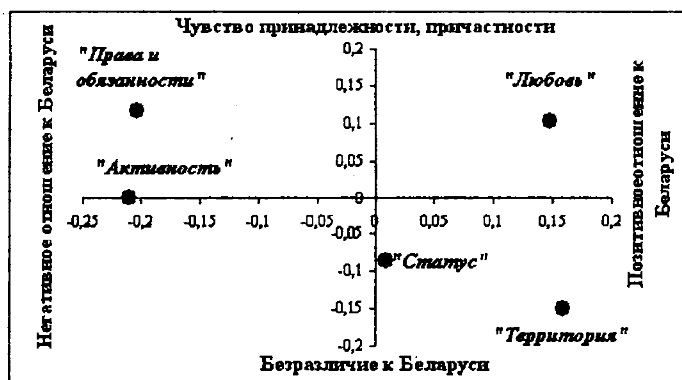

Рис. 5.4. Семантическое пространство оценки Беларуси и отношения к ней

[13] Отрицательный полюс первого фактора не представлен переменными с факторными нагрузками выше 0,4. Однако, чтобы иметь представление о содержании данного полюса, мы приводим здесь переменную с факторной нагрузкой −0,229.

Пространство, образованное первым и четвертым факторами, характеризует соотношение «объективных» (в определенном смысле рациональных, осознанных, аргументированных) и «субъективных» (иррациональных, эмоциональных) оснований восприятия своей страны и отношения к ней (см. рис. 5.4). Оно было названо **«пространством оценки Беларуси и отношения к ней»**. Наиболее однозначное положение в этом пространстве занимает позиция «любовь», которая характеризуется как позитивным восприятием Беларуси по комплексу политических и экономических критериев, так и проявлением чувства принадлежности, сопричастности. Судя по расположению в данном пространстве, позиции «права и обязанности» и «активность» составляют кластер, который характеризуется заменой оценок Беларуси по комплексу критериев на негативное чувство, по отношению к ней. При этом респонденты, выбравшие эти позиции, демонстрируют высокую («права и обязанности») и умеренную («активность») степень привязанности к своей стране. Позиции «территория» и «статус», напротив, характеризуются высокой степенью безразличия и отстраненности, при этом давая высокие («территория») и умеренные («статус») оценки социального и экономического развития страны.

Таким образом, позиции «права и обязанности» и «территория» составляют своеобразную оппозицию друг другу. В первом случае наблюдается высокая критичность к Беларуси, но и высокая степень привязанности к ней. Во втором случае, наоборот, слабое чувство причастности при полной лояльности.

Взаимное расположение второго и третьего факторов образуют **«пространство чувств, адресованных Беларуси»** (см. рис. 5.5). Важно отметить, что содержательно эти факторы зеркально противоположны.

Второй фактор (9%) раскрывает наличие или отсутствие позитивных чувств по отношению к Беларуси. На положительном полюсе он включает в себя две переменные:

— *Чувства по отношению к Беларуси — Любовь (0,687);*

— *Чувства по отношению к Беларуси — Гордость (0,639).*

Противоположный полюс представлен одной переменной:

— *Затрудняюсь определить свои чувства по отношению к Беларуси (−0,741).*

Исходя из переменных, вошедших во второй фактор, его можно назвать фактором позитивных чувств, адресованных Беларуси.

Третий фактор (8%) представляет собой смысловую противоположность. Позитивный полюс характеризуется одной переменной:

— *Затрудняюсь определить свои чувства по отношению к Беларуси (0,498).*

Противоположный полюс представлен двумя переменными:

— *Чувства по отношению к Беларуси — Обида (−0,755);*

— *Чувства по отношению к Беларуси — Стыд (−0,673).*

Таким образом, третий фактор является фактором негативных чувств, адресованных Беларуси.

Важным является тот факт, что позитивные и негативные чувства не являются противоположными полюсами одного фактора. Они выступают для респондентов

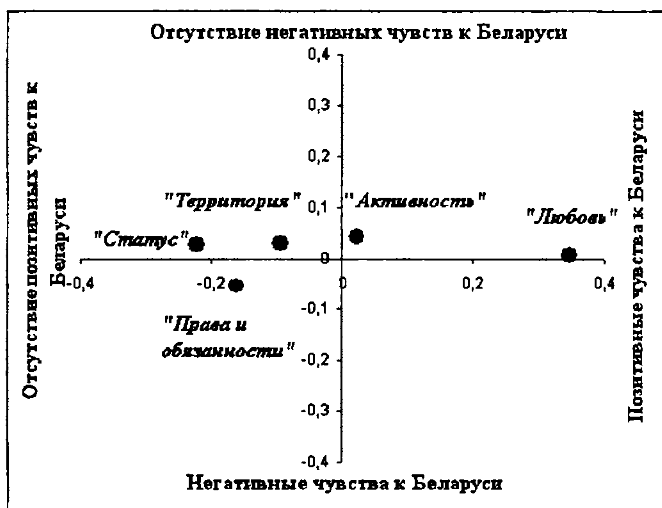

Рис. 5.5. Семантическое пространство чувств, адресованных Беларуси

автономными основаниями для описания и объяснения своего отношения к стране. Это свидетельствует об амбивалентности восприятия и эмоционального отношения к такому «объекту», как Беларусь, который предполагает одновременное присутствие (или же одновременное отсутствие) и тех, и других чувств. Поэтому противоположными полюсами для позитивных и негативных чувств является отсутствие тех или других.

Расположение позиций в пространстве, образованном этими факторами, свидетельствует о том, что наиболее выраженное по силе и позитивное по направленности отношение демонстрируют респонденты, выбравшие позицию «любовь». При этом необходимо отметить, что для этой позиции свойственны также слабые проявления и негативных чувств. То есть она характеризуется наибольшей эмоционально-ценностной насыщенностью чувств, адресованных Беларуси. Такой же насыщенностью, но имеющей противоположную направленность характеризуется позиция «права и обязанности». Ее расположение в данном пространстве свидетельствует о наибольшей степени негативизма по отношению к стране. Кроме того, налицо однозначность этого отношения. Она демонстрирует как отсутствие позитивных чувств, так и ярко выраженные негативные чувства, что согласуется с положением этой позиции в семантическом пространстве оценок Беларуси и отношения к ней.

Остальные три позиции характеризуются довольно индифферентным отношением к своей стране. Расположение позиций «статус» и «территория» свидетельствуют о слабой выраженности и тех, и других чувств. Для позиции «активность» характерны скорее позитивные чувства, хотя и не сильно выраженные. Это говорит о низкой эмоционально-ценностной насыщенности «Беларуси» для респондентов, представляющих эти позиции.

Сопоставив расположение позиций в двух пространствах, раскрывающих специфику восприятия респондентами Беларуси, необходимо отметить следующее. Наиболее существенные различия между позициями наблюдаются в пространстве оценок Беларуси и отношения к ней,

нежели в пространстве чувств, адресованных стране. Таким образом, именно чувство причастности, привязанности к Беларуси является основанием, дифференцирующим респондентов, которые имеют различные представления о понятии «гражданин». Кроме того, нельзя не отметить, что определение гражданства, как любви к своей стране, связано с ярко выраженными позитивными чувствами к Беларуси.

Обобщая полученные результаты, можно дать краткую общую характеристику каждой из рассматриваемых позиций. Отметим также те демографические группы, в которых они локализуются[14].

Наиболее выразительным и содержательно целостным является восприятие своей страны и себя, как ее гражданина, среди респондентов, выбравших позицию «любовь». Для них характерны высокая степень осознания белорусского гражданства и аналогичная степень его значимости. Восприятие и оценка Беларуси при этом однозначно позитивные. Это соответствует определению гражданства через эмоциональное и ценностное отношение к стране. Это выбор преимущественно старшего поколения.

Позиция «права и обязанности» характеризуется крайне низкой оценкой Беларуси по ряду «объективных» критериев и, в то же время, осознанием привязанности к ней, то есть обостренным восприятием страны и осознанием своего места в ней. Учитывая это, естественной является невысокая ценность белорусского гражданства и желание сменить его на двойное, но не на гражданство другой страны. Эта позиция — выбор преимущественно молодого поколения. Очевидно, что определение понятия «гражданин», характеризующее эту позицию, семантически не связано с отношением к стране, а имеет, прежде всего, статусное и политико-правовое содержание. При этом, судя по оценкам социально-политического развития страны, возможность реализации этого содержания в политическом поведении оценивается крайне низко.

---

[14] Более подробный анализ поколенческой специфики представлений о понятии «гражданин» представлен в главе 7.

В своем роде противоположность этим эмоционально насыщенным позициям представляет собой позиция «статус». Здесь наблюдается наибольшая степень индифферентности по отношению к стране и к своему гражданству. Это позиция наиболее формального восприятия гражданства. Данную позицию чаще выбирает самое молодое и самое старшее поколение. Первые, вероятно, не найдя для себя в нем ценности, последние, возможно, утратив.

Выбор позиции «территория», в первую очередь, свойственен людям старшего поколения. Эта позиция характеризуется самой низкой степенью осознания своего гражданства и его значимости, а также слабой выраженностью эмоционального отношения к стране. При этом дана высокая позитивная оценка Беларуси по «объективным» критериям, что согласуется с представлениями о гражданстве как о проживании на территории той или иной страны, где наибольшее значение имеют условия жизни в ней.

И, наконец, позиция «активность» характеризуется критичным взглядом на социальное, экономическое и политическое развитие страны. Кроме того, респондентам, выбравшим ее, свойственны невысокая значимость белорусского гражданства и отсутствие стремления сохранить его. Расположение этой позиции в рассматриваемых семантических пространствах наименее соответствует избранной формулировке ответа. Учитывая, что данный ответ выбирали преимущественно молодые люди, можно предположить, что социальная и политическая активность, как сущность гражданства, рассматривается ими скорее как должное (усвоенная, декларируемая норма), но не имеет отношения к собственной гражданской позиции.

Итак, интерпретации понятия «гражданин», связанные с социально-политическим статусом, чаще выбираются молодыми людьми. При этом они сочетаются с низкими оценками страны и индифферентностью по отношению к ней. Это не способствует действительной реализации таких представлений о гражданстве в реальной социально-политической жизни страны. Представле-

ния о гражданстве старшего поколения опираются, прежде всего, на ценностное и эмоциональное отношение к стране или привязанность к определенной территории. В них значительно реже включены политико-правовые аспекты. Таким образом, налицо не только разнообразие содержания понятия «гражданин», но и качественные отличия, которые можно рассматривать как показатель трансформации представлений об этом понятии в общественном сознании жителей Беларуси.

Подводя итоги необходимо отметить следующее.

Представления жителей Беларуси о понятии «гражданин» задают определенные рамки восприятия и оценки различных аспектов «взаимоотношений» между гражданином и государством. Это выражается в тесной взаимосвязи этих представлений с восприятием своего гражданства и страны. Например, актуализация статусного значения в данных представлениях (наличие паспорта гражданина) связана с формальным восприятием гражданства и индифферентностью в отношении к нему и к стране. Наполнение понятия «гражданин» эмоционально насыщенным содержанием (чувствами, адресованными стране) соответствует высокой значимости гражданства и преобладанию позитивных оценок страны. Представления о понятии «гражданин», связанные с проявлениями социальной активности или соблюдением прав и обязанностей гражданина, находят отражение в критичном взгляде на страну и белорусское гражданство. Понимание гражданства как закрепленности на определенной территории связано с высокой значимостью и эмоциональной насыщенностью оценок Беларуси, отношения и чувств к ней и безразличием к гражданскому статусу.

Таким образом, статус гражданина как самоценность, связанная с возможностями самореализации в социальном и политическом пространстве и совокупностью ценностей, называемых демократическими (свобода, права человека и т. д.), фактически не представлена в общественном сознании. Эмоциональное и ценностное наполнение понятия «гражданин» связано с чувствами и отно-

шением к стране, но не к гражданству. Широкая распространенность интерпретаций гражданства как формального статуса и территориальной принадлежности (с соответствующим отношением к своему гражданству), раскрывает причины несоответствия между «количественными» показателями участия в политической жизни страны и действительной включенностью в нее, между осознанием гражданской принадлежности и активным использованием этого политико-правового статуса в социальной деятельности.

Разнообразие представлений о понятии «гражданин» в сознании жителей Беларуси свидетельствует о трансформации этих представлений, важнейшим механизмом которой является смена поколений. Представления о гражданстве, опирающиеся на эмоциональное и ценностное отношение к стране, привязанность к территории, свойственные старшему поколению, сменяются на представления, в которых более широко представлено политико-правовое содержание гражданства. При этом последние характеризуются слабой ценностной насыщенностью этого содержания, что оставляет его по сути формальным, декларативным, и лишает данные представления мотивирующего потенциала.

Глава 6

ОСОБЕННОСТИ ЧУВСТВ, АДРЕСОВАННЫХ НАСЕЛЕНИЕМ РЕСПУБЛИКИ СВОЕЙ ЭТНИЧНОСТИ И БЕЛОРУССКОМУ ГОСУДАРСТВУ

Результаты последних этнопсихологических исследований, этносоциологических опросов, а также работ, выполненных в русле проблематики политической и исторической психологии, свидетельствуют о большом значении этнических, гражданских чувств и настроений в консолидационных и дезинтеграционных процессах в обществе, об их регуляторной функции в развитии этнополитической мобилизации, а также в динамике межэтнических отношений и взаимодействий. Это обусловлено тем, что направленность и насыщенность чувств, адресованных к тем или иным социальным общностям, определяет эмоциональную окрашенность «мы-образа» данной общности, ее системы отношений и представлений о самой себе, своей истории, культуре, дифференцирующих и консолидирующих признаках и многие другие. Этнические и гражданские чувства выполняют также определяющую роль в становлении и изменениях этнической и гражданской идентичности. Анализ спектра и распространенности чувств, связанных с восприятием той или иной общности, является одной из основных задач в ходе изучения ее состояния и динамики развития.

Немаловажным фактором, актуализирующим интерес к гражданским и этническим чувствам, является то, что в них находят отражение те или иные способы восприятия и отношения к таким значимым аспектам социальной жизни, как этничность и государство. Кроме того, в силу их динамичности, чувства выступают катализаторами трансформации общественного сознания. Это об-

стоятельство обусловливает интерес к ним как к показателям тенденций и направлений в его изменении. Поэтому задачи данного исследования включают в себя анализ особенностей содержания и направленности (модальности) чувств жителей нашей республики, адресованных государству и этничности, выявление характера взаимосвязи между этими двумя группами чувств.

Эмпирической базой анализа стали данные исследования, проведенного отделом социологии культуры Института социологии НАН Беларуси в 2003 г., по республиканской репрезентативной выборке объемом 2308 респондентов.

1. Содержание чувств жителей Беларуси, адресованных государству и этничности

Для выявления чувств, адресованных своей этничности и белорусскому государству, использованы два открытых вопроса: «*Какие чувства Вы испытываете, когда речь идет о современном белорусском государстве?*» и «*Какие чувства Вы испытываете, когда речь идет о Вашей национальности?*». В качестве дополнительных применялись зрительно-аналоговые шкалы оценки значимости этнической и гражданской принадлежности, а также вопросы анкеты о возрасте, образовании респондентов, данные о регионах опроса.

Анализ полученных ответов позволил выделить (для каждого из вопросов) 6 основных сопоставимых групп[1], характеризующих:

<u>позитивные чувства</u> — *«высокие чувства», «гордость и спокойствие», «чувства национальной гордости», «я беларус і гонар маю», «горжусь своим гражданством», «я рад за свой трудолюбивый добрый народ», «надежда на лучшее будущее», «люблю свою нацию» и др.;*

---

[1] Критериями выделения групп служили как модальность (направленность) называемых чувств, так и наличие в ответах амбивалентных чувств.

Авторы выражают свою признательность сотруднику сектора социальной и этнической психологии А. И. Чардымову за помощь в обработке эмпирических данных.

негативные чувства — *«горечь», «боль», «обиду за нашу жизнь», «стыд», «обида», «сожаление», «неловкость», «разочарование», «расстройство» и др.;*

амбивалентные — *«разные от положительных до отрицательных», «гордость и сожаление», «уважение и жалость», «в связи с обстоятельствами»; «гордость, иногда обида», «чувство огорчения и надежды на лучшее» и др.;*

нейтральные — *«нормально, но могло быть лучше», «не хуже других», «нормального современного человека», «отношусь к этому спокойно», «ровные», «реагирую спокойно, без лишних эмоций» и др.;*

неопределенные чувства — *«не могу ответить однозначно», «непонятные», «не выразить словами»; «неопределенные», «непонятные» и др.;*

безразличие — *«уже никаких», «безразличие», «какая разница», «меня это не волнует», «на этой земле столько намешано, что о каких чувствах можно вести разговор», «не обращаю внимания» и др.*

Помимо этих основных групп, также выделены группы ответов, включающие различного рода пожелания (*«надо развивать чувство гордости у нашего населения», «пусть оно будет стабильным», «чтобы улучшилось все в нашем государстве»*), а также группы «других ответов», в которых содержатся высказывания, не относящиеся непосредственно к чувствам. В ответе на вопрос о чувствах, адресованных государству, последние составили 14% от всех респондентов, на вопрос об этнических чувствах — 11%. Не ответили на эти вопросы соответственно 17 и 19% (от общего числа респондентов).

Анализ содержания ответов на открытый вопрос об этнических чувствах показал следующее.[2] Полученные данные отражают широкий спектр чувств, различающихся по своей модальности, адресности, направленности, сте-

[2] Содержательный анализ базируется на ответах 1509 респондентов, по существу ответивших на открытый вопрос «Какие чувства Вы испытываете, когда речь идет о современном белорусском государстве?» и ответах 1552 респондента, по существу ответивших на открытый вопрос «Какие чувства Вы испытываете, когда речь идет о Вашей национальности?». Все результаты анализа приводятся в процентах от этих величин.

пени выраженности чувств, адресованных как собственной этничности, так и представителям своей национальности.

Выявленные представления жителей нашей республики о гамме их этнических чувств показывают, что в ответах разных респондентов могут быть представлены не только комплексы близких, дополняющих чувств (например, такие, как *«уверенность», «сила», «достоинство», или «ответственность, «любовь», «патриотизм», или «сострадание», «боль», «сочувствие»* и др.), но и диаметрально противоположные чувства. Например, *«гордость» и «стыд», «спокойствие» и «страх», «беспокойство», «достоинство» и «ущербность», «удовлетворение» и «неудовлетворенность», «сожаление», «радость» и «печаль», «уверенность» и «неуверенность»* и др. Это является одним из свидетельств сугубо индивидуального переживания каждым человеком собственной этничности, порой парадоксальных различий в ее восприятии. Различий, демонстрирующих, что на индивидуальном уровне этничность может выступать мощным фактором, укрепляющим и поддерживающим психосоциальную идентичность личности, так и фактором, «расшатывающим» и ослабляющим ее. К примеру, переживание таких чувств, связанных с этничностью, как *«ущербность», «чувства горечи», «иногда стыд»* и др. Подтверждением позитивной этнической идентичности являются, например, такие ответы, как *«чувство принадлежности, ..., чувство значимости»; «уверенность в себе»; «хорошие, я горжусь своей национальностью», «самоуважение», «самоудовлетворение», «хорошо, что я белорус»; «чувство гордости, что я именно такой, а не другой»* и др.

Анализ содержания ответов по критерию адресности позволил объединить их в следующие две большие группы чувств.

Первую группу составили ответы, включающие:

а) названия самих чувств, обусловленных этнической принадлежностью (*«гордость», «ответственность», «стыд», «радость», «любовь»; «уважение»* и др.);

б) констатацию отношения к собственной этничности (*«нравится»; «не отрекаюсь»; «презираю»* и др.);

в) называние характеристик и оценок самих чувств (*«хорошие», «отличные», «положительные», «отрицательные», «сложные» и др.).*

Во вторую группу вошли ответы о чувствах, адресованных:

а) собственной этничности (национальности) и отношению к ней *(«...я чувствую себя белорускоы»; «хорошо, что я белоруска»; «в принципе, моя национальность меня полностью устраивает, хотелось бы, чтобы другие государства относились к нам лучше»; «мне нравится моя национальность»; «другую национальность не хочу»; «удивляюсь, как я могу принадлежать к этой «памяркоўнай» национальности»; «горжусь своей принадлежностью к белорусам»; «доволен, что белорус»; «...свою национальность менять не хочу»;* и др.);

б) народу, нации, своему этносу, их представителям *(«красивая нация — язык, обычаи»; «мне больно, что забывают нашу национальность»; «мне стыдно за нашу национальность»; «уважаю белорусов, потому что сам белорус»; «я чувствую себя единой со всеми белорусами, хочу чтобы дети и внуки мои гордились тем, что они белорусы»;* и др.);

в) качествам своего народа и отношению к нему (*«...мы белорусы — спокойный народ», «многострадальный народ»; «мне нравится наш народ и я рад, что к нему принадлежу»; «я рад за свой трудолюбивый, добрый народ»; «наша нация самая терпеливая, сильная по духу, дружелюбная и я этим горжусь»; «испытываю чувство горечи, никакой гордости, большая часть населения не разговаривает на белорусском языке»;* и др.);

г) стране, Родине *(«я люблю свою Родину»; «я горжусь тем, что я родилась и выросла в Беларуси, и свою национальность менять не хочу»; «это моя Родина»*; и др.);

д) собственной позиции, связанной с национальностью (этничностью). Например, *«она есть и все, так надо»; «национальность мы не выбираем»; «это судьба»; «от национальности здоровья не прибавится»; «главное — кто ты, а не какой национальности»; «чувства могут быть самыми разными, в зависимости от того, кто и как об этом говорит»; «зависит от темы разговора»* и др.

Рис. 6.1.1. Распределение ответов, характеризующих чувства, адресованные жителями республики своей этничности

В целом, на вопрос *«Какие чувства вы испытываете, когда речь идет о Вашей национальности?»*, более половины респондентов (см. рис. 6.1.1) назвали позитивные чувства (*«гордость», «радость», «уважение», «удовлетворение, «патриотические»* и др.).

Полученные данные также свидетельствуют о том, что треть респондентов индифферентно или совсем безразлично относится к своей национальности. Это проявилось в таких высказываниях, как *«не испытываю никаких чувств», «все равно», «никакие», «безразличие», «равнодушие», «меня это не волнует», «национальность не имеет для меня никакого значения», «какая разница», «без разницы», «не придаю никакого значения — это не важно в жизни» и др.*

Обращает на себя внимание и тот факт, что доля респондентов, назвавших негативные этнические чувства, составила только 4,3% (см. рис. 6.1.1). Среди соответствующих чувств респондентами указывались такие, как *«стыд», «обида», «горечь», «сожаление», «досада», «неудовлетворенность», «боль», «страх», «печаль», «ущербность», «неуверенность»* и др.

Противоположная картина выявлена при анализе ответов на вопрос о чувствах к государству. Ответы на открытый вопрос: *«Какие чувства вы испытываете, когда речь идет о современном белорусском государстве?»* показали, что отношение к своей стране достаточно противоречиво, и она вызывает широкий спектр чувств у живущих в ней людей (рис. 6.1.2). Более трети респондентов выразили негативные чувства (36,6%), они проявляются в таких высказываниях, как *«горечь», «обида», «разочарование»,*

Рис. 6.1.2. Распределение ответов, характеризующих чувства, адресованные современному белорусскому государству

«сожаление», «жалость» и *«стыд»*. Негативные чувства, адресованные государству, не только чаще назывались в сравнении с этническими, но и оказались более разнообразными.

Позитивные чувства менее распространены, о них говорят 26,5%. Среди ответов как конкретные чувства *«гордость», «любовь», «надежда»,* так и высказывания об общем положительном отношении — *«хорошие», «положительные», «самые хорошие»*.

Оказалось, что 21,9% респондентов испытывают безразличие относительно своего государства *(«никаких чувств», «безразличие», «мне все равно»).* Кроме того, 7,4% респондентов указали на амбивалентные чувства *(«сожаление за нищету, гордость за народ», «чувство огорчения и надежды на лучшее», «гордость и боль», «двоякое»).*

Анализ содержания[3] ответов на этот открытый вопрос позволил не только типологизировать их по направленности, но и раскрыть другие аспекты, в которых проявляется специфика отношения к современному белорусскому государству. Среди ответов были выделены высказывания, в которых респонденты обозначали не только чувства, но уточняли, к чему именно эти чувства адресуются. Таким образом, анализ адресности позволяет не только судить о спектре основных чувств, ассоциируемых с бе-

[3] Текст, в котором изложены типологизация и анализ содержания чувств, адресованных жителями Беларуси своему государству, подготовлен сотрудником сектора социальной и этнической психологии Ю. Ф. Лахвич.

лорусским государством, но и о том, какой именно аспект белорусского государства вызывает те или иные чувства.

Среди наиболее часто встречающихся адресатов гражданских чувств выступают *«государство», «будущее», «Беларусь», «Родина», «состояние дел в стране», «народ», «белорусские люди», «страна», «проблемы (нищета, пьянство)».*

В частности, чувство гордости адресуется чаще всего Беларуси, стране, Родине, народу, республике, государству. В таких случаях гордость связывается, в первую очередь, с достижениями и близка, по сути, к уважению, *(«гордости за независимую суверенную Беларусь, за ее историю, за наш народ, за ее культуру», «гордости в стремлении идти к современному цивилизованному обществу», «гордости, уважения к языку, традициям»).* В некоторых случаях респонденты гордятся не страной, а самим фактом проживания в ней *(«горжусь, что живу в Беларуси»).*

Среди адресатов чувства любви лидируют Родина и Беларусь. В отличие от гордости, которая требует определенных заслуг своего адресата, любовь к Родине рассматривается как нечто само собой разумеющееся *(«это моя Родина и я люблю ее», «Родину мы не выбираем, поэтому любовь к ней мы проносим через всю свою жизнь...»).* Интересно отметить, что государству гордость адресуется, хотя и редко, любовь — никогда.

Такое чувство, как радость, вызывают не столько достижения, сколько либо отсутствие острых проблем *(«радует, что нет конфликтов, нет национализма открытого»),* либо сам факт наличия белорусского государства *(«радость, что оно существует»),* либо его прогрессивное развитие *(«рада, что мы потихоньку, но уверенно поднимаемся вверх по ступенькам»).*

Выражая в ответах чувства стыда, боли и обиды респонденты адресуют их чаще всего государству, людям, условиям, обстановке, в которой живут, тем проблемам, с которыми они сталкиваются. В частности, стыд вызывает *«инфляция», «бедность», «примитивизм», «отсутствие демократии», «нищета», «условия труда и быта».*

Обида чаще всего высказывается за что-то: *«за народ»*, который характеризуется как *«многострадальный»*, *«трудолюбивый»*, *«достойный лучшей жизни»*; *«за Державу»*, *«за республику»*, *«за страну»*; *«за судьбу Беларуси»*; за то, *«что другие страны не понимают нас»*, *«что жить плохо»*, *«что можно жить лучше»*.

В отношении адресных чувств прослеживается также временная ориентированность того или иного чувства в континууме прошлое—настоящее—будущее. Такого рода анализ показал, что будущему адресованы преимущественно такие чувства, как волнение, беспокойство, тревога, страх, надежда, вера, уверенность. Будущее таким образом выступает собирателем и тревог, и чаяний белорусов.

Прошлому адресуются другие чувства. Среди них горечь, сожаление, гордость, любовь. Амбивалентный состав этих чувств говорит о том, что прошлое, с одной стороны, неизменный ресурс для гордости страной, государством и безусловной любви к Беларуси, Родине. С другой стороны, прошлое вызывает горечь и сожаление за упущенные возможности.

Еще одна группа чувств обращена к настоящему (среди таких чувств стыд, боль, обида, неудовлетворение, огорчение, жалость, гордость и радость). Сегодняшний день, таким образом, вызывает недовольство и критику или радость за отсутствие проблем.

2. Распространенность чувств, адресованных этничности и государству, среди различных категорий населения Беларуси

Сравнение направленности чувств, адресованных респондентами своей этничности и государству[4] (см. рис. 6.2.1), показало, что восприятие респондентами этничности более позитивно и менее противоречиво, чем

[4] Дальнейший анализ обращен к шести основным группам ответов, выражающим позитивные, негативные, амбивалентные, нейтральные, неопределенные чувства и безразличие.

восприятие белорусского государства. Негативные чувства, по отношению к государству, встречаются в девять раз чаще, чем аналогичные чувства к собственной этничности. Доля ответов респондентов, нейтрально относящихся к государству, в два раза ниже соответствующих ответов, характеризующих этнические чувства. В противоположность этому амбивалентные формулировки ответов на вопрос о чувствах, адресованных белорусскому государству, встречаются в два раза чаще. При этом негативные чувства по отношению к государству распространены и среди тех респондентов, которые по отношению к своей этнической принадлежности испытывают положительные чувства. Это свидетельствует о том, что чувства жителей республики, адресованные своему государству, более актуализированы и более противоречивы, чем чувства в связи с собственной этничностью.

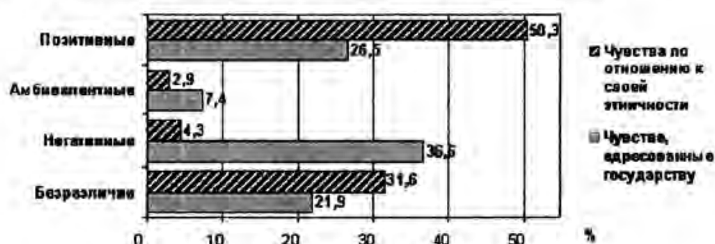

Рис. 6.2.1. Распространенность чувств респондентов, адресованных своей этничности и государству

В результате анализа полученных данных обнаружено, что соотношение позитивных, негативных, амбивалентных чувств существенно отличается в разных социально-демографических группах. Эти различия наиболее выразительны среди представителей различных поколений. Так, у старшего поколения существенно выше положительное отношение к белорусскому государству (см. рис. 6.2.2). Наиболее негативно его воспринимают молодые люди 21—30 лет. Кроме того, среди них чаще, чем в других возрастных группах, встречаются высказывания об амбивалентных чувствах (10,3%), например, когда любовь и гордость соседствуют с обидой и сожалением.

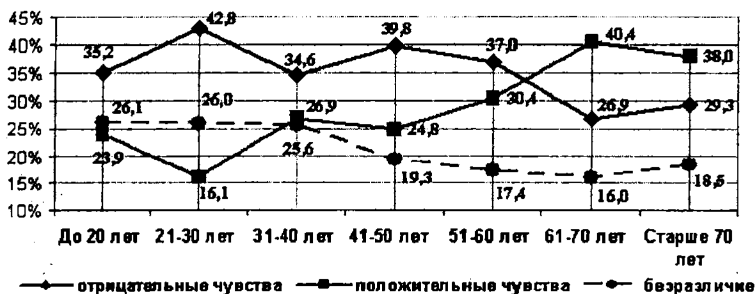

Рис. 6.2.2. Профили распространенности чувств по отношению к своему государству среди различных возрастных групп населения

Как видно из рис. 6.2.2, с возрастом также изменяется доминирующее отношение к своему государству. Молодежь отличается преобладанием негативных чувств, адресованных своему государству, а старшее поколение — позитивных чувств. Чаще других негативные чувства отмечают респонденты в возрасте 21—30 лет. Они же отличаются наименьшей выраженностью позитивных чувств (16,1%). Практически зеркальное соотношение положительных и отрицательных чувств наблюдается среди 61—70-летних респондентов (позитивные чувства — 40,4%, негативные — 16%). С увеличением возраста уменьшается распространенность равнодушного отношения. Так, если среди респондентов до 40 лет безразличие к белорусскому государству демонстрируют около 26%, то среди 61—70-летних таких всего 16%.

В свою очередь, чувства, адресованные этничности, незначительно отличаются среди различных возрастных групп (рис. 6.2.3). Прежде всего, это относится к негативным чувствам. Они в равной степени присущи респондентам всех возрастов. С другой стороны, данные показывают, что представители зрелого и старшего поколения (51—70 лет) наиболее позитивно и менее противоречиво воспринимают свою этничность в сравнении с респондентами средних возрастных групп (21—50 лет). И наоборот, именно в этих группах чаще встречается индифферентное или безразличное отношение (от 37,7% до 32,3%).

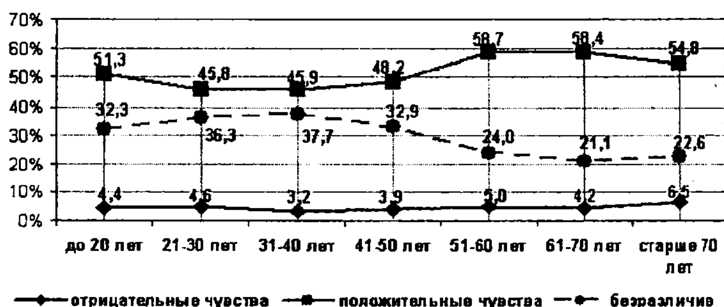

Рис. 6.2.3. Профили распространенности чувств по отношению к своей этничности среди различных возрастных групп населения

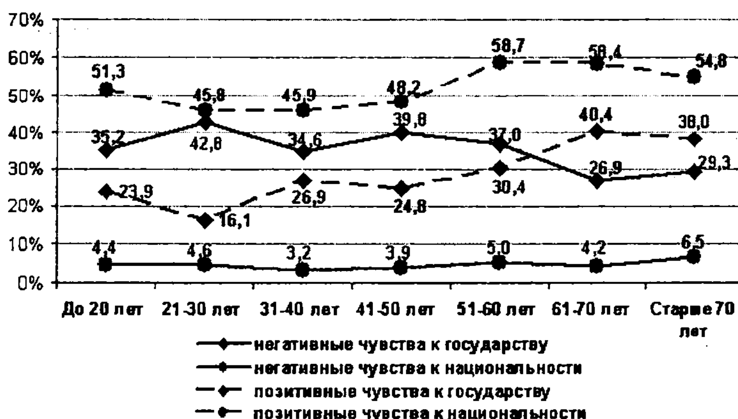

Рис. 6.2.4. Профили распространенности позитивных и негативных чувств по отношению к своей этничности и своему государству среди различных возрастных групп населения

Сравнение распространенности негативных и позитивных чувств, адресованных этничности и белорусскому государству, выявило следующее (рис. 6.2.4). Во-первых, наиболее распространенными являются позитивные чувства, адресованные своей этничности. По частоте упоминания они доминируют как над аналогичными негативными, так и над позитивными чувствами по отношению к государству.

Во-вторых, профили, образованные показателем частоты упоминания позитивных чувств (и к этничности,

и к государству) в различных возрастных группах, повторяют друг друга. То есть сохраняется соотношение между выраженностью этнических и гражданских чувств. Это свидетельствует о том, что, когда рассматриваемые чувства имеют позитивную направленность, то они подкрепляют друг друга. Вероятно, респонденты, которые испытывают позитивные чувства, воспринимают этничность и белорусское государство недифференцированно, в комплексе. В данном случае важным становятся, в первую очередь, различия между возрастными группами, а не различия между чувствами к этничности и стране, так как их соотношение остается практически неизменным.

Что касается выраженности негативных чувств, то она различается, в первую очередь, в зависимости от того чему эти чувства адресованы: этничности или государству. В отношении этнических чувств отличия среди возрастных групп фактически отсутствуют. А выраженность чувств, адресованных государству, наоборот, тесно взаимосвязана с возрастом респондентов. Следовательно, можно полагать, что респонденты, демонстрирующие негативные чувства, более четко отделяют отношение к своей этничности от отношения к белорусскому государству.

Влияние такого фактора, как образование респондентов, также оказалось различным по отношению к изучаемым чувствам. Восприятие белорусского государства и отношение к нему значительно различаются в зависимости от уровня образования респондентов. Как свидетельствуют данные (см. рис. 6.2.5), среди людей с начальным, средним и средним специальным образованием число выразивших позитивные и негативные чувства, а также отметивших свое равнодушие, сопоставимы и близки. Но среди респондентов с высшим и незаконченным высшим образованием негативные чувства существенно преобладают, респонденты их выражают более чем в два раза чаще. Таким образом, высокий уровень образования является условием более критичного и негативного восприятия своего государства.

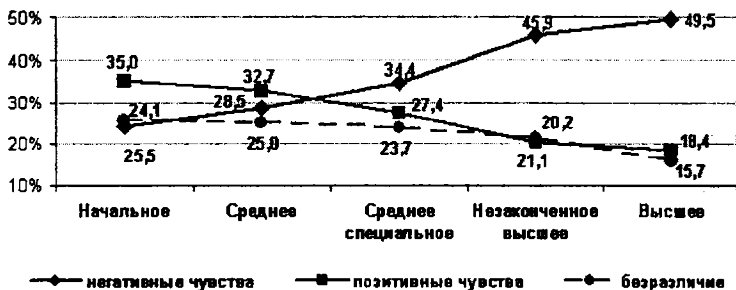

Рис. 6.2.5. Профили распространенности чувств, адресованных государству, среди респондентов с разным уровнем образования

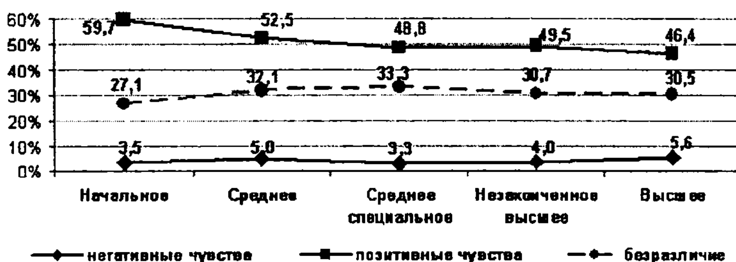

Рис. 6.2.6. Профили распространенности чувств, адресованных своей этничности, среди респондентов с разным уровнем образования

Что касается этнических чувств, то анализ ответов показал, что при отсутствии больших расхождений в отношении к своей этничности среди респондентов с разным образованием, все же более позитивно и менее равнодушно относятся к ней люди с начальным и неполным средним образованием. И, наоборот, с ростом образования чаще встречается более индифферентное отношение и при этом реже — позитивные чувства, адресованные ей (см. рис. 6.2.6).

3. Взаимосвязь между чувствами, адресованными своей этничности и государству

Анализ сопряженности ответов о чувствах, адресованных, с одной стороны, государству, а с другой, этничности, позволил выделить наиболее распространенные типы соотношения этих чувств. Они фактически отра-

жают позиции, предполагающие разные стратегии потенциального социального поведения. Среди них выделены четыре наиболее распространенных сочетания ответов (см. табл. 1). Доля респондентов, представляющих эти четыре сочетания ответов, составляет 64,9% от ответивших на оба вопроса (от всей выборочной совокупности — 40%).

Таблица 6.3.1. **Соотношение чувств, адресованных государству и этничности (в %)***

Чувства, адресованные государству	Чувства, адресованные своей этничности					
	Негативные	Амбивалентные	Неясные	Нейтральные	Безразличие	Позитивные
Негативные	3,2	1,1	1,1	2,8	11,7	16,0
Амбивалентные	0,2	1,0	0,1	0,9	1,5	3,4
Неясные	0,2	0,2	0,3	0,5	0,8	0,9
Нейтральные	0,1	0,1	0,1	2,9	0,4	1,1
Безразличие	0,4	0,4	0,1	0,8	16,0	4,4
Позитивные	0,3	0,2	0,2	1,7	1,9	23,3

* Проценты приводятся от 1308 чел., давших содержательные ответы на оба вопроса.

Группы респондентов, демонстрирующих выделенные типы сочетания чувств, названы нами следующим образом:

1) *позитивно настроенные* — группа объединила респондентов одновременно позитивно относящихся и к этничности, и к государству;

2) *противоречиво настроенные* — позитивно относящихся к своей этничности и негативно к белорусскому государству;

3) *равнодушные* — испытывающих безразличие одновременно и к своей этничности, и к белорусскому государству;

4) *отстраненно-критичные* — равнодушно относящихся к своей этничности и негативно к белорусскому государству.

Как явствует из табл. 6.3.1, первая группа объединила 23,3% респондентов среди тех, кто дал содержательные

ответы на оба вопроса. Во вторую и третью группы вошли по 16%, а в четвертую — 11,7%.

Сравнение выделенных групп показывает то, что при позитивном отношении респондентов к своей стране фактически не встречается негативного отношения к своей этничности. Тогда как обратная ситуация — одна из наиболее распространенных. А именно, если респондент демонстрирует негативное отношение к своей этничности, то с высокой долей вероятности его отношение к белорусскому государству будет также негативным. При этом позитивное отношение к стране практически не сопряжено с негативным отношением к своей этничности. Кроме того, безразличию к своей этничности сопутствует либо равнодушие также и к государству, либо негативное отношение к нему. Наиболее представительным является тот тип ответов, в котором позитивное отношение к этничности подкрепляется такими же чувствами к государству.

Модальность проявляемых чувств по отношению к белорусскому государству и к своей этничности тесно взаимосвязана со значимостью гражданской и этнической принадлежности, то есть с субъективной оценкой респондентами важности своего гражданства и этничности (рис. 6.3.1).

Сравнение оценок значимости этнической и гражданской принадлежности, характерных для каждого из четырех выделенных типов показало, что самыми низкими эти оценки оказались в четвертой группе (негативно относящихся как к своей этничности, так и к государству).

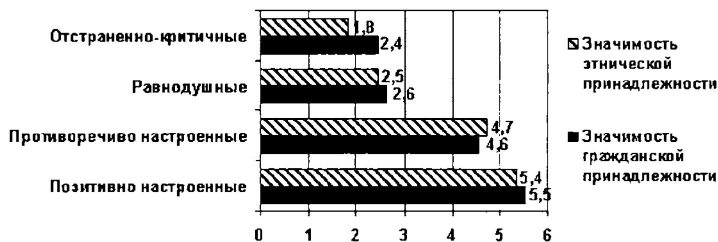

Рис. 6.3.1. Значимость гражданской и этнической принадлежности в группах респондентов, демонстрирующих различные сочетания этнических и гражданских чувств

И, наоборот, в первой группе (среди позитивно настроенных) оценки важности собственной этничности и гражданской принадлежности оказались самыми высокими. В третьей группе (равнодушно настроенных) эти оценки были ниже, чем во второй группе (противоречиво настроенных).

Исходя из полученных результатов, можно говорить о том, что позитивное отношение к своей этничности («позитивно настроенные» и «противоречиво настроенные») обусловливает высокую субъективную значимость как этнической, так и гражданской принадлежности. При этом отношение к государству, в некоторой мере, либо усиливает эту значимость, либо снижает. В то же время индифферентное отношение к этнической принадлежности связано с низкими оценками важности как этничности, так и гражданства. Это свидетельствует о том, что чувства, адресованные своей этничности, имеют базовый характер.

Таким образом, эти результаты, указывая на хорошую согласованность ответов, также демонстрируют и то, что респондентам, позитивно воспринимающим свою страну и этничность, также присущи и высокие показатели выраженности эмоционально-ценностного компонента этнической и гражданской идентичности.

Среди каких слоев населения чаще встречаются представители выделенных групп? Анализ данных показал (см. рис. 6.3.2), что представители второй и третьей группы («противоречиво настроенные» и «равнодушные») чаще встречается среди молодых людей (до 30 лет). «Позитивно настроенные» респонденты составляют около половины среди людей зрелого возраста (после 50 лет). При этом среди 21—30-летних таких оказалось менее всего. Группа «отстраненно-критичных» респондентов, чаще всего встречается в широкой возрастной когорте от 21 до 50 лет.

Существенные различия также наблюдаются в соотношении выделенных групп среди респондентов с различным уровнем образования (см. рис. 6.3.3). «Позитивно

настроенные» больше распространены среди людей с начальным, неполным средним и общим образованием. В этих группах такая позиция является доминирующей. Повышение уровня образования связано с увеличением доли «противоречиво настроенных» и «отстраненно-критичных». Среди респондентов с высшим образованием доминируют «противоречиво настроенные», и встречается наименьшая распространенность равнодушного отношения.

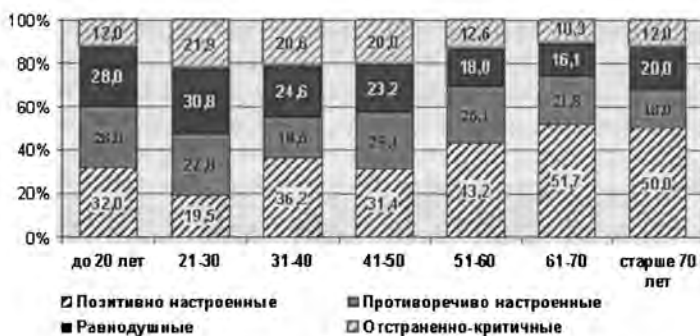

Рис. 6.3.2. Представленность групп, демонстрирующих различные сочетания этнических и гражданских чувств, среди респондентов разного возраста

Рис. 6.3.3. Представленность групп, демонстрирующих различные сочетания этнических и гражданских чувств, среди респондентов с разным уровнем образования

Анализ распространенности ответов, репрезентирующих четыре выделенные группы, среди жителей различных регионов республики показал следующее (см. рис. 6.3.4). Наиболее широко согласованные и непротиворечивые позитивные чувства (и к своей этничности, и к государству) распространены среди жителей Витебской (58,2%) и Могилевской (42,7%) областей. Наименее часто позитивные чувства назывались в ответах жителей западных областей республики — Брестской (22,7%) и Гродненской (21,0%). Среди них реже других встречается согласованность между данными чувствами. При этом здесь, а также в Гомельской области наиболее широко распространены группы, которые характеризуют индифферентное отношение к своей этничности и к государству.

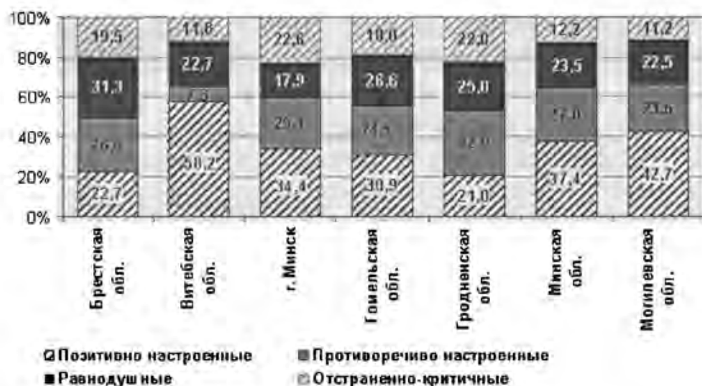

Рис. 6.3.4. Представленность групп респондентов, демонстрирующих различные сочетания этнических и гражданских чувств, среди жителей разных регионов республики

Полученные результаты свидетельствуют о том, что выделенные группы респондентов, которые характеризуются различными сочетаниями чувств, адресованных государству и своей этничности, обладают ярко выраженными социально-демографическими характеристиками, а также локализованы в определенных регионах. Так целостное позитивное отношение («позитивно настроенные») наиболее распространено среди старшего поколе-

ния, людей с невысоким уровнем образования и живущих преимущественно в восточных областях республики. Позитивные этнические чувства, сопряженные с негативным отношением к современному белорусскому государству («противоречиво настроенные»), наиболее характерны для молодых и людей с высоким уровнем образования, а также для жителей западных областей. Близкие характеристики присущи типу равнодушно относящихся и к своей этничности, и к стране («равнодушные»). Это также преимущественно молодые люди из западных областей. Только с точки зрения образования, среди респондентов, индифферентно относящихся и к государству, и к своей этничности, реже других встречаются люди с высшим образованием. В свою очередь, группа, характеризующаяся равнодушием к этничности и негативным отношением к стране («отстраненно-критичные»), чаще встречается в столице и западных областях, среди людей в возрасте 21—50 лет с высшим образованием.

В заключение необходимо отметить основные выводы, полученные в результате исследования:

1. В восприятии жителей республики своей этничности превалирует позитивное, индифферентное и нейтральное отношение. Отмечается минимальная распространенность негативных и амбивалентных этнических чувств. В противоположность этому, анализ чувств, адресованных белорусскому государству, позволяет говорить о выраженной поляризации жителей страны. Об этом свидетельствуют три равновеликие группы респондентов, испытывающих по отношению к современному белорусскому государству как негативные, так позитивные и индифферентные чувства.

2. Обнаружено, что с возрастом изменяется доминирующее отношение к своему государству. Молодежь отличается преобладанием негативных чувств, адресованных своему государству, а старшее поколение — позитивных чувств. С увеличением возраста также уменьшается распространенность равнодушного отношения. В свою очередь, чувства, адресованные жителями республики своей этничности, особенно негативные, незначительно

различаются среди различных возрастных групп. При этом представители зрелого и старшего возраста (51—70 лет) наиболее позитивно и менее противоречиво воспринимают свою этничность в сравнении с представителями средних возрастных групп (21—50 лет).

3. Полученные результаты свидетельствуют, что высокий уровень образования является условием более критичного отношения как к государству, так и к этничности. Эта тенденция наиболее ярко проявляется в чувствах, адресованных белорусскому государству. Тогда как отношение к этничности становится скорее более индифферентным и менее позитивным, а распространенность негативных чувств не возрастает.

4. Выявлено, что, когда чувства, адресованные, и своей этничности, и белорусскому государству имеют позитивную направленность, то они подкрепляют и дополняют друг друга. В случае негативных чувств жители Беларуси четко разделяют свое отношение к этничности и государству.

5. Взаимосвязь между чувствами, адресованными своей этничности и государству, характеризуется тем, что позитивному отношению жителей Беларуси к своей стране сопутствует также позитивное отношение и к этничности. Тогда как позитивные чувства к этничности могут сочетаться с негативными по отношению к белорусскому государству. Результаты свидетельствует о том, что этнические чувства выступают в качестве базовых, а чувства, адресованные государству имеют более ситуативный характер и в значительной степени обусловлены модальностью и выраженностью этнических.

6. Выявлены наиболее представительные типы сочетания чувств, адресованных этничности и государству. Среди них самым распространенным является позитивное отношение к этничности, подкрепленное такими же чувствами к государству (позитивно-настроенные респонденты). Кроме того, выделены группы респондентов, позитивно относящихся к своей этничности и негативно к белорусскому государству (противоречиво настроенные), испытывающих безразличие одновременно и к своей эт-

ничности, и к белорусскому государству (равнодушные), а также индифферентно относящихся к своей этничности и негативно к белорусскому государству (отстраненно-критичные).

7. Определены социально-демографические портреты носителей каждого из наиболее распространенных сочетаний гражданских и этнических чувств. «Позитивно настроенные» респонденты — это, прежде всего, люди старшего поколения с невысоким уровнем образования. «Противоречиво настроенные» и «равнодушные» — это представители молодого поколения. При этом для первых характерно высшее образование, а для вторых — нет. «Отстраненно критичные» — это люди среднего возраста, преимущественно с высшим образованием.

8. Обнаружена региональная специфика в распространенности каждого из сочетаний гражданских и этнических чувств. «Позитивно настроенные» чаще встречаются в восточных областях республики, «противоречиво настроенные» и «равнодушные» — в западных областях, а «отстраненно-критичные» — в западных областях и столице.

9. Выявлено, что отношение жителей к своему государству может рассматриваться в качестве одного из показателей социальной дезинтеграции. В тоже время актуальность и противоречивость отношений к современному государству может выступать «катализатором» вовлеченности широких слоев населения в обсуждение и решение важных социальных проблем, повышения их гражданской активности.

На основании сделанных выводов можно говорить об эмоциональной составляющей восприятия жителями Беларуси своей этничности и белорусского государства. Обнаруженная специфика гражданских и этнических чувств свидетельствует об определенных особенностях тех способов отношения к своей национальности и стране, которые свойственны жителям республики. Так, отношение к этничности характеризуется позитивной направленностью, устойчивостью и неактуализированностью в повседневном социальном взаимодействии. Оно выступает тем

основанием, которое является фундаментом, для формирования более подвижных и ситуативно опосредованных чувств. Преимущественно позитивная направленность этнических чувств играет, вероятно, роль необходимого устойчивого основания для позитивной самоидентификации. В свою очередь, отношение к государству является более противоречивым и динамичным. По сравнению с этническими чувствами оно носит внешний, более ситуативный характер, так как, вероятно, в меньшей степени личностно значимо. Это обусловлено, в том числе, и исторически. Включение территории Беларуси в состав различных государств обусловило отношение к государству, как к преходящим обстоятельствам, к которым необходимо всякий раз заново адаптироваться. Кроме того, чувства к белорусскому государству характеризуются изменчивостью в зависимости от возраста и образования. Эта динамичность свидетельствует о перспективных возможностях анализа постепенной трансформации этнического и гражданского самосознания.

Приложение к главе 6

«Особенности чувств, адресованных населением республики своей этничности и белорусскому государству»

Таблица 1. **Распространенность ответов респондентов, характеризующих чувства, адресованные своей этничности и современному белорусскому государству (в % *)**

Направленность чувств	Чувства, адресованные государству	Чувства, адресованные своей этничности
Позитивные	26,5	50,2
Негативные	36,6	4,3
Безразличие	21,9	31,6
Амбивалентные	7,4	2,9
Нейтральные	4,5	9,3
Неопределенные	3,0	1,7
Итого	100	100

*Процент подсчитывался от числа респондентов, ответивших на вопрос по существу (чувства, адресованные белорускому государству — 1509 респондентов; чувства, адресованные своей этничности — 1552 респондентов)

Таблица 2. **Сравнение распространенности позитивных и негативных чувств по отношению к своей этничности и государству среди различных возрастных групп населения (в % *)**

Возрастные группы	Направленность чувств			
	Негативные		Позитивные	
	к государству	к этничности	к государству	к этничности
До 21 года	35,2	4,4	23,9	51,3
21—30 лет	42,8	4,6	16,1	45,8
31—40 лет	34,6	3,2	26,9	45,9
41—50 лет	39,8	3,9	24,8	48,2
51—60 лет	37,0	5,0	30,4	58,7
61—70 лет	26,9	4,2	40,4	58,4
Старше 70 лет	29,3	6,5	38,0	54,8
Итого	36,6	4,3	26,5	50,2

*Таблица читается по строкам. В таблице сравнивается распространенность только негативных и позитивных чувств, остальные группы чувств не представлены, поэтому процент по строке не равен 100%.

Таблица 3. **Распространенность чувств, адресованных белорусскому государству, среди различных возрастных групп населения (в % *)**

Возрастные группы	Негативные чувства	Позитивные чувства	Безразличие
До 21 года	35,2	23,9	26,1
21—30 лет	42,8	16,1	26,0
31—40 лет	34,6	26,9	25,6
41—50 лет	39,8	24,8	19,3
51—60 лет	37,0	30,4	17,4
61—70 лет	26,9	40,4	16,0
Старше 70 лет	29,3	38,0	18,5
Итого	36,6	26,5	21,9

*Таблица читается по строкам. В таблице приведены только три наиболее распространенные группы чувств, поэтому процент по строке не равен 100%.

Таблица 4. **Распространенность чувств, адресованных своей этничности, среди различных возрастных групп населения (в % *)**

Возрастные группы	Негативные чувства	Позитивные чувства	Безразличие
До 21 года	4,4	51,3	32,3
21—30 лет	4,6	45,8	36,3
31—40 лет	3,2	45,9	37,7
41—50 лет	3,9	48,2	32,9
51—60 лет	5,0	58,7	24,0
61—70 лет	4,2	58,4	21,1
Старше 70 лет	6,5	54,8	22,6
Итого	4,3	50,2	31,6

*Таблица читается по строкам. В таблице приведены три наиболее распространенные группы чувств, поэтому процент по строке не равен 100%.

Таблица 5. **Распространенность чувств, адресованных белорусскому государству, среди респондентов с разным уровнем образования (в % *)**

Уровень образования респондентов	Негативные чувства	Позитивные чувства	Безразличие
Начальное	24,1	35,0	25,5
Среднее	28,5	32,7	25,0
Среднее специальное	34,4	27,4	23,7
Незаконченное высшее	45,9	20,2	21,1
Высшее	49,5	18,4	15,7
Итого	36,6	26,5	21,9

*Таблица читается по строкам. В таблице приведены три наиболее распространенные группы чувств, поэтому процент по строке не равен 100%.

Таблица 6. **Распространенность чувств, адресованных своей этничности, среди респондентов с разным уровнем образования (в % *)**

Уровень образования респондентов	Негативные чувства	Позитивные чувства	Безразличие
Начальное	3,5	59,7	27,1
Среднее	5,0	52,5	32,1
Среднее специальное	3,3	48,8	33,3
Незаконченное высшее	4,0	49,5	30,7
Высшее	5,6	46,4	30,5
Итого	4,3	50,2	31,6

*Таблица читается по строкам. В таблице приведены только три наиболее распространенные группы чувств, поэтому процент по строке не равен 100%.

Таблица 7. **Представленность групп, демонстрирующих различные сочетания этнических и гражданских чувств, среди респондентов разного возраста (в %)**

Группы респондентов	Возрастные группы						
	До 21 года	21—30 лет	31—40 лет	41—50 лет	51—60 лет	61—70 лет	Старше 70 лет
«Позитивно настроенные»	32,0	19,5	36,2	31,40	43,2	51,7	50,0
«Противоречиво настроенные»	28,0	27,8	18,6	25,4	26,1	21,8	18,0
«Равнодушные»	28,0	30,8	24,6	23,2	18,0	16,1	20,0
«Отстраненно-критичные»	12,0	21,9	20,6	20,0	12,6	10,3	12,0
Итого	100	100	100	100	100	100	100

Таблица 8. **Значимость гражданской и этнической принадлежности в группах респондентов, демонстрирующих различные сочетания этнических и гражданских чувств***

Группы респондентов	Значимость гражданской принадлежности	Значимость этнической принадлежности
«Позитивно настроенные»	5,5	5,4
«Противоречиво настроенные»	4,6	4,7
«Равнодушные»	2,6	2,5
«Отстраненно-критичные»	2,4	1,8

* Средние арифметические значения оценок по шкале от 0 (совсем не важно) до 7 (максимально важно).

Таблица 9. **Представленность групп, демонстрирующих различные сочетания этнических и гражданских чувств, среди респондентов с разным уровнем образования (в %)**

Группы респондентов	Образование				
	Начальное, неполное среднее	Общее среднее	Среднее специальное	Незаконченное высшее	Высшее
«Позитивно настроенные»	49,4	43,2	33,5	29,8	23,6
«Противоречиво настроенные»	15,7	18,4	22,0	28,1	33,5
«Равнодушные»	22,9	24,2	26,7	24,6	18,7
«Отстраненно-критичные»	12,0	14,2	16,9	17,5	24,1
Итого	100	100	100	100	100

Таблица 10. **Представленность групп респондентов, демонстрирующих различные сочетания этнических и гражданских чувств, среди жителей разных регионов республики (в %)**

Группы респондентов	Области						
	Брестская	Витебская	г. Минск	Гомельская	Гродненская	Минская	Могилевская
«Позитивно настроенные»	22,7	58,2	34,4	30,9	21,0	37,4	42,7
«Противоречиво настроенные»	26,6	7,3	25,1	24,5	32,0	27,0	23,6
«Равнодушные»	31,3	22,7	17,9	26,6	25,0	23,5	22,5
«Отстраненно-критичные»	19,5	11,8	22,6	18,0	22,0	12,2	11,2
Итого	100	100	100	100	100	100	100

Глава 7

ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ ЖИТЕЛЕЙ БЕЛАРУСИ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗМЕНЕНИЯ

В контексте анализа специфики гражданской идентификации, как механизма включения человека в макросоциальную группу, особое значение имеет характер и содержание изменений, происходящих в обществе. В ходе такого рода радикальных и глубоких социальных преобразований, какими сопровождалось обретение Беларусью своей государственной независимости, проблемы гражданской идентификации не только актуализируются, но и содержательно переформулируются.

В стабильных условиях длительного существования государства наиболее актуальны задачи сохранения и воспроизводства гражданской идентификации, которые решаются за счет успешной социализации, то есть включения человека в существующую гражданскую общность, интериоризации соответствующих смыслов, ценностей и освоения норм поведения. То есть актуальные проблемы относятся преимущественно к индивидуальной стороне данного феномена, к социальным факторам и условиям, определяющим специфику процесса социализации.

В условиях же радикальных преобразований, касающихся изменения государственных границ и устройства (а значит как формальной, так и сущностной стороны гражданской принадлежности), наиболее важным становится переосмысление оснований для консолидации вновь образовавшегося сообщества граждан. То есть акцент смещается на процессы становления и изменения представлений о стране (государстве), о принадлежности к нему и к возникшей гражданской общности, о сущности взаимоотношений между гражданином и государством,

гражданином и гражданским обществом и т. д. Здесь наиболее актуальными становятся факторы и тенденции качественного изменения гражданской общности как коллективного субъекта. Следует отметить, что, говоря о коллективном субъекте, мы имеем ввиду явление социокультурное, существование которого связано не с наличием объективных связей между людьми, а с их осознаваемостью, признаваемостью и реализацией в соответствующей социальной практике[1]. Поэтому становление гражданской общности выражается в обретении определенности, устойчивости и распространенности «обновленных» оснований гражданского единства. Содержание представлений о сообществе граждан, включение их в практику социального взаимодействия определяет сущность и специфику данного сообщества как реального коллективного субъекта в социальном пространстве.

Важной особенностью проблемы гражданской принадлежности для Беларуси является то, что процесс становления новой гражданской общности сопряжен для большинства населения страны со сменой гражданской принадлежности с «советской» на «белорусскую», которая (смена) затрагивает изменение не только границ, но и принципов социально политического устройства. То есть процессы становления и изменения идут параллельно, определяя специфику гражданского самосознания в Беларуси.

Сложность проблемы предполагает и разнообразие подходов к анализу. Здесь мы хотели бы обратиться к такому важному, но малоизученному фактору трансформации общественной жизни в целом и гражданской идентификации в частности как смена поколений. Под поколениями[2] в данном случае понимаются такие субъекты

---

[1] Такое представление о сущности коллективного субъекта связано с парадигмой социального конструктивизма, которая развита в трудах Я. Асмана, Л. Ионина, П. Бергера, Т. Лукмана и др.

[2] Распространенность термина поколение в социологических работах предполагает всякий раз уточнение его интерпретации, которая, на наш взгляд, должна быть обусловлена исследовательской проблемой. Именно постановка проблемы позволяет делать выбор между различными критериями, по которым может производиться выделение поколений.

социального пространства, которые выделяются не только по возрастному принципу, но и на основании различий в системах ценностей, установок и представлений, то есть на основании социокультурных различий. Возникновение этих различий связано с периодами таких социальных изменений, воздействие которых делает прежние установки и нормы деятельности не адекватными и не приемлемыми[3]. В этом смысле такие социальные изменения создают ситуации, которые называют «вызовами времени». Новое поколение появляется в ходе «формулирования» ответов и решений на те задачи и проблемы, которые ставит перед молодыми людьми, вступающими во взрослую жизнь, радикальное и в этом отношении судьбоносное изменение социальной ситуации. В результате каждое следующее поколение характеризуется «собственной» иерархией ценностей, системой смыслов и соответствующих социальных практик.

В конкретных социальных условиях и ситуациях каждое поколение реализует специфичные для него комплексы норм и ценностей, которые несут в себе отпечаток социально-исторических условий становления данного поколения и событий его «жизненного пути». Смена поколений, связанная с естественным переходом от одного этапа жизненного цикла к другому, является механизмом изменения возможности реализации этих комплексов в социальном пространстве. Это создает условия динамичности общественной жизни, в которой появление одних поколений и уход других всякий раз переструктурирует социальное пространство.

Такой подход к выделению поколений, когда они определяются как носители целостных социокультурных комплексов, позволяет рассматривать их смену как важнейший фактор изменения восприятия и осознания гражданской принадлежности. Кроме того, неизбежность ухода одних и появления других поколений, дает возмож-

---

[3] Обоснование данного подхода к понятию «поколение» см.: Водолажская Т. В., Кацук Н. Л. Поколения как субъекты социокультурного пространства: постановка проблемы и возможности исследования // Социологическое знание и социальные процессы в современном белорусском обществе. Мн.: УП «Экоперспектива» 2005 г. — С. 30—42.

ность не только исследовать непосредственное состояние гражданского самосознания, но и обнаружить тенденции его изменения.

Относительно проблемы гражданской идентификации важным является еще один аспект «поколенческого взгляда». Ортега-и-Гассет выделял его как источник, «в котором таится неожиданная энергия и драматизм»[4]. Это то, что любая историческая действительность, любое настоящее, охватывает несколько разных «времен», сосуществующих друг с другом в виде представителей разных поколений. Они с необходимостью сталкиваются в социальной практике, где реализуют порой несовместимые нормы, ценности и способы восприятия мира. Это содержательное различие усиливается различием «жизненного времени» каждого из них, которое является одним из ресурсов, определяющим соотношение поколений в социальном пространстве.

В то же время социокультурные различия, обозначающие границы между поколениями, не носят всеобщего характера, а касаются различных сторон жизни в большей или меньшей степени. Поэтому по отношению к гражданской идентификации смена поколений может сопровождаться как трансляцией и воспроизводством тех или иных содержательных и эмоционально-ценностных компонентов, так и их изменением и формулированием новых. От соотношения этих процессов (воспроизводства и трансформации) зависит степень изменчивости сущности гражданской общности как коллективного субъекта — изменения ее облика, объединяющих связей и оснований солидарности.

Здесь мы обратимся к анализу отдельных аспектов восприятия гражданской принадлежности среди различных поколений жителей современной Беларуси, с целью обнаружить специфику становления и изменения гражданской общности как коллективного социального субъекта. Мы рассмотрим степень осознания гражданской принадлежности (гражданская самоидентификация), представления о понятии «гражданин», отношение к своему

---

[4] *Ортега-и-Гассет Х.* Что такое философия?

гражданству и его значимость, предпочтения в выборе гражданства. Эмпирической базой анализа стали данные, полученные в ходе республиканского исследования, посвященного восприятию этничности и гражданства (2004 г.).

Что касается определения границ поколений, воспользуемся результатами исследования, специально посвященного этой задаче[5]. В нем, в соответствии с обозначенным выше определением поколений как социокультурных субъектов, было выделено 8 поколений жителей Беларуси. Их названия основаны на тех исторических периодах, которые пришлись на момент обретения самостоятельности представителями того или иного поколения (18 лет). Были выделены: поколение независимости (16—30 лет[6]), поколение перестройки (31—39 лет), поколение Брежневского застоя (40—48 лет), поколение сворачивания реформ (49—54 года), «шестидесятники» (55—64 года), «дети войны» (65—72 года), воевавшее поколение (73—80 лет), первое советское поколение (81—90 лет). При этом высказывалось предположение, что процесс формирования «поколения независимости» еще не закончен. «На сегодняшний день в рамках «поколения независимости» можно говорить выделении двух субпоколений, что в перспективе может привести к их обособлению друг от друга[7]». Учитывая актуальность в настоящее время переосмысления оснований гражданской принадлежности, в данной работе мы рассмотрели эти два субпоколения внутри «поколения независимости» как самостоятельные: «поколение реализации проекта белорусской государственности» (16—24 года) и «поколение периода установле-

---

[5] В ходе поискового исследования по проблеме выделения поколений как субъектов белорусского социокультурного пространства, были определены границы поколений, которые требуют подтверждения и дальнейшего анализа. Результаты исследования изложены в статье: Водолажская Т. В., Кацук Н. Л. Поколения как субъекты социокультурного пространства.

[6] Приведенные здесь возрастные границы рассчитывались с поправкой на изменение возраста представителей выделенных поколений с 2003 г. (исследование, где были выделены поколения) по 2004 г. (исследование по проблемам этничности гражданства).

[7] *Водолажская Т. В., Кацук Н. Л.* Поколения как субъекты социокультурного пространства.

ния независимости» (25—29 лет). Кроме того, в исследовании 2004 года «первое советское поколение» оказалось столь малочисленным, что его единичные представители были присоединены к «воевавшему поколению».

Итак, обратимся к полученным результатам. Степень гражданской идентификации раскрывает меру осознания и принятия человеком факта собственной гражданской принадлежности, что является необходимым условием для появления и дальнейшего существования гражданской общности. Данные свидетельствуют, что представители всех поколений демонстрируют довольно высокий уровень гражданской идентификации (рис. 7.1). Хотя очевидно, что старшие поколения, начиная от «сворачивания реформ», в большей мере осознают себя гражданами Беларуси. После них отмечается резкое ослабление гражданской идентификации. Но самое молодое поколение вновь демонстрирует рост этого показателя. Эти результаты позволяют сделать несколько заключений.

Во-первых, кризис, который констатируется исследователями социальной идентичности, связанный с разрушением прежних и появлением новых оснований идентификации, в отношении гражданской составляющей, в разной степени затронул рассматриваемые поколения.

Рис. 7.1. Сила идентификации с гражданами Беларуси среди представителей различных поколений

В наибольшей мере он проявляется в поколениях «Брежневского застоя», «перестройки» и «установления независимости». В то же время гражданская идентификация самого молодого поколения свидетельствует о тенденции восстановления механизмов социализации и утверждении в общественном сознании необходимых категорий для идентификации с гражданами Беларуси.

Во-вторых, изменение степени идентификации не связано непосредственно с фактом переосмысления гражданской принадлежности. Например, самые низкие показатели наблюдаются как у «поколения Брежневского застоя», так и у «поколения периода установления независимости», хотя первому из них пришлось осознавать факт смены гражданства, а второму — нет. В то же время два самых молодых поколения существенно отличаются друг от друга, хотя они оба формировались уже в условиях независимости Беларуси.

В-третьих, чередование более высоких и более низких показателей гражданской идентификации показывает, что они не являются также и функцией возраста, например, чем старше, тем выше осознание гражданской принадлежности.

Таким образом, можно предположить, что различие в гражданской идентификации связано со спецификой самих поколений, то есть с содержанием представлений о гражданстве и отношением к нему, сформированным в конкретных социально-исторических условиях. Так, например, «поколение периода установления независимости» обретало самостоятельность в условиях смены политической системы и государственного устройства, когда проблемы гражданства (его принципов, сущности) составляли один из значимых аспектов «вызова времени». Для них гражданская идентификация может иметь более осознанный и вместе с тем проблемный характер, что, вероятно, и проявляется в одном из самых низких значений гражданской идентификации. Тогда как близкое ему «поколение реализации проекта белорусской государственности» формировалось в условиях уже более или менее сформулированной идеологии белорусской государст-

венной и соответствующих категорий идентификации, которые подлежат трансляции, а не формированию и переосмыслению. Гражданская идентификация может восприниматься ими как естественная и сама собой разумеющаяся.

Показатель значимости гражданской принадлежности от поколения к поколению изменяется аналогично показателю идентификации (см. приложение к главе 7, табл. 2). То есть отсутствует постепенность и плавность изменения значений показателя, и наиболее низкие значения наблюдаются среди представителей поколений «Брежневского застоя», «перестройки», и «периода становления независимости». Это, с одной стороны, подтверждает границы поколений как субъектов социокультурного пространства, а с другой, еще раз указывает на важность специфики каждого из них относительно понимания сути гражданства и гражданской общности.

Поэтому обратимся к представлениям о понятии «гражданин» среди представителей различных поколений. Они выявлялись при помощи ответов на вопрос: «Какое из предложенных высказываний наиболее точно соответствует Вашим представлениям о понятии «Гражданин страны»?». В предложенных вариантах ответов был задан ряд оснований для определения сущности гражданства: территориальная принадлежность («гражданин — это человек, который проживает на территории страны); наличие формального статуса («гражданин — это человек, который имеет гражданство); реализация статуса («гражданин — это человек, который использует свои права и выполняет обязанности); чувства по отношению к стране («гражданин — это человек, который любит свою страну»); социально-политическая активность («гражданин — это человек, который активно участвует в социальной и политической жизни»).

Интерпретация и понимание сути гражданства имеет для нас особое значение, поскольку она является не только основанием для самокатегоризации, отнесения себя к гражданам страны, но и основанием для объединения и чувства общности с согражданами, а значит, в опреде-

ленной мере отражает сущность становящейся гражданской общности.

Судя по полученным данным, представления о гражданстве каждого из поколений включают в себя все предложенные варианты, но распространенность каждого из них различается, что раскрывает своеобразие каждого поколения (табл. 7.1).

Таблица 7.1. **Распространенность представлений о понятии «гражданин» среди представителей различных поколений (в %)**

Поколения	*Гражданин — это человек, который ...*					
	проживает на территории страны	любит свою страну	имеет гражданство	использует свои права и выполняет обязанности	активно участвует в социально-политической жизни	Итого
Реализации проекта белорусской государственности	11,7	17,2	28,3	26,7	16,1	100
Периода становления независимости	9,6	20,5	20,5	27,7	21,7	100
Перестройки	9,4	26,8	19,5	28,9	15,4	100
Брежневского застоя	16,9	29,7	15,7	22,7	15,1	100
Сворачивания реформ	23,3	26,2	18,4	11,7	20,4	100
«Шестидесятники»	13,8	40,4	21,3	14,9	9,6	100
«Дети войны»	34,5	31,0	13,8	12,6	8,0	100
«Воевавшее поколение»	38,0	26,8	18,3	8,5	8,5	100

На основании полученных данных можно определить моменты наиболее существенных «разрывов» в преемственности представлений о понятии «гражданин». «Воевавшее поколение» и «дети войны» однозначно размещают гражданство в смысловом пространстве территориальной принадлежности и чувства привязанности к стране. Это предполагает соответствующее «воображение» гражданской общности, где она неразрывно связана со страной. «Шестидесятники» демонстрируют резкое изменение в по-

нимании гражданства, которое характеризуется, с одной стороны, ростом свойственного этой эпохе патриотического романтизма (быть гражданином значит любить свою страну), а с другой, распространением представлений о гражданстве как о политико-правовом статусе, хотя бы и формальном. Такое изменение смысла гражданской принадлежности отражает проникновение и распространение в советском обществе идей демократии и права, как организующих оснований социальной жизни.

Следующие два поколения демонстрируют отсутствие доминирующих представлений о гражданстве. То есть, даже при довольно высоком уровне гражданской идентификации налицо отсутствие общих (более или менее разделяемых) оснований для солидарности и объединения в гражданскую общность, поскольку представления о сущностных характеристиках тех, кто в нее входит, предельно разнообразны. Можно предполагать, что представители этих поколений реализуют разнообразие и в социальной практике, той самой практике, посредством которой гражданская общность становится реальным коллективным социально-политическим субъектом. Причем надо отметить, что эти два поколения по крайней мере потенциально (в силу своего возраста) имеют наибольшее политическое, экономическое и социальное влияние, а значит, занимают приоритетную позицию в социальном пространстве. Это является одним из важнейших факторов, обусловливающих проблемы становления гражданской общности в современной Беларуси.

Представители молодых поколений, в особенности «перестройки» и «установления независимости» выделяются наименьшей распространенностью территориального понимания гражданства, а также практически равной представленностью всех остальных вариантов ответов. Хотя здесь также не наблюдается явного доминирования, но уже очевидно преобладание формально-статусного понимания гражданства над эмоциональной и территориальной привязанностью.

У самого младшего поколения эта тенденция наиболее ярко выражена и, можно сказать, закреплена. Оно де-

монстрирует наибольшую распространенность интерпретации гражданства как формальной принадлежности (наличие гражданства), дополненной правовым статусом (выполнение прав и обязанностей), и наименьшую распространенность представлений о гражданстве как о чувстве привязанности к стране. Это поколение выделяется на фоне остальных. От непосредственно предшествующих поколений оно отличается большей смысловой определенностью и однозначностью представлений о понятии «гражданин», а от более отдаленных — содержательной противоположностью этих представлений.

Таким образом, от поколения к поколению прослеживается качественное преобразование содержания представлений о сущности гражданской принадлежности. Наблюдается смена одного преобладающего смыслового наполнения представлений, через разнообразие и эклектичность, к другому преобладающему смысловому наполнению. Содержательно это изменение касается, в первую очередь, роли и места страны в понимании гражданства. Если среди старших поколений гражданство воспринимается через связь со страной, будь то формальную, но эмоционально и ценностно подкрепленную, то молодое поколение, предъявляющее новое понимание сути гражданства, рассматривает его, преимущественно, как атрибут, статус или социально-политическую практику человека, вне связи с конкретной страной. Это позволяет зафиксировать не только отличия между поколениями, но и обозначить тенденцию изменения сущности гражданской общности как коллективного субъекта, а именно изменение критериев идентификации с ней и оснований, вокруг которых происходит объединение ее членов.

Суть изменений происходящих в гражданском самосознании подтверждается и раскрывается в предпочтениях при выборе желаемого гражданства и в отношении к собственной гражданской принадлежности. Ответы респондентов на вопрос «Если бы у Вас была возможность выбора, то гражданство какой страны вы хотели бы иметь?» показывают, что те поколения, для которых гражданство базируется на привязанности к территории или любви

к стране, демонстрируют подавляющее предпочтение белорусского гражданства. В свою очередь, представители «поколения реализации проекта белорусской государственности», обозначенного нами как выразителя качественных изменений в восприятии гражданской принадлежности, чаще других предполагают возможность смены гражданства (табл. 7.2). Это означает, что для них реализация себя как гражданина не имеет жесткой связи с конкретной страной и воспринимается скорее в качестве возможности самореализации.

Таблица 7.2. **Отношение к своей гражданской принадлежности и предпочитаемое гражданство среди представителей различных поколений (в %)***

	Поколения							
	Реализации проекта белорусской государственности	Периода становления независимости	Перестройки	Брежневского застоя	Сворачивания реформ	«Шестидесятники»	«Дети войны»	«Воевавшее поколение»
Предпочитаемое гражданство								
Республики Беларусь	36,5	32,6	47,1	54,2	68,2	62,9	68,4	77,5
Двойное	13,5	5,8	8,5	6,7	6,4	4,8	2,1	2,5
Гражданство другой страны	15,6	18,6	17,0	13,4	5,5	12,4	8,4	5,0
Не задумывался	28,6	33,7	23,5	18,4	17,3	13,3	13,7	7,5
Затрудняюсь ответить/ Нет ответа	5,7	9,3	4,0	7,2	2,7	6,7	7,4	7,5
Отношение к своей гражданской принадлежности								
Положительное	64,6	67,4	77,8	72,1	74,5	81,0	84,2	81,3
Нейтральное	28,1	27,9	18,3	20,1	19,1	17,1	11,6	10,0
Отрицательное	1,6	1,2	0,7	1,7	0,9	—	1,1	—
Затрудняюсь ответить	5,7	3,5	3,3	6,1	5,4	1,9	3,2	8,8

* Таблица читается по строкам.

В этом качественном сдвиге отражается не только исключительно белорусская специфика изменения гражданского самосознания, но и проявляется общая тенденция разрыва между «координатами», в которых происходит самоопределение человека в глобализирующемся мире, и непосредственным местом жизнедеятельности, пространством повседневных действий.

Безусловно, нельзя не учитывать фактор возрастной готовности к социальной мобильности, которая выше у молодых людей. Тем не менее данные показывают, что предпочтения в выборе гражданства тесно взаимосвязаны не столько с возрастом респондентов, сколько с силой гражданской идентификации и значимостью гражданской принадлежности (см. приложение к главе 7, табл. 3.). Кроме того, наблюдаются различия в содержании тех оснований, на которых строится предпочтение (или отвержение) белорусского гражданства. Так, в ответе на открытый вопрос о наиболее привлекательных сторонах жизни в Беларуси, те, кто выбирает гражданство Беларуси и те, кто выбирает гражданство другой страны, отмечают различные приоритеты (см. приложение к главе 7, табл. 4). Выбор белорусского гражданства согласуется с ответами о привлекательности природных условий и белорусской культуры. Тогда как готовность сменить гражданскую принадлежность связана с обращением к социально-экономическим условиям жизни в Беларуси. Эти результаты согласуются с отмеченным выше содержанием изменений в представлениях о гражданстве, которые от чувств сопричастности и территориальной привязанности преобразуются в формально-статусную и прагматическую сторону. Это подтверждает важность не столько возрастного, сколько поколенческого фактора восприятия гражданской принадлежности.

Отношение к своему гражданству также существенно различается среди рассматриваемых поколений (табл. 7.2). Точнее распространенность негативного отношения практически не отличается, а вот степень индифферентности значительно выше у двух самых молодых поколений, для которых характерно преобладание формального-статус-

ного понимания гражданства. Таким образом, налицо не только изменение содержания гражданской принадлежности, но и связанное с ним эмоциональное отношение к этой принадлежности, которое отражает степень включенности данного основания самокатегоризации в структуру личности (в Я-концепцию). Это отношение позволяет судить об эмоциональной легитимности гражданской общности для ее членов, которая характеризует уровень их солидарности.

Итак, современное состояние гражданской общности в Беларуси можно охарактеризовать как состояние социокультурного сдвига — периода смены смысловых и ценностных оснований ее существования. Состояние трансформации и обнаруженная эклектичность представлений наиболее социально активных (средних) поколений свидетельствует об отсутствии сейчас общего разделяемого смыслового и ценностного ядра, создающего возможности консолидации белорусского общества и солидарности на собст-венно гражданских основаниях.

Безусловно, имеющиеся данные не отражают всю полноту картины, однако позволяют выдвинуть гипотезу о направленности и содержании изменений, происходящих с гражданским самосознанием, которые связаны со сменой поколений. А именно изменений тех принципов и оснований, которые определяют конкретно-историческое единство гражданской общности. Характер этого единства напрямую зависит от представлений ее членов о том, каким образом, на каких основаниях происходит ее выделение в социальном пространстве и внутренняя интеграция. Обнаруженные различия между поколениями свидетельствуют не просто о смещении акцентов в этих основаниях, а о принципиальных изменениях. Для старших поколений взаимосвязь между членами гражданской общности опосредуется общей пространственной отнесенностью — общей страной, через отношение к которой (либо формальное, либо эмоционально насыщенное) осознаются и воспроизводятся узы, связывающие сограждан. То есть объединенность опосредована отнесением к чему-то, лежащему вне индивидов, существующему независимо от

них. Тогда как молодые поколения демонстрируют иное место цели и смысла, вокруг которых возможно объединение гражданской общности. Оно переносится на атрибуты и характеристики человека. Отсутствие опосредующего основания задает совершенно иные способы «воображения сообщества[8]» и его консолидации.

Выделение формально-статусных характеристик, в качестве основных критериев гражданства, может предполагать два способа консолидации. Во-первых, типологическое объединение, основанное на сходстве черт и норм поведения. Он фактически не несет в себе потенциала развития эмоциональной легитимности такого сообщества для его членов. Отсутствие этой легитимности в настоящий момент проявляется в меньшей эмоциональной и ценностной насыщенности гражданской принадлежности среди представителей молодых поколений. Однако другой возможностью консолидации является единое пространство практики реализации тех норм и образцов, посредством которых определяется политико-правовой статус гражданина, общее пространство деятельности. При этом условиями существования такого рода коллективного социального субъекта, основаниями для солидарности ее членов является признание этого статуса, норм и способов его реализации в качестве значимой жизненной ценности. Тогда взаимодействия между членами общности и объединяющие их узы опосредуются общими ценностями и целями деятельности. Однако это только потенциальные возможности и сейчас нельзя сказать насколько они будут реализованы. Поскольку «поколение реализации проекта белорусской государственности», которое в наиболее полной мере является носителем нового восприятия и интерпретации гражданской принадлежности только вступает в период социальной активности.

---

[8] *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. — М.: «Канон-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001

Приложение к главе 7

«Гражданская идентификация: тенденции и перспективы изменения»

Таблица 1. ***Идентификация с гражданами Беларуси среди представителей различных поколений*** *

Поколения	Сила идентификации	
	X	*SD*
Поколение реализации белорусской государственности	4,05	*1,19*
Поколение периода становления независимости	3,85	*1,47*
Поколение перестройки	3,95	*1,31*
Поколение Брежневского застоя	3,86	*1,40*
Поколение сворачивания реформ	4,20	*1,22*
«Шестидесятники»	4,14	*1,32*
«Дети войны»	4,20	*1,16*
«Воевавшее поколение»	4,39	*1,19*
Итого	4,05	*1,29*

*X — среднее арифметическое значение оценок по шкале от 0 (совсем не осознаю) до 5 (осознаю в максимальной степени); Sd — среднеквадратическое отклонение.

Таблица 2. **Значимость гражданской принадлежности среди представителей различных поколений** *

Поколения	Значимость гражданской принадлежности	
	X	*SD*
Поколение реализации белорусской государственности	4,52	*1,83*
Поколение периода становления независимости	4,26	*2,27*
Поколение перестройки	4,59	*1,99*
Поколение Брежневского застоя	4,46	*2,15*
Поколение сворачивания реформ	4,71	*2,20*
«Шестидесятники»	4,82	*1,94*
«Дети войны»	5,27	*1,76*
«Воевавшее поколение»	5,18	*2,12*
Итого	4,68	*2,03*

*X — среднее арифметическое значение оценок по шкале от 0 (совсем не важно) до 7 (максимально важно); Sd — среднеквадратическое отклонение.

Таблица 3. **Предпочитаемое гражданство и показатели силы и значимости гражданской принадлежности ***

Гражданство какой страны Вы хотели бы иметь	Значимость гражданской принадлежности		Сила гражданской идентификации	
	X	*SD*	*X*	*SD*
Республики Беларусь	5,41	*1,70*	4,36	*1,04*
Другой страны	3,21	*2,15*	3,50	*1,62*
Двойное	4,22	*2,30*	3,62	*1,62*
Не задумывался об этом	3,77	*1,96*	3,88	*1,17*
Затрудняюсь ответить	4,02	*1,91*	3,43	*1,71*
Итого	4,68	*2,03*	4,05	*1,29*

*X — среднее арифметическое значение оценок: — силы гражданской идентификации по шкале от 0 (совсем не осознаю) до 5 (осознаю в максимальной степени); — значимости гражданской принадлежности по шкале от 0 (совсем не важно) до 7 (максимально важно); Sd — среднеквадратическое отклонение.

Таблица 4. **Предпочитаемое гражданство и представления о наиболее привлекательных сторонах жизни в Беларуси (в %*)**

Наиболее привлекательные стороны жизни в Беларуси	Гражданство какой страны Вы хотели бы иметь?				
	Республики Беларусь	Другой страны	Двойное	Не задумывался	Затрудняюсь ответить
Мир, спокойствие, стабильность	23,3	19,1	24,5	23,9	24,5
Природа, географическое положение	30,5	22,1	26,4	26,1	14,3
Люди, их черты характера, менталитет	19,8	20,6	20,9	16,0	20,4
Культура и история	6,2	2,9	6,4	5,9	6,1
Это — Родина	2,5	2,9	5,5	4,3	2,0
Благоприятные социально-экономические условия	10,1	16,2	10,0	8,5	12,2
Политическая ситуация	4,3	–	5,5	5,3	2,0
Независимость	1,4	–	–	1,6	–
Ничего	8,7	10,3	8,2	11,2	10,2
Затрудняюсь ответить	8,5	11,8	10,9	10,1	12,2
Все	1,6	7,4	0,9	0,5	2,0
Другие ответы	2,7	2,9	10,0	4,3	2,0

*Таблица читается по столбцам. Процент рассчитывался как доля высказываний среди респондентов. Так как высказывания одного респондента могут относиться к различным категориям, то сумма процентов по столбцу не равна 100.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абдулатипов Р. Г.* Национальные отношения и политика общественного согласия // Этнополитический вестник, — 1995. — № 2. — С. 15—35.

2. *Авраамова Е. М.* Формирование новой российской макроидентичности // Общественные науки и современность. — 1998. — № 4. — С. 52—61.

3. *Агеев В. С.* Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы. — М.: Изд-во МГУ, 1990. — 240 с.

4. *Агеев В. С.* Психология межгрупповых отношений. — М.: Изд-во МГУ, 1983. — 144 с.

5. *Агеев В. С., Андреева Г. М.* Специфика подхода к исследованию перцептивных процессов в социальной психологии // Межличностное восприятие в группе / Под ред. Г. М. Андреевой, А. И. Донцова. — М.: Изд-во МГУ, 1981. — С. 13—26.

6. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. — М.: «Канон-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001. — 288 с.

7. *Андреева Г. М.* Психология социального познания. — М.: Аспект Пресс, 1997. — 239 с.

8. *Андреева Г. М.* Психология социального познания. — М.: Аспект Пресс, 2000. — 288 с.

9. *Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М., Сусоколов А. А.* Этносоциология. — М.: Аспект Пресс, 1998. — 271 с.

10. *Белинская Е. П., Тихомандрицкая О. А.* Социальная психология личности. — М.: Аспект Пресс, 2001. — 301 с.

11. *Бергер П., Лукман Т.* Идентичность // Психология самосознания. Хрестоматия. — Самара: Изд. Дом «БАХРАХ-М», 2000. — С. 567—588.

12. *Беспамятных Н., Кобяк Г., Розенфельд У.* Пограничный регион как социокультурная проблема // Менталитет восточных славян: история, современность, перспективы: Материалы международной научной конференции. — Гомель, 1999. — С. 112—114.

13. *Борецкая В. К.* Причины взаимозаменяемости понятий «национальности» и «вероисповедания» в менталитете белорусов в конце XX века // Менталитет славян и интеграционные процессы: история, современность, перспективы: Материалы второй международной научной конференции. — Гомель, ГГТУ, 2001. — С. 44—45.

14. *Браун Р.* Межгрупповые отношения // Перспективы социальной психологии / Ред. М. Хьюстон, В. Штребе, Д. М. Стефенсон. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. — С. 548—578.

15. *Бугрова І.* Ідэнтычнасць Беларусі: з вопыту «разумеючай паліталогіі» // Грамадзянская альтэрнатыва. — 1999. — № 1. — С. 33 — 46.

16. *Бурдье П.* Социальное пространство и генезис классов // Социология политики / Пер. с фр. — М.: Socio-Logos., 1994 — 231 с.

17. *Водолажская Т. В.* Идентичность гражданская // Социология: энциклопедия / Сост. А. А. Грицанов, А. В. Абушенко и др. — Мн.: Книжный Дом, 2003. — С. 349—350.

18. *Водолажская Т. В.* Социальные представления о гражданской принадлежности населения Беларуси в условиях становления государственности: Автореф. дис. ... канд. соц. наук. — Мн., 2004. — 21 с.

19. *Водолажская Т. В.* Тенденции изменения социальной идентификации в белорусском обществе // Социологическое знание и социальные процессы в современном белорусском обществе. — Мн., 2004. — С. 118—125.

20. *Водолажская Т. В., Кацук Н. Л.* Поколения как субъекты социокультурного пространства: постановка проблемы и возможности исследования // Социологическое знание и социальные процессы в современном белорусском обществе. — Мн.: УП «Экоперспектива», 2005. — С. 30—42.

21. *Гозман Л. Я., Шестопал Е. Б.* Политическая психология. — Ростов на Дону: Изд-во «Феникс», 1996. — 448 с.

22. *Голубкова Н. Я., Новикова Л. Г.* Социальные изменения и особенности идентификационных побуждений русских в Беларуси // Социология. — 1998. — № 2. — С. 58—68.

23. *Данилова Е. Н.* Кто мы, россияне? // Россия: трансформирующееся общество / Под ред. В. А. Ядова. — М.: Изд-во «КАНОН-пресс-Ц», 2001. — С. 592—608.

24. *Данилова Е., Ядов В.* Контекстуально-лабильная социальная идентичность — норма современных динамичных обществ // СоцИс. — 2004. — № 10.

25. Демократия и образы национализма в РФ 90-х годов. — М.: Мысль, 1996. — 423 с.

26. *Дилигенский Г. Г.* Некоторые методологические проблемы исследования психологии больших групп // Методологические проблемы социальной психологии / Отв. ред. Е. В. Шорохова. — М.: Наука, 1975. — С. 196—205.

27. *Дилигенский Г. Г.* Социально-политическая психология: Учебное пособие для высших учебных заведений. — М.: Новая школа, 1996. — 352 с.

28. *Донцов А. И.* Психологическое единство коллектива. — М.: Знание, 1982. — 203 с.

29. *Драгунский Д. В.* Навязанная этничность // ПолИс. — 1993. — № 5. — С. 24—30.

30. *Дробижева Л. М.* Этничность в современной России: этнополитика и социальные практики // Россия: трансформирующееся обще-

ство / Под ред. В. А. Ядова. — М.: Изд-во «КАНОН-пресс-Ц», 2001. — С. 199—221.

31. *Дюркгейм Э.* Социология. — М.: Канон, 1995. — 352 с.

32. *Емельянова Т. П.* Социальные представления — понятие и концепция: итоги последнего десятилетия // Психологический журнал. — 2001. — Т. 22. — № 6. — С. 39—47.

33. *Ерасов Б. С.* Этническое-национальное-цивилизационное в пространстве Евразии // Цивилизации и культуры. — 1995. — Вып. 2. — С. 81—104.

34. Есть мнение / Общ. ред. Ю. А. Левада. — М.: Прогресс, 1990. — 296 с.

35. *Здравомыслов А. Г.* Этнополитические процессы и динамика национального самосознания россиян // СоцИс. — 1996. — № 12. — С. 23—32.

36. *Ионин Л. Г.* Социология культуры — М.: Логос, 1996. — 280 с.

37. *Ионин Л. Г.* Социология культуры: путь в новое тысячелетие. — М.: Логос, 2000. — 432 с.

38. *Касперович Г. И., Касперович О. В.* Белорусско-русское пограничье: проблемы этнической идентификации // Веснік адукацыі. — 2003. — № 9. — С. 59—62.

39. *Каспяровіч Г. І.* Этнічнае развіцце беларусаў у навейшы час // Беларусы. — Т. 4: Вытокі і этнічнае развіцце / В. К. Бандарчык, В. М. Бялявіна, Г. І. Каспяровіч і інш. — Мн.: Бел. навука, 2001. — С. 280— 425.

40. *Качанов Ю. Л.* Агенты поля политики: позиция и идентичность // Вопросы социологии. — 1992. — Т. 1. — № 2. — С. 61—81.

41. *Качанов Ю. Л.* Практическая топология социальных групп // Socio — Logos'96 (альманах российско-французского центра соц. исследований ИС РАН). — М.: Socio-Logos, 1994. — С. 23—41.

42. *Климова С. Г.* Критерии определения групп «Мы» и «Они» // СоцИс. — 2002. — № 6. — С. 83—95.

43. *Климова С. Г.* Стереотипы повседневности в определении «своих» и «чужих» // СоцИс. — 2000. — № 12. — С. 13—22.

44. *Кобяк Г. Н., Розенфельд У. Д.* Динамика факторов самоидентификации в национальном самосознании белорусов, поляков и русских Гродненщины конца XX века // Этносоциальные и конфессиональные процессы в трансформирующемся обществе: Материалы международной научной конференции: В 2 ч. — Гродно, 2001. — Ч. 1. — С. 127—129.

45. *Козлов В. И.* Проблематика «этничности» // Этнографическое обозрение. — 1995. — № 4. — С. 39—54.

46. *Козлова Т. З.* Самоидентификация некоторых социальных групп по тесту «Кто Я?» // СоцИс. — 1995. — № 5. — С. 102—110.

47. Культурные миры молодых россиян: три жизненные ситуации. — М.: Из-во МГУ, 2000. — 203 с.

48. *Ларина А. В.* Соотношение этнического и гражданского компонентов социальной идентичности у русских, проживающих в различных регионах // Современная психология: состояние и перспективы: Тезисы докладов на юбил. науч. конф. ИП РАН. — М.: Из-во «Институт психологии РАН», 2002. — Т. 2. — С. 159—161.

49. *Лебедева Н. М.* «Синдром навязанной этничности» и способы его преодоления // Этническая психология и общество / Под ред. Н. М. Лебедевой. — М., 1997. — С. 104—115.

50. *Лебедева Н. М.* Социальная идентичность на постсоветском пространстве: от поисков самоуважения к поискам смысла // Психологический журнал. — 1999. — Т. 20. — № 3. — С. 48—58.

51. *Лебедева Н. М.* Русская диаспора: диалог цивилизаций и кризис социальной идентичности // Психологический журнал. — 1996. — Т. 17. — № 4. — С. 32—42.

52. *Лебедева Н. М.* Теоретико-методологические основы исследования этнической идентичности и толерантности в поликультурных регионах России и СНГ// Идентичность и толерантность: Сб. статей / Отв. ред. Н. М. Лебедева — М.: Институт Этнологии и Антропологии РАН, 2002. — С. 10—34.

53. *Левада Ю. А.* Десять лет перемен в сознании человека // Общественные науки и современность. — 1999. — № 5. — С. 28—44.

54. *Левада Ю. А.* Координаты человека // Мониторинг общественного мнения. Экономика и социальные перемены. ВЦИОМ. — 2000. — № 6. — С. 46—48; 2001. — № 1. — С. 7—15.

55. *Левко А. И.* Формирование гражданских качеств личности: методологические проблемы и практический опыт // Адукацыя і выхаванне. — 1997. — № 10. — С. 3—11; № 11. — С. 12—21.

56. *Левкович В. П., Панкова Н. Г.* Социально-психологические аспекты проблемы этнического сознания / Отв. ред. Е. В. Шорохова, В. П. Левкович // Социальная психология и общественная практика. — М.: Наука, 1985. — С. 138—153.

57. *Левяш А. И.* Белорусская идея: в поисках идентичности // Беларуская думка. — 2001. — № 11. — С. 22—38.

58. *Ліхтаровіч Ю., Іваноў У.* Беларуская нацыя: міф альбо рэчаіснасць // Грамадзянская альтэрнатыва. — 1999. — № 1. — С. 5—10.

59. *Манхейм К.* Диагноз нашего времени. — М.: Юрист, 1994. — 700 с.

60. Межличностное восприятие в группе / Под ред. Г. М. Андреевой и А. И. Донцова. — М: «Издательство Московского университета», 1981. — 295 с.

61. *Московичи С.* От коллективных представлений — к социальным // Вопросы социологии. — 1992. — Т. 1. — № 2. — С. 82—96.

62. *Московичи С.* Социальные представления: исторический взгляд // Психологический журнал. — 1995. — № 1. — С. 3—18; № 2. — С. 3—14.

63. Население Республики Беларусь. Итоги переписи населения Республики Беларусь 1999 года: Статистический сборник. — Мн.: Информстат Минстата РБ, 2000. — 197 с.

64. *Науменко Л. И.* Диапазон проявлений чувства этнической идентичности: от приверженности до нигилизма // Власть и жизнь. — Мн., 1998. — С. 301—306.

65. *Науменко Л. И.* Идентичность этническая // Социология: энциклопедия / Сост. А. А. Грицанов, А. В. Абушенко и др. — Мн.: Книжный Дом, 2003. — С. 351—352.

66. *Науменко Л. И.* Изменения этнической идентичности личности и проблема этнокультурной маргинальности // Современная психология: состояние и перспективы исследований. Часть 3. Социальные представления и мышление личности. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002. — С. 236—256.

67. *Науменко Л. И.* Национальный Мы-Образ белорусов и проблема его формирования в условиях современной реальности // Политический процесс в Беларуси: Материалы междунар. научной конференции. — Мн., 1996. — С. 103—105.

68. *Науменко Л. И.* Особенности социальной перцепции внутригрупповой интеграции и межгрупповой дифференциации (по материалам социально-психологического исследования межэтнических отношений в Литве и Белоруссии): Автореф. ... дис. канд. псих. наук. — М.: ИПРАН, 1992. — 18 с.

69. *Науменко Л. И.* Сравнительное исследование этнической идентификации белорусов, русских и представителей других национальностей в Беларуси // Восточная Европа: политический и социокультурный выбор. — Мн., 1994. — С. 119—121.

70. *Науменко Л. И.* Этническая идентичность. Проблемы трансформаций в постсоветский период // Этническая психология и общество. — М.: Старый сад, 1997. — С. 77—88.

71. *Науменко Л. И.* Этничность и гражданство в самосознании жителей современной Беларуси // Социальные и социокультурные процессы в современной Беларуси: социологический анализ. Сб. науч. тр. НАН Беларуси, Ин-т социологии. — Мн.: ООО «ФУА-информ», 2003. — С. 194—203.

72. Национальный состав населения Республики Беларусь и распространенность языков. Итоги переписи населения Республики Беларусь 1999 года. Статистический сборник. — Мн.: Информстат Минстата РБ, 2001. — Т. 1. — 452 с.

73. Национальный состав населения Республики Беларусь, его демографические характеристики и образовательный уровень. Итоги переписи населения Республики Беларусь 1999 года. Статистический сборник. — Мн.: Информстат Минстата РБ, 2001. — Т. 2. — 498 с.

74. Национальный состав населения Республики Беларусь и его экономические характеристики. Итоги переписи населения Республики Беларусь 1999 года. Статистический сборник. — Мн.: Информстат Минстата РБ, 2001. — Т. 3. — 273 с.

75. *Новикова Л. Г., Иванюто О. В., Тарнавский А. А.* Основные характеристики этноконфессиональных отношений в Беларуси на современном этапе // Выбраныя навуковыя працы Беларускага дзяржаўнага універсітэта: У 7 т. Т. 1. Педагогіка. Псіхалогія. Сацыялогія. Філасофія / Адк. рэд. А. І. Жук. — Мн.: БДУ, 2001. — С. 304—328.

76. *Новинская М. Н.* Поиск «новой социальности» и утопическая традиция (проблема человеческого общежития в актуальном срезе) // ПолИс. — 1998. — № 5 — С. 59—78.

77. *Осгуд М., Суси Дж., Танненбаум П.* Приложение методики семантического дифференциала к исследованиям по эстетике и иным

проблемам // Семиотика и искусствометрия. Сб. пер. — М.: Мир, 1972. — С. 118—130.

78. *Павленко В. Н.* Представления о соотношении социальной и личностной идентичности в современной западной психологии // Вопросы психологии. — 2000. — № 1. — С. 135—141.

79. *Павленко В. Н.* Разновидности кризиса социальной идентичности в Украине // Этническая психология и общество / Под ред. Лебедевой Н. М. — М.: Старый сад, 1997. — С. 88—97.

80. *Павленко В. Н., Корж Н. Н.* Трансформация социальной идентичности в посттоталитарном обществе // Психологический журнал. — 1998. — № 1. — С. 75—88.

81. *Павленко В. Н., Кряж И. В., Барретт М.* Этнические и национальные идентификации и представления у украинских детей и подростков // Психологический журнал. — 2002. — № 5. — С. 60—72.

82. *Петренко В. Ф.* Психосемантика сознания. — М.: Из-во МГУ, 1988. — 207 с.

83. *Петренко В. Ф., Митина О. В.* Анализ динамики общественного сознания (на материале политического менталитета). — Смоленск: Из-во СГУ, 1997. — 214 с.

84. *Петренко В. Ф., Митина О. В.* Психосемантическое исследование политического менталитета // Общественные науки и современность. — 1994. — № 6. — С. 23—34.

85. *Плахова А. В.* Социальная символика: к определению понятия // Категории исторических наук. — Ленинград: Наука, 1998. — С. 46—57.

86. *Попов И. А.* Гродненщина этноконфессиональная: взгляд на настоящее // Этносоциальные и конфессиональные процессы в трансформирующемся обществе: Материалы международной научной конференции: В 2 ч. — Гродно, 2001. — Ч. 1. — С. 14—22.

87. *Поршнев Б. Ф.* Социальная психология и история. 2-е изд. — М.: Наука, 1979. — 232 с.

88. Проблема субъекта в психологической науке / Под ред. А. В. Брушлинского, М. И. Воловниковой, В. Н. Дружинина. — М.: Академический Проект, 2000. — 320 с.

89. *Разенфельд У. Д., Бяспамятных М. Н., Кабяк Г. М., Шчалбаніна Г. М.* Даследванне праблем этнічнай і нацыянальнай самасвядомасці ў Гродненскім дзяржаўным універсітэце // Этносоциальные и конфессиональные процессы в современном обществе: Материалы международной научно-практической конференции. — Гродно, 2000. — С. 3—19.

90. Росалес Х. М. Воспитание гражданской идентичности: об отношения между национализмом и патриотизмом // ПолИс. — 1999. — № 6. — С. 93—104.

91. Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики / Под ред. К. А. Абульхановой, А. В. Брушлинского, М. И. Воловниковой. — М.: Из-во «ИП РАН», 1997. — 336 с.

92. *Рыжова С. В.* Этническая идентичность как личностная ценность // Ценности и символы национального самосознания в условиях изменяющегося общества / Под. ред. Л. М. Дробижевой. — М., 1994.

93. *Рыжова С. В.* Личностные аспекты национализма: от этнонегативизма к гиперэтничности // Идентичность и конфликт в постсовет-

ских государствах / Под ред. М. Брилл Олкотт, В. Тишкова, А. Малашенко. — М., 1997. — С. 327—345.

94. *Савоскул С. С.* Украина, Белоруссия. Положение русской диаспоры и этнические миграции // Миграции и новые диаспоры в постсоветских государствах / Отв. ред. В. А. Тишков. — М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1996. — С. 55—86.

95. *Савоскул С. С.* Этнические аспекты постсоветской гражданской идентичности // Общественные науки и современность. — 1999. — № 5. — С. 91—104.

96. *Светлицкая Е. Б.* Новая российская идентичность // Общественные науки и современность. — 1997. — № 1. — С. 72—81.

97. *Семенова В. В.* Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. — М.: Добросвет, 1998. — 292 с.

98. *Сикевич З. В.* «Образ» прошлого в символическом сознании россиян // СоцИс. — 1999. — № 1. — С. 87—93.

99. *Смалянчук А.* Беларусь за 100 гадоў: змяненні нацыянальнай структуры насельніцтва (1897—1999) // Мінулае Гродзеншчыны. Вып. 7. — Гродна, 2000. — С. 3—18.

100. *Смалянчук А.* Нацыянальная структура насельніцтва Беларусі ў XX ст. // Беларусь у XX стагоддзі. Вып. 1. — Мн.: Водолей, 2002. — С. 157—167.

101. Советский простой человек: опыт социального портрета на рубеже 90-х гг. / Под ред. Ю. А. Левады. — М.: Мировой океан, 1993. — 300 с.

102. *Солдатова Г. У.* Психология межэтнической напряженности. — М.: Смысл, 1998. — 389 с.

103. *Соловей Т.* Русское и советское в современном самосознании русских // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах / Под ред. М. Брилл Олкотт, В. Тишкова, А. Малашенко. — М., 1997. — С. 346—358.

104. *Соснин В. А.* Культура и межгрупповые процессы: этноцентризм, конфликты и тенденции национальной идентификации // Психологический журнал. — 1997. — № 1. — С. 50—60.

105. Социальная идентификация личности: годичный отчет за 1993 г. по разделу программы «Человек в кризисном обществе» общеинститутской программы «Альтернативы социальных преобразований в российском обществе / Отв. ред. В. А. Ядов. — М.: ИС РАН, 1993. — 346 с.

106. Социальная идентичность и изменение ценностного сознания в кризисном обществе / Отв. ред. Ю. Шматко — М.: ИС РАН, 1992. — 71 с.

107. Социальная и историческая психология субъекта // Психология индивидуального и группового субъекта / Под ред. А. В. Брушлинского. — М.: ПЕР СЭ, 2002. — 368 с.

108. *Стефаненко Т. Г.* Атрибутивные процессы в межгрупповых отношениях: Автореф. дис. ... канд. псих. наук. — М.: МГУ, 1989. — 18 с.

109. *Стефаненко Т. Г.* Этническая идентичность в ситуации социальной нестабильности // Этническая психология и общество / Под ред. Н. М. Лебедевой. — М., 1997. — С. 97—104.

110. *Стефаненко Т. Г.* Этнопсихология. — М.: Институт психологии РАН, «Академический проект», 1999. — 320 с.

111. *Стоунквист Э. В.* Маргинальный человек. Исследование личности и культурного конфликта // Современная зарубежная этнопсихология. Реферативный сборник. — М.: Изд-во Института этнографии им. Маклая, 1979. — С. 90—112.

112. *Сушков И. Р., Куликов В. И., Ципцюк В. Г.* Социально-психологический аспект межнациональных отношений // Психолог. журн. — 1991. — Т. 12. — № 1. — С. 31—39.

113. *Сушков И. Р.* Социально-психологическая теория Джона Тернера // Психологический журнал. — 1993. — Т. 14. — № 3. — С. 115—125.

114. *Сушков И. Р.* Психология взаимоотношений. — М.: Академический проект, ИП РАН; Екатеринбург: Деловая книга, 1999. — 448 с.

115. *Тадевосян Э. В.* Этнонация: миф или социальная реальность? // СоцИс. — 1998. — № 6. — С. 61—68.

116. *Татарова Г. Г., Бурлов А. В.* Логическая организация данных, полученных методом неоконченных предложений // СоцИс. — 1999. — № 8. — С. 123—133.

117. *Тернер Дж.* Социальное влияние. — СПб.: Питер, 2003. — 256 с.

118. *Тернер Дж., Оукс П., Хэслен С., Дэвид В.* Социальная идентичность, самокатегоризация и группа // Иностранная психология. — 1994. — № 2. — С. 8—17.

119. *Тихонова Н. Е.* Самоидентификация россиян и ее динамика // Общественные науки и современность. — 1999. — № 4. — С. 5—18.

120. *Тишков В. А.* О нации и национализме // Свободная мысль. — 1996. — № 3. — С. 30—39.

121. *Тишков В. А.* Этнология и политика. Научная публицистика. — М.: Наука, 2001. — 240 с.

122. *Толстова Ю. Н.* Измерение в социологии: курс лекций. — М.: ИНФРА-М, 1998. — 224 с.

123. *Толстых А. В.* Неизвестный классик // Идентичность: юность и кризис / Предисл. к кн. Э. Эриксона. — М.: Прогресс, 1996.

124. *Толстых А. В.* Опыт конкретно-исторической психологии личности. — СПб.: Алетейя, 2000. — 288 с.

125. *Хабермас Ю.* Гражданство и национальная идентичность // Демократия, разум, нравственность. — М., 1995. — С. 211—239.

126. *Шихирев П. Н.* Проблемы исследований межгрупповых отношений // Психологический журнал. 1992. — Т. 13. — № 1. — С. 15—23.

127. *Шихирев П. Н.* Современная социальная психология. — М.: ИП РАН; КСП+; Екатеринбург: Деловая книга, 2000. — 448 с.

128. *Шлягина Е. И., Ениколопов С. Н.* Методы исследования этнической толерантности личности // Стефаненко Т. Г., Шлягина Е. И., Ениколопов С. Н. Методы этнопсихологического исследования. — М.: Изд-во МГУ, 1993. — С. 28—54.

129. *Эриксон Э.* Детство и общество. — СПб.: Ленато, АСТ, Фонд «Университетская книга», 1996. — 592 с.

130. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. — М.: Прогресс, 1996. — 344 с.

131. *Ядов В. А.* Социальная идентификация в кризисном обществе // Социологический журнал. — 1994. — № 1. — С. 35—52.

132. *Ядов В. А.* Социальная идентификация личности в условиях быстрых социальных перемен // Социальная идентификация личности. — М.: ИС РАН, 1993. — С. 7—18.

133. *Ядов В. А.* Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Психология самосознания. Хрестоматия. — Самара: Изд. дом «БАХРАХ-М», 2000. — С. 589—601.

СОДЕРЖАНИЕ

Научное издание

Науменко Людмила Игоревна
Водолажская Татьяна Валерьевна

ЭТНИЧЕСКАЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ В ВОСПРИЯТИИ НАСЕЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ БЕЛАРУСИ

Редактор *Т. С. Климович*
Художественный редактор *В. А. Жаховец*
Технический редактор *Т. В. Летьен*
Компьютерная верстка *Л. В. Харитонова*

Подписано в печать 15.12.2006 г. Формат 84×108[1]/[32]. Бум. офс. № 1. Гарнитура Таймс ЕТ. Ризография. Усл. печ. л. 9,66. Усл. кр.-отт. 10,08. Уч.-изд. л. 8,1. Тираж 300 экз. Заказ 360.

Республиканское унитарное предприятие «Издательский дом «Белорусская наука». ЛИ 02330/0131569 от 11.05.2005 г. 220141, Минск, ул. Ф. Скорины, 40.

Отпечатано в РУП «Издательский дом «Белорусская наука».